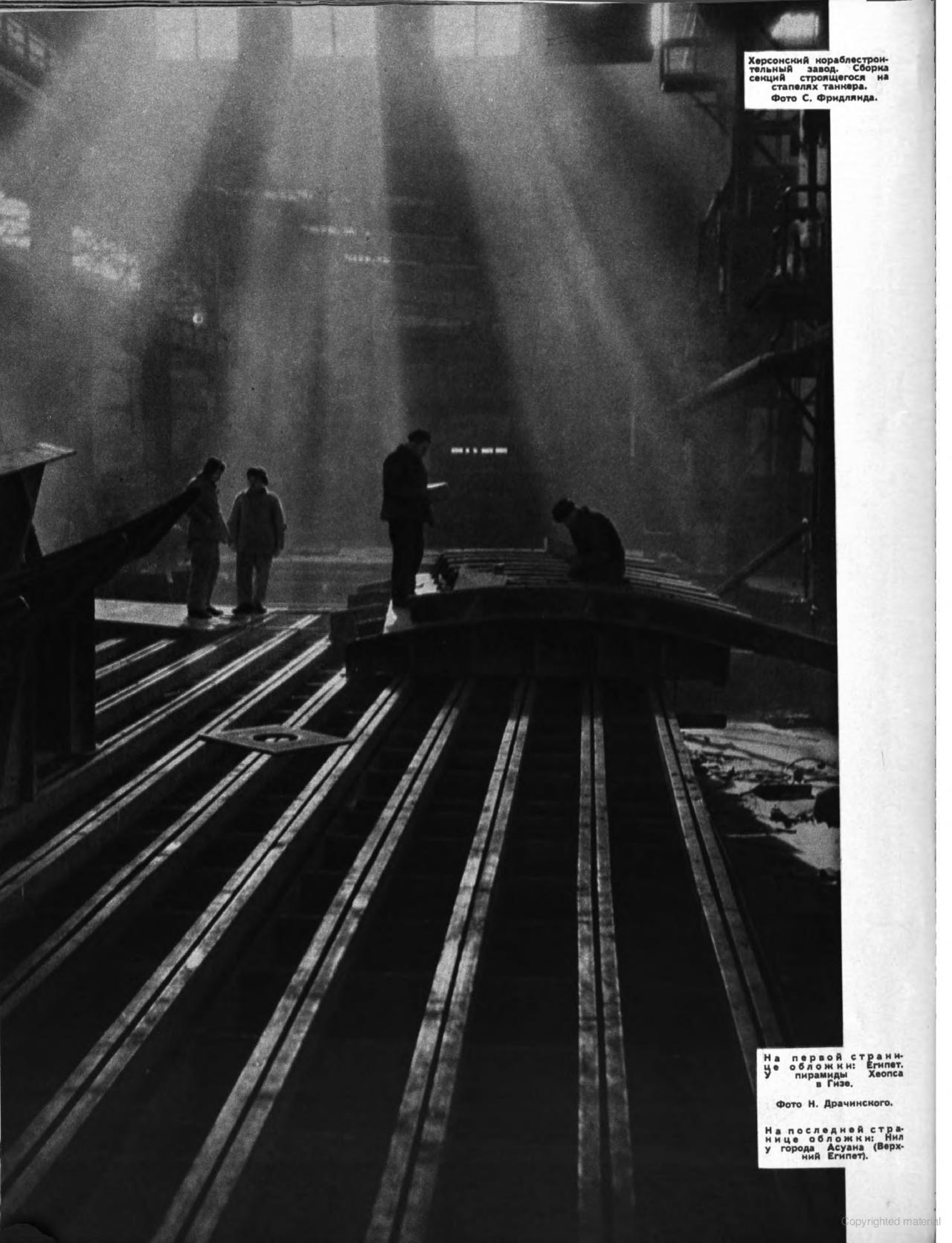

ОГОНЁК
№ 13 МАРТ 1956
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Херсонский кораблестроительный завод. Сборка секций строящегося на стапелях танкера.

Фото С. Фридлянда.

На первой странице обложки: Египет. У пирамиды Хеопса в Гизе.

Фото Н. Драчинского.

На последней странице обложки: Нил у города Асуана (Верхний Египет).

ОГОНЁК

№ 13 (1502) 25 МАРТА 1956

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

34-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Весна!
Чудесная пора...
И солнце высушило крыши,
И во дворах повсюду слышен
Ручей, родившийся вчера.
Галошам не спасти ботинок:
На солнце с самого утра,
Бросая в воду стёкла льдинок,
Весну встречает детвора.
Лучи все ярче,
горячей.
День
ослепляет синевою,
И песнь весны —
над головою
Разноголосый шум грачей!

Игорь ТАРАБРИН

Фотоэтюд М. Бачурина.

НА СЛУЖБЕ ДЕЛУ МИРА

Рагнар ФОРБЕКК

Как пастор христианской церкви, я всегда считал своей главной задачей трудиться во имя мира и дружбы между народами. В течение многих лет я принадлежал к тем немногим норвежским пасторам, которые стояли на пацифистской позиции. Иначе говоря, я разделял взгляды, которых придерживался индийский деятель Ганди и которые, по моему мнению, являются также принадлежностью христианства и сводятся к простой формуле: быть против всякой войны. Я всегда надеялся, что эта идея победит, хотя и видел, что она еще не пробила себе дорогу.

Изобретение атомной и водородной бомбы вплотную поставило человечество перед выбором: мир или невиданные и неисчислимые бедствия и разрушения. И я примкнул несколько лет тому назад к новому движению за мир, руководимому Всемирным Советом Мира.

Это навлекло на меня и продолжает навлекать многочисленные нападки. Говорили, что я вступил в движение, которое является скрытой «коммунистической организацией», стремящейся ослабить западный мир с тем, чтобы «опасные русские» могли захватить его. Такие нападки не производят на меня никакого впечатления. Я глубоко убежден в том, что Советский Союз желает жить в мире и дружбе со всеми народами.

И все же не без сомнения поехал я впервые на встречу с представителями движения сторонников мира. Это была конференция северных стран в защиту мира, она состоялась в Стокгольме в 1951 году.

Как представитель Норвегии, я был избран в президиум конференции. Там я твердо убедился в том, что имею дело с честным движением честных людей всех стран, ставящих перед собой только одну цель — предотвратить новую мировую войну.

В 1952 году на конгрессе в Вене я познакомился с выдающимися деятелями движения сторонников мира: Корнейчуком, Эренбургом, председателем Советского комитета защиты мира Тихоновым. Их слова выражали ту решимость и последовательность, с которой отстаивает мир народ Советского Союза. Всех этих людей я имел удовольствие позже часто встречать и считаю своими близкими друзьями. Много дали мне часы, в течение которых я общался с председателем Всемирного Совета Мира профессором Жолио-Кюри. На каких бы собраниях сторонников мира мне ни пришлось потом бывать, будь то совещания Всемирного Совета Мира или его бюро, в Будапеште они происходили или в Стокгольме,— всюду я ощущал дух единства, дружбы, уважения друг к другу и полную свободу мнений. Ведь у всех была одна цель: спасти мир. Я не могу не упомянуть и о том, что меня радовало как служителя церкви: моими единомышленниками в этом великом деле были духовные лица Востока и Запада, активные участники движения. Особенно запомнились исполненные горячего чувства выступления митрополита Николая.

Надолго останется в моей памяти заключительное заседание великой Ассамблеи народов в Хельсинки в июне 1955 года. Снискавший общее уважение доктор Го Мо-жо председательствовал на собрании, вице-председателями были генерал Хара из Мексики и я. Неожиданно доктор Го Мо-жо попросил меня вести собрание, поскольку он должен был произнести заключительную речь. Я немного смутился: я плохо говорю и по-немецки и по-английски, а мне придется после Го Мо-жо в краткой реплике поблагодарить его за выступление. Что тут поделаешь? Я всегда с большим интересом слушал мудрые слова Го Мо-жо, но на этот раз слышал не так уж много. Я вынул мой маленький англо-норвежский словарь и стал искать те английские слова, которые были нужны. После речи Го Мо-жо я от всего сердца, хотя и с трудом произнося слова, поблагодарил его. Го Мо-жо подошел и обнял меня. Я объявил Ассамблею оконченной и добавил, что борьба за мир будет продолжаться до той поры, пока мир победит. Зрелище, которое предстало моим глазам, я никогда не забуду. Аплодисментам, казалось, не будет конца. Белые, черные, коричневые, желтые люди обнимали друг друга, крепко жали друг другу руки.

Это необычайное зрелище поселило во мне твердую уверенность, что народы всех стран должны добиться и добьются прочного и длительного мира!

Теперь на мою долю выпала большая радость: во второй раз я приглашен быть гостем Советского комитета защиты мира. Мне очень пришлись по сердцу громадная строительная работа, которой занят советский народ, и его твердая воля к миру.

Из Москвы на родину выехали Заместитель Председателя Китайской Народной Республики маршал Чжу Дэ и сопровождающие его лица. На снимке: товарищ Чжу Дэ и провожающие его товарищи В. М. Молотов, Л. М. Каганович и другие лица на перроне Ярославского вокзала.

Фото А. Новикова.

20 марта в Кремле Председатель Президиума Верховного Совета СССР К. Е. Ворошилов принял Чрезвычайного и Полномочного Посла Сирии в СССР Жамаля Е.-Д. Фарра, вручившего свои верительные грамоты.

Фото А. Новикова.

В Свердловском зале Кремля состоялось вручение международной Сталинской премии «За укрепление мира между народами» норвежскому общественному деятелю, пастору Рагнару Форбекку. На снимке (слева направо): митрополит Крутицкий и Коломенский Николай, академик Д. В. Скобельцын, Рагнар Форбекк и его супруга Рут Форбекк.

Фото А. Гостева.

20 марта в Москве открылось Международное совещание по вопросу об организации Восточного института ядерных исследований. На снимке: участники совещания в конференц-зале Академии наук СССР.

Фото Е. Умнова.

Недавно в одном из больших кинотеатров Дамаска, «Фардус», состоялась торжественная церемония вручения международной Сталинской премии «За укрепление мира между народами» выдающемуся общественному деятелю Сирии, председателю Национального комитета сторонников мира Сирии шейху Мухаммеду аль-Ашмару.

В СССР по приглашению Верховного Совета СССР прибыла делегация Национального Собрания Чехословацкой Республики во главе с Председателем Национального Собрания Зденеком Фирлингером. 17 марта делегация побывала в Московском Кремле, осмотрела Большой Кремлевский дворец, рабочий кабинет и квартиру В. И. Ленина. На снимке: делегация в рабочем кабинете В. И. Ленина. Второй справа — глава делегации Зденек Фирлингер.

Фото А. Гостева.

Кончина Ирэн Жолио-Кюри

17 марта в Париже скончалась Ирэн Жолио-Кюри — крупнейший ученый в области радиохимии и физики атомного ядра, выдающийся прогрессивный и общественный деятель. Дочь знаменитых французских физиков — Пьера Кюри и Марии Кюри-Склодовской — Ирэн Кюри после окончания Парижского университета стала преемницей своей матери по заведованию кафедрой Парижского университета. Последнее время руководила лабораторией имени Кюри в Радиевом институте в Париже.

Основная научная работа Ирэн Кюри, удостоенная Нобелевской премии, была выполнена совместно с ее мужем Фредериком Жолио-Кюри. К ней относится прежде всего блестящее открытие искусственной радиоактивности, имеющее важнейшее значение для современной науки и применения атомной энергии в мирных целях.

Велики заслуги Ирэн Кюри и в общественно-политической деятельности. В период оккупации Франции фашистами она была активной участницей движения Сопротивления. Ирэн Кюри участвовала в международных женских конгрессах, в конгрессах сторонников мира. Ирэн Кюри неоднократно приезжала в СССР, участвовала в сессиях Академии наук СССР, членом-корреспондентом которой она была избрана в 1947 году.

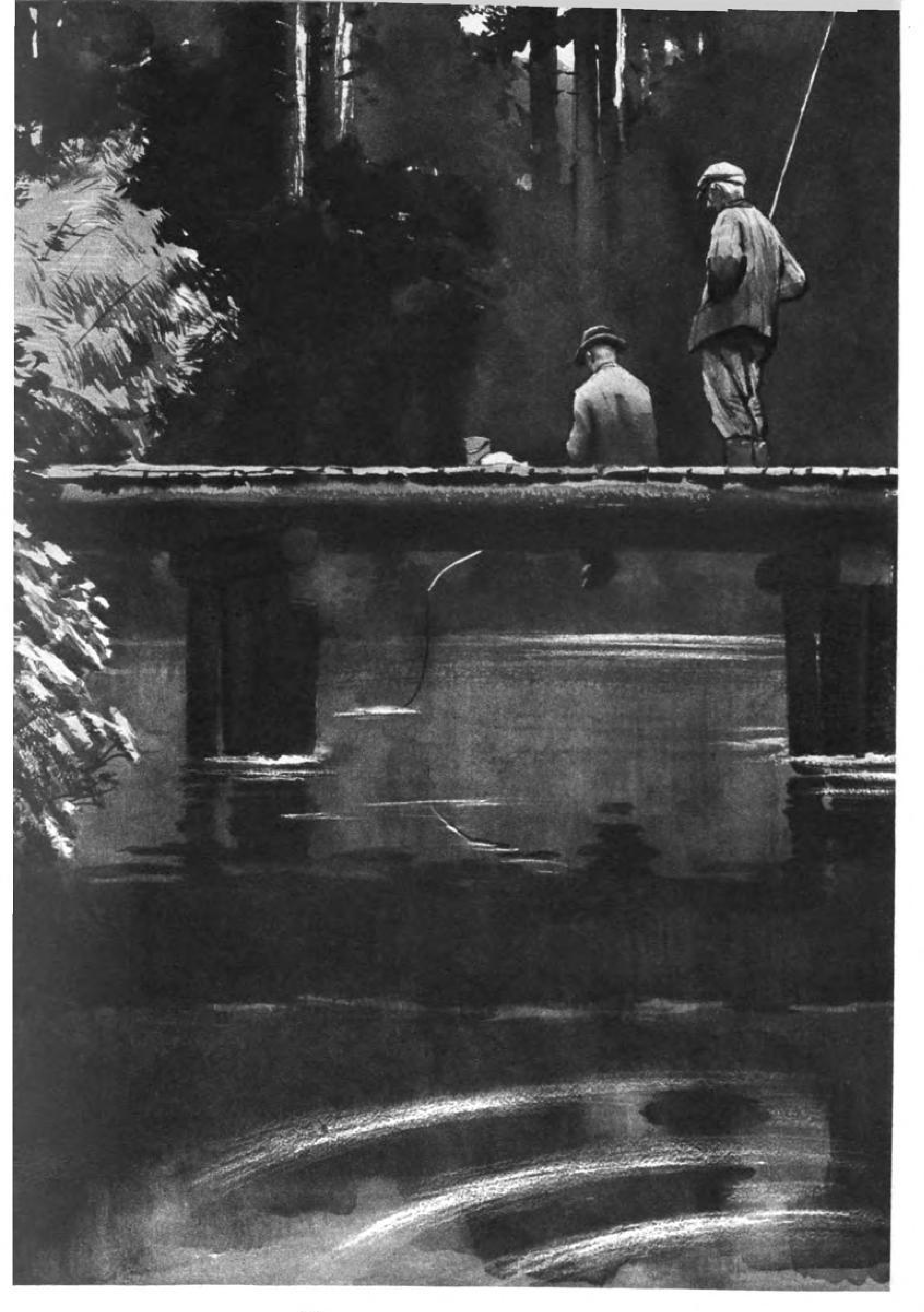
Советские ученые глубоко скорбят о кончине выдающейся дочери французского народа. Светлая память об Ирэн Жолио-Кюри сохранится в сердцах всего прогрессивного человечества.

В. ВДОВЕНКО,
директор Радиевого института
имени В. Г. Хлопина
Академии наук СССР

Вечером 19 марта Чрезвычайный и Полномочный Посол Великобритании в СССР сэр Уильям Хэйтер выступил по Московскому телевидению в связи с поездкой Н. А. Булганина и Н. С. Хрущева в Англию. На снимке (слева направо): директор студии телевидения И. В. Иноземцев, сэр Уильям Хэйтер и третий секретарь посольства г-н Морган, выступавший в качестве переводчика.

Фото В. Дубова.

Лес и степь

Рассказ

Н. ГРИБАЧЕВ

Рисунки О. ВЕРЕЙСКОГО.

В конце мая собрались мы половить рыбу на реке, которую называют Снежеть, а прозывают ласково — Снежка, Снежинка, Снежок. Речка эта маленькая, причудливо петляет по неширокому лугу, окаймленному стеной леса, то ныряя в зеленые туннели низко нависших дубов, то в густые лозняки, сквозь которые не продраться к воде, то выскакивая в кипень трав и цветов. Удивительные это по красоте места! Едва ответвившись от трассы Брянск — Орел, которая дышит жаром и запахом асфальта, лесная дорога влетает в такие ельники и березники, что только диву даешься — до чего хитра и богата на выдумки природа! В одном месте часто, часто, обнимаясь ветвями, стоят беломраморные березки, создавая ощущение какого-то торжественного праздника. Каждая из них стройна, молода, белотела. И вдруг словно разбегаются они в разные стороны, рассыпают свой девичий хоровод, и открывается полянка с разнотравьем и сосенками-подростками, похожими на девочек в широких книзу юбках. А за полянкой уже видятся сосны старые, с медными стволами и зонтообразными вершинами; напоминают они домовитых матерей, которые выпустили порезвиться свое потомство и стоят, наблюдают, шепчутся о чем-то, а о чем, не разобрать, не уловить. Но, должно быть, это что-то отрадное, успокоительное, потому что рождает мысли хорошие, бодрые, от которых совсем легко становится на душе.

Когда машина входит в чащу этих сосен, она уже катится по мягкой, засыпанной хвоей дороге, на которую падает то свет, то тень, отчего становится она похожей на пятнистую тигровую шкуру, разостланную для просушки удачливым охотником. И воздух тут другой — теплый, застоявшийся, с густым ароматом смолы. И уже совсем малоприметная, почти сошедшая на нет, километра через полтора дорога круто сбегает с песчаной осыпи на мостик и тут, на мостике, кончается; дальше идет сырая луговина, где лишь во время сенокоса ездят на телегах. Справа же от мостика лежит глубокий омут, в который с одного, высокого берега смотрятся сосны и дубки, а с противоположного — лоза. За соснами и дубками на обрыве стоят другие сосны и дубки в глубине леса, и кажется даже, что они тихо поторапливают счастливцев поскорее освободить место на самом берегу, чтобы им тоже можно было полюбоваться на свою красоту и стать...

Сперва, когда мы въехали на эту дорогу, разговор шел о рыбной ловле, потом посыпались удивленные восклицания, вызванные тихой праздничной красотой леса, который и находится под самым городом, а сохранился во всей нетронутости. И наконец все примолкли, даже шофер, который по профессиональной привычке считал нужным высказывать вслух свои претензии каждой колее и кочке на дороге. И когда кто-то достал папиросу, чтобы закурить, его усовестили:

— Не копти, нехорошо... Тут чувствуешь себя, как в храме искусств, а ты с табачищем!..

Такими внутренне умягченными мы и приехали к омуту у мостика. Машина накатом подошла к обрыву и остановилась, словно завороженная, когда в ее фарах отразились зеркальная гладь воды, луг с первыми цветами и зеленая стенка леса на противоположной стороне. Мы разобрали удочки и спиннинги, но обычной суеты и азарта почему-то не было. Приятели мои разошлись вправо и влево, выбирая места по душе, а я уселся на самом мостике, из-под которого вода выливалась тугой, хотя и бесшумной струей. Причудливо изломанная, в ней отражалась нависшая с берега ракита, со дна временами подымались серии мелких пузырьков, которые выскакивали на поверхность, одно мгновение кружились на месте и затем, как жемчужины по стеклу, раскатывались в разные стороны. Клева не было, но меня это мало и тревожило, и я до того забылся в думах, что не слышал, как спустился с берега и остановился позади меня наш старый знакомый, Тимашев Петр Пантелеевич, рабочий с электростанции. Я заметил его только тогда, когда он заговорил:

— Неплохое место на язя, но клева не будет... Перестал брать!

— А, здравствуйте, Петр Пантелеевич! И вы на рыбалку? А почему это язь забастовал?

— Его личная тайна... Два дня уже, как притаился. Закурим?

Мы достали из помятой пачки по папиросе, прикурили от одной спички. Я оглядел Тимашева. Одет он был, как и все рыбаки по такому времени, в ватную стеганую куртку и парусиновые брюки; на голове — видавшая виды и, наверное, специально для таких случаев прибрегаемая толстая суконная кепка; на ногах — резиновые сапоги, тщательно заклеенные в нескольких местах аккуратными глазками красной резины. Насколько я помню, таким же был его костюм и четыре года назад, когда мы встречались в последний раз, только что чуть поновее. Но, хотя он и был чисто побрит, мне показалось, что на лице его сильно прибавилось морщин, а на висках седины, хотя ему едва перевалило за пятьдесят. Выглядел он скучным и озабоченным.

— Что ж, — сказал он после паузы, — вдво-

ем на одном месте не ловля... Говорят, ухаживать да рыбу ловить в одиночку лучше.

— Нет, ничего,— отозвался я.— Какая это ловля? Не клюет. Что новенького у вас тут, Петр Пантелеевич?

— Новое каждый день приходит, помалу да в черед, а как все вместе оглядишь, оно уж и старым кажется, обвыкаешь. Живем да живем!

— Привычки у вас, и правда, старые — к речке ходите...

— Хожу вот... После работы пообедаю, да и в лес, да и на реку, брожу, думы разные думаю. Хорошо тут, покойно, иной раз сядешь на пенек, затихнешь, а вокруг птички на ветках устраиваются, пересвистываются, коленца разные выводят, каждая по своему таланту. Они у них, таланты, разные, как и у людей... И тоже, наверное, размышляют они о чем-нибудь, пичуги эти, и, видать, радостно им, обнадеживает жизнь. А у меня преткновение, где ни иду, все саднит, как тот гвоздь в сапоге.

— По работе не ладится?

— Да чего ей не ладиться, работе? Ладится! Новое оборудование у нас поставили, так даже и любопытнее стало. В семействе происшествие...

Я не стал расспрашивать, неудобно, а он помолчал, посмотрел искоса, словно размышляя, стоит ли заезжать в глубины, вздохнул:

— Дочку мою помните?

— Помню, как же!..

С дочкой его мы познакомились несколько неожиданным образом. Был конец июля, с неделю стояла редкостная жара, ветер приносил с полей и крутил по городским улицам столбы пыли, стены зданий накалились, и даже в помещениях, куда не достигало солнце, висела тяжелая духота. Дождавшись субботы, мы устремились на Снежку, переночевали в лесу у костра, с утра ловили рыбу и купались. Но в середине дня — мы даже сперва и не заметили ее из-за леса — накатила грозовая туча и обдала окрестности таким холодным и шумным душем, какого в этих местах давно не видели. Почти непрерывно била молния, ухал гром, вверху во внезапно спустившихся сумерках мотались, надсадно скрипели и стонали вершины деревьев, ветер еще в воздухе закручивал воду воронками, и она хлестала вкривь и вкось, во всех направлениях. При первых каплях дождя мы устроились под широкой кроной дуба, но когда аспидное небо начала разламывать молния, вышли на луг и промокли до нитки.

Гроза прошла, но обсушиться надежды не было, солнце не показывалось, и мы пошли в поселок, причем решили пробираться прямиком через лес. И вскоре совсем запутались в ельниках и березниках. Кое-где по лесу вились старые тропки, еле заметные в траве, но они пересекались между собой, загибались, петляли, и совершенно немыслимо было разобрать, куда они ведут. Это очень смешно, когда несколько взрослых людей без всякого толку топчутся в лесу почти на одном месте, но смешно со стороны, а не для тех, на ком одежда мокра и прилипает к телу, у кого спички и табак превратились в месиво, а вдобавок к тому и голод дает себя знать... Так прошло, наверное, часа два, как вдруг у березничка, того самого, который, как оказалось, другой своей стороной примыкал к дороге, мы увидели девушку с венком светлых кос вокруг головы и синими глазами, стройную, под стать березкам, возле которых она стояла, только загорелую. На руке ее висела корзинка для грибов, выражение лица было серьезное и выжидательное, но я готов был поклясться, что глаза ее смеялись. Мы поздоровались, спросили, далеко ли до поселка.

— Да рукой подать!

— А вы грозу тут пережидали? И не промокли?

— Я под стожком, вон там на полянке стоит.

— Убить могло.

— Не могло! Стожок маленький, с шапку, а поблизости сосны высокие...

Это и была дочь Тимашева — Светлана, студентка медицинского института. Она провела нас в дом отца тропинкой, помогла матери чистить рыбу, жарить грибы, готовить всякую снедь ради прихода нежданных гостей. Среди нас был молодой журналист, недавно прибывший в редакцию чуть ли не прямо с университетской скамьи — парень по-городскому разбитной, но совершенно беспомощный в лесу и у реки, не умевший ни костра развести, ни удочку как следует в руках держать. Когда его в первый раз спросили, каким цветом цветет гречиха, он, наскоро перебрав в уме весь скудный запас своих познаний в сельском хозяйстве, ответил — синим — и чуть не уморил смехом всю редакцию. Сотрудник отдела культуры, отчаянный балагур, посоветовал ему ловить рыбу, используя в качестве насадки грибы, и тот поверил, целое утро пытался соблазнить окуня сыроежкой...

Этот журналист, Вова Жарков, когда мы пришли к Тимашевым, все время держал свой нос в направлении Светланы, словно нос этот был стрелкой компаса, а девушка — центром земного магнетизма. Вова даже вызвался помочь в чистке рыбы, но на первом же окуне вогнал под ноготь занозу и потом больше недели ходил с пальцем-куколкой, которую та же Светлана и намотала ему из широкого бинта. За несколько часов, пока мы находились в доме, Вова Жарков пустил в дело все известные ему методы ухаживания, в том числе самую тонкую лесть, но девушка только щурила от удовольствия свои синие глаза,— к похвалам, как известно, даже бабушки неравнодушны! — поощрительно посмеивалась и никак не соглашалась «подышать свежим воздухом» на опушке у дома.

Позже мы узнали, что он до осени раза четыре ездил к Тимашевым, писал Светлане письма, доверительно рассказывал машинисткам о предстоящей перемене в его жизни, но ничего так и не произошло... А у нас осталось воспоминание о синеглазой лесной красавице, расторопной, доброй, с постоянной улыбкой на красиво очерченных губах, словно, кроме превосходного мира, который ее окружал, она носила еще в себе свой, особый, в котором постоянно светило щедрое весеннее солнце и жили только очень добрые и душевные люди...

— Так что же с дочкой? — спросил я Петра Пантелеевича, который вертел в руках свою удочку, словно примеривая, стоит ее разматывать или не стоит.

— Уехала.

— Дети всегда так: уезжают, приезжают...

— То-то и оно, что не надеюсь.

— А куда уехала?

— На целину.

— Да, это серьезно... И у нее хватило решимости покинуть отца, мать, такие замечательные места?

— Хватило вот... Я и сам понять этого не могу, должно быть, стар становлюсь.

— И не тоскует?

Петр Пантелеевич подумал, словно собирая воедино разрозненные факты и присматриваясь, что из этого получается.

— Кто ж ее знает? Тут разобраться трудно... По зиме мать посылку туда отправила, грибочков сушеных из нашего леса. Дочка пишет потом, что ели их совместно, похваливали, а она тем временем про леса наши рассказывала, про Снежинку вот эту. Вы не слышали, не доводилось, а она у нас мастерица рассказывать, у бабки, что ли, переняла — плавно так ведет, в подробностях... Так вот и пишет, что рассказывала, рассказывала, а там и решили они себе тоже лесок посадить возле озера... Вырастет он там, как полагаете?

— Должен бы.

— Видите, как получается! И я подумал, что может... Мать — она только и радуется, что грибки по вкусу пришлись, женщина, одним словом, а я уразумел.

— Что?

— Так ведь это значит, что накрепко обживаются они там, назад не собираются! Когда квартиру получают новую, это еще ничего, квартиры и в других местах есть, поменять можно, а вот если сад или там лесок садят, это уже насовсем, это не отпустит... Деревья, которые сам сажал, они, как малые дети: ты уходить, а они не пускают, ручонками цепля-

ются, к родительскому сердцу взывают... Когда он и какой там лесок вырастет, это еще никому неизвестно, а в мою жизнь он таким клином вбился, что и не выбьешь его и не подойдешь ни с какой стороны... Клюет, кажется, не прозевайте!

Поплавок моей удочки долго подрагивал и покачивался, потом стал тонуть. Я подсек и вытащил небольшую красноперку, но, решив, что уха не соберется все равно, отпустил ее. Она упала в темную возле настила воду, серебряно блеснула и пропала с глаз. Солнце между тем закатилось за синюю зубчатку леса, и сначала во всю реку легла зеленоватая тень, а потом небо вверху стало как бы разогреваться от зари, и вода тоже порозовела, посветлела. Петр Пантелеевич удочки так и не размотал, а сидел и смотрел, как попусту рыскает на воде мой поплавок.

— Не будет сегодня удачи,— сказал он наконец.— Разве что утром, а сегодня не будет, рыба холодную ночь чувствует...

— Да дьявол с ней, с рыбой,— посидел у воды, и то благо. У меня недавно сверстник умер от инфаркта, говорят, переработал... А по-моему, мало воздухом дышал, мало по лесам, полям да лугам ходил... Так что же с дочкой, Петр Пантелеевич?

— Похоже, что дело решенное... Да ведь дочка что же, она все равно замуж вышла бы, уехала бы куда-нибудь, верно? Нынче дороги у молодых вон как разбегаются, разве удержишь? Тут другая ситуация образуется.

— Какая же еще?

— Внук.

— Да ведь не было внука как будто?

— Не было, правда. Но девка-то она красивая, здоровая, а из этого какой вывод? А вывод такой, что, значит, будет внук...

Тимашев глубоко вздохнул и помедлил, как будто колебался, продолжать разговор или закончить? И не удержался, махнул рукой:

— Видите ли, мне и себя не хочется лишний раз тревожить, да что уж... Горе это у меня давнее, и его в воду, как вы ту плотичку, не выпустишь! Перед войной двое их у меня росло, Светлана да мальчик Сережа. Четыре года ему было, когда фашисты в наши края пришли... Поселок наш около самого леса, поэтому поставили гарнизон крепкий и ни одной живой души никуда не пускали, партизан боялись. Голодали люди страшно, немыслимо голодали, кору с деревьев кругом пообъели... Когда наши пришли, половины в живых не было, а остальные — кто еле на ногах держался, а кто уж и вовсе не двигался, в полном забвении смерти ожидал. Я на второй день из партизанского отряда прибыл, Сережа только разочек глаза приоткрыл, узнал меня, наверное, сказать что-то хотел, да не смог, сил не хватило... Разобрал я ему на гробик доски с потолка, потому что других-то не было, фашисты в доты уволокли и на труху перевели, и отнес на руках тот гробик в сосновую гривку, на бугорок, где песочек посуше... Похоронил сынка и половину себя вместе с ним... Пойду, бывало, в лес и все с ним разговариваю, оправдываюсь перед ним, что не смог спасти, не смог во-время придти... Только потом, когда Светлана подросла, вроде отпустило душу малость — о внуке мысли появились. По лесу хожу ли, у реки ли, все вижу, как будет бегать он тут своими ножонками, грибку, ягодке, птичке радоваться, сосны слушать — они, эти сосны, в ветер, как живые, промеж себя разговоры ведут или песню поют, длинную такую, тихую... Прутик какой из земли, из-под хвои да травы старой пробьется, я ему внушаю: «Расти, тянись, то-то внуку удилище будет!» Рыбка какая маленькая по случайности на удочку попадется, отпускаю да приговариваю: «Живи, набирайся сил, внучек поймает — вот радость-то!..» А теперь так получается, что ничего этого не будет. Вот и хожу, как леший, от мыслей убегаю, а они — за мной, за мной... Матери не говорю, не расстраиваю, сам же в маяте постоянной.

— Внук и там вырастет, Петр Пантелеевич.

— А вы тех мест не видели, не бывали случайно? Какие они?

— Большой простор, Петр Пантелеевич!.. На море похоже, только море зеленое, а там пятнами идет. Солнца много, побольше, чем у нас.

— Здоровые, стало быть, места?

— Здоровые. Да чего бы и вам со временем не поехать туда? Через год, через два построят все, обживутся — лучше не надо!

— Прикидывал... А сын как же? Он-то ведь в сосновой гривке останется...

— Ну дочка в отпуск приедет и внука привезет, вот и побродите тут, покажете ему красоту эту.

— И это прикидывал. Неловко выходит... Говорят вот, что бабки внуков любят больше, чем детей своих. Отчего это, разъяснить не могу, но чувствую — правда заложена в этом большая... Вот и посудите, что получается: приедет он, к сердцу прирастет, а потом опять в свои края. Что же выходит-то, что буду я по ночам маяться, думать, здоров ли, не чихает ли, не кашляет, не промочил ли ноги, учится хорошо ли? Летом же в грозу или зимой лес шумит, шумит, словно сердится, побранки шепчет: дурень ты, дескать, старый дурень, нивесть за что и цепляешься, а дите от себя отпустил, оторвался... Вот оно как получается-то!

Спустились сумерки; сначала ими густо наполнился, словно вымок в темной воде, лес, потом они вытекли на берег и на луг. Мы пошли к машине, собрали соснового сушняку. Для того, чтобы удобнее было чистить картошку, шофер включил фары — белые снопы света протянулись через реку и луг до другой опушки. Серебряными искрами вспыхнули и заплясали в лучах ночные бабочки и мошкара, из лозняка с шумом вырвалась потревоженная птица и шмыгнула в темноту. Петр Пантелеевич привычно быстро орудовал своим перочинным ножом, снимая кожуру экономно, тончайшим слоем. Но, очистив и бросив в котелок картофелину, порой задумывался и поглядывал на луговину, где в низинах начал уже отслаиваться прозрачный еще туман.

— А в степи, наверное, далеко видать свет машины,— заметил он в одну из таких пауз.— За версту!

— Пожалуй, что и за десять...

— Ишь ты! От простора, значит... Сперва — как звезда, потом — как белая дорога... Занятно! И звери, надо полагать, есть какие-нибудь, зайцы там всякие или еще что?

— Есть... Жизнь как жизнь!..

Позже всех на стоянку вернулся корреспондент газеты Вова Жарков. Он за это время возмужал, загорел, многому научился и стал совершенно несносным в компании рыболовов, потому что у воды забывал решительно обо всем: дрова собирать, ужин готовить — его нет, домой ехать — приходится час горло драть, пока докличешься. Петр Пантелеевич долго всматривался в него, пока признал, а когда признал, попрекнул:

— Эх ты, ухажер... Не оправдал надежды!

— Да я что же? — смутился Жарков. — Я ничего...

— То-то, что ничего... Положим, я тогда за тебя и не отдал бы Светлану, больно вертлявым ты мне показался. Да ты и сам мог бы уговорить! И ладно получилось бы...

Жарков покраснел, но вряд ли понимал истинный смысл упрека. Кажется, он принял это за насмешку. Пока ужинали у костра, и разговоры шли обычные, а поужинав и покурив, сгребли мы сухую хвою, которая должна была играть роль матраца, прикрыли ее одним куском брезента, а второй приспособили на роль одеяла. В воздухе похолодало и явственнее почувствовался тонкий и нежный аромат цветов.

— Перед росой это,— сидя у потухающего костра, пояснил Петр Пантелеевич. — В степи такого не бывает.

— Ну, что вы,— не согласился я,— в степи после сухого дня запах такой, что нашему лесному и не угнаться... Словно от края до края дорогие духи разлиты!

— Ну?

— Верно... Да вы сами бы почитали, об этом в книгах пишут.

— А я и читал... Как же? Книг я этих накупил во множестве — любопытно, что оно там такое... Только когда от живого человека слышишь, достовернее выходит... Ну ночуйте благополучно, а я к себе домой.

— Спали бы с нами, места хватает.

— Не могу, бабке беспокойства много... Заходите завтра на обратном пути.

— Спасибо...

Он встал, докурил молча папиросу, швырнул ее в золу, взял удочку и пошел. И сразу растаял во тьме, только легко прошумели задетые плечом ветки орешника. Лес смолк совсем, ни одного звука не было слышно в нем. Мы лежали и смотрели вверх: вершины сосен едва прорисовывались на темном небе, и звезды над головой казались синими ягодами, густо усеявшими ветки.

— Что это он все про степь да про степь? — спросил Жарков.

— Светлана уехала на целину.

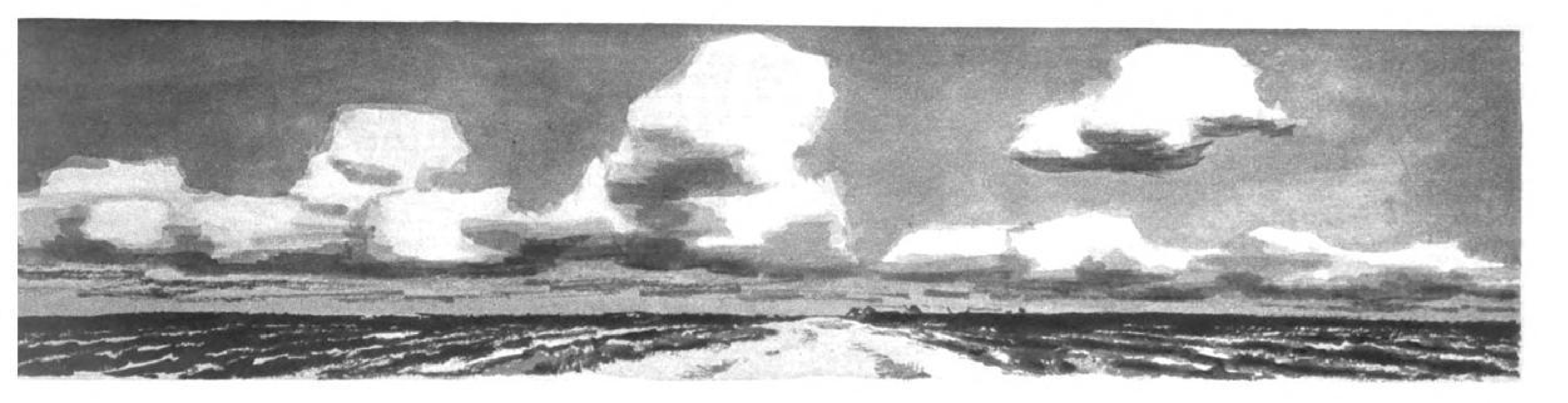
— Что ты говоришь!

— А разве очень удивительно?

— Нет, ничего... А он тоже собирается?

Я представил себе на мгновение Петра Пантелеевича, шагающего во мраке по ельникам и березникам. Видно, великой любовью любил он эти места, в которых вырос и прожил лучшие годы своей жизни, любил эти засыпанные хвоей тропинки, по которым бегала босиком русоволосая дочка, сосновую гривку, где похоронен сын. И вот теперь в его душу поневоле вторглось видение далекой степи, и обживает ее, осваивается в ней по-хозяйски, накрепко, потому что слышит он где-то там, далеко, топот маленьких ножонок своего внука. Лес и степь, прожитое и то, что лежит впереди, денно и нощно, не давая передышки, вели бой за его душу; тут были корни его семьи, там, за тысячи верст, — новые побеги. И ничего тут нельзя поделать, ничего нельзя предугадать... Поэтому, не желая вдаваться в подробности, я и ответил Жаркову односложно:

— Не сказал!..

КАРАЧИ — СТОЛИЦА ПАКИСТАНА

В Пакистане любят говорить, что Карачи — город океана и солнца. Считается, что народ всегда чуточку пристрастен к своей столице, но на этот раз спорить трудно: Карачи лежит на берегу если и не океана, то широкого Аравийского моря, и тамошние синоптики лишь как редкость отмечают дни, когда не светит солнце.

Март в Карачи — один из самых мягких месяцев. В садах все бело от жасмина, пахнет теплой морской водой, по ночам весенние яркие звезды висят низко над городом. Март славен еще и тем, что 23-го числа этого месяца жители Пакистана празднуют приход Нового мусульманского года. Нынешний, 1956 год (1335 год мусульманского летосчисления) — действительно новый год для пакистанцев. До этого дня Пакистан с семидесятипятимиллионным населением был доминионом Великобритании. С Нового года Пакистан — суверенная республика. Перед молодой республикой во весь рост встают насущные вопросы развития национальной экономики и культуры.

Недавняя поездка товарищей Н. А. Булганина и Н. С. Хрущева в Индию, Бирму и Афганистан создала перспективу расширения экономических связей Советского Союза и с другими странами Азии. Это понимают многие на азиатском континенте. Среди пакистанских торговцев в ходу такие суждения: «Воздух Черного моря сродни воздуху Аравийского моря... Жаль, что в прекрасные порты Пакистана редко заходят торговые пароходы под советским флагом. Это было бы очень выгодно и им и нам».

В последнее время наблюдается расширение экономических связей Советского Союза с Пакистаном. Советский Союз оказывает Пакистану техническую помощь через Организацию Объединенных Наций, и это, безусловно, не может не сказаться благотворно на пакистанской национальной экономике. Эта техническая помощь не связана с какими бы то ни было политическими и иными обязательствами.

Недавно в Карачи состоялась третья Пакистанская международная промышленная ярмарка, привлекшая внимание жителей города. Особенно многолюдно было в советских павильонах: всякий хотел посмотреть на успехи, достигнутые народами Советского Союза в промышленности и культуре.

Растущие культурные связи между Пакистаном и Советским Союзом будут служить делу взаимопонимания между обоими государствами. Еще в 1949 году делегация деятелей советской культуры посетила Карачи и познакомилась с гостеприимным народом Пакистана. Когда советская делегация покидала Москву, стояли трескучие декабрьские морозы, а в Карачи народ встречал ее пышными гирляндами цветов и дружественными возгласами: «Пакистани — Совет ки дости зиндабад!» — «Да здравствует советско-пакистанская дружба!»

Когда в самом крупном кинотеатре Карачи демонстрировались советские кинофильмы, пробиться на сеанс было нелегким делом. В книжных магазинах Карачи часто можно встретить переводы произведений русских классиков и советских писателей. Читая эти книги, пакистанцы говорят: «Нам надо лучше узнать друг друга».

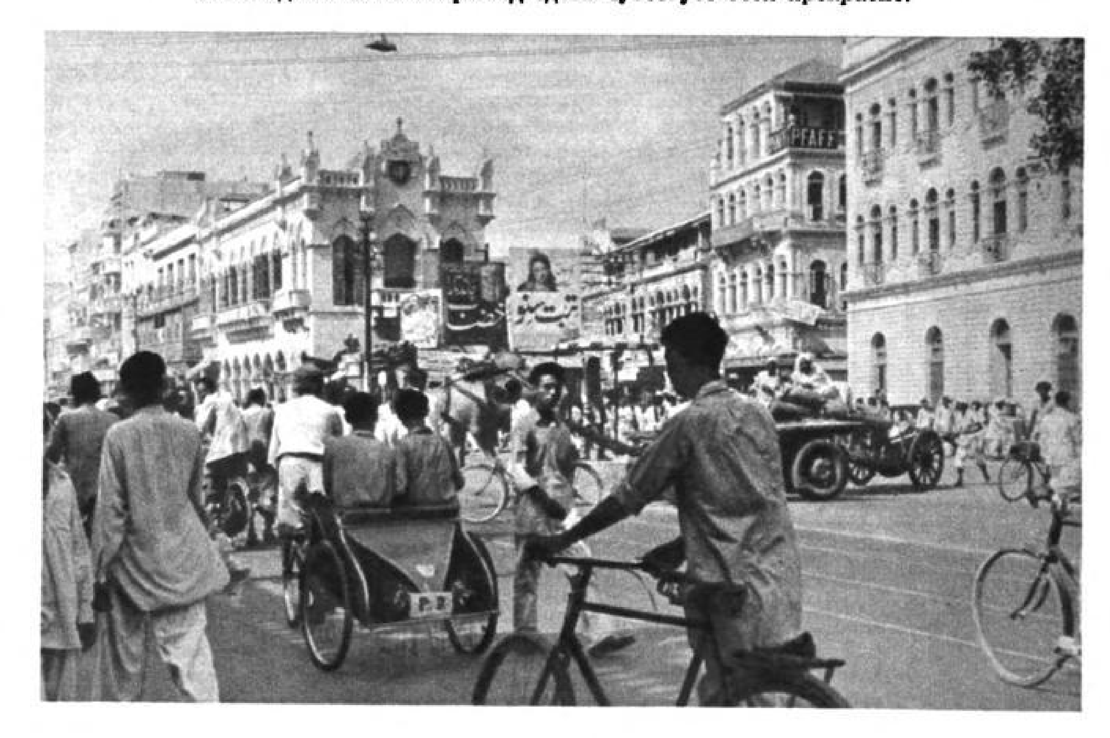
Юл. СЕМЕНОВ

Фото О. Арцеулова.

Общий вид города.

Бандер-роуд — улица торговли. Сплошным потоком несутся машины, мотоциклисты, велосипедисты. Но и верблюд здесь чувствует себя прекрасно.

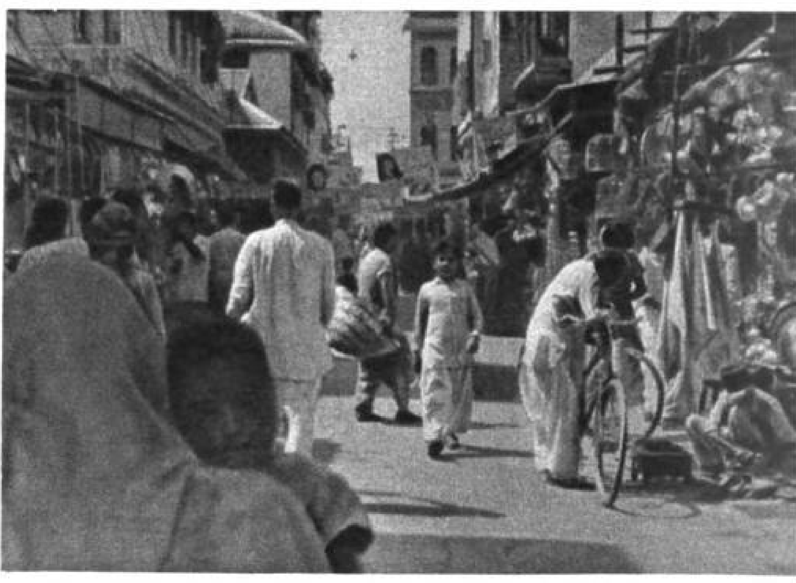

Этот юноша — дукандар. У него всегда запас прекрасных чеканных изделий из серебра и меди; они продаются на вес.

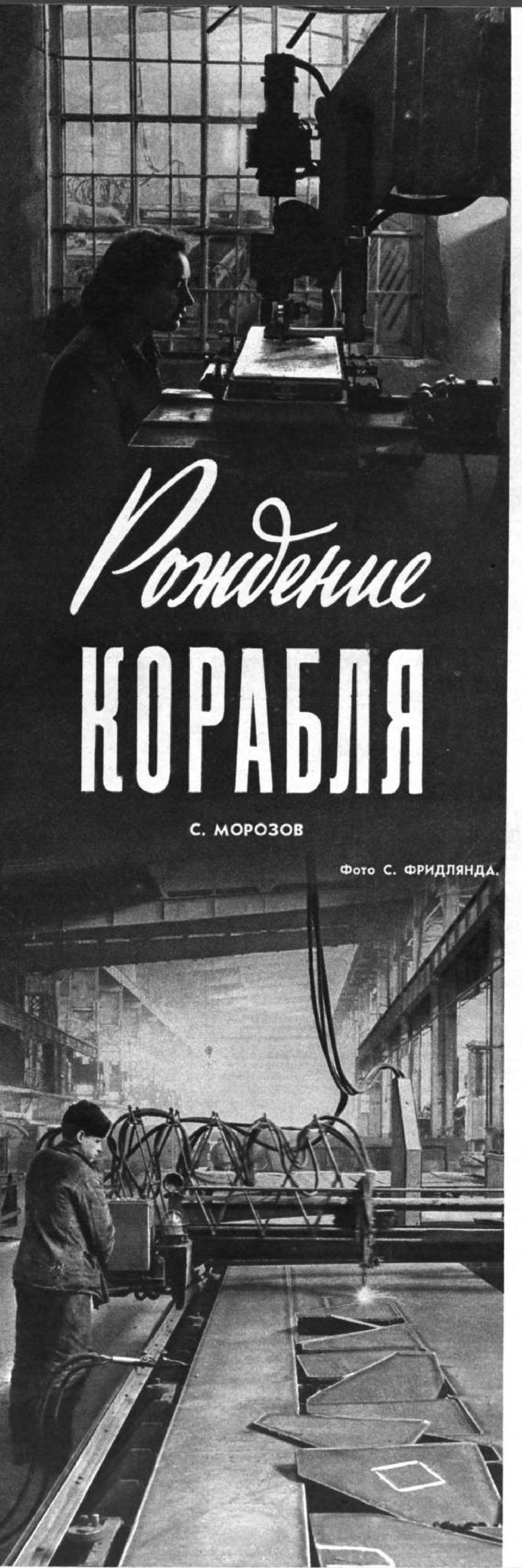
Здание Учредительного собрания Пакистана.
Фото Л. Котляренко.

Некоторые улицы являются одновременно базаром.

Около дрессировщика обезьян собирается много любопытных.

Рождение КОРАБЛЯ

С. МОРОЗОВ

Фото С. ФРИДЛЯНДА.

Пяти лет не прошло с той поры, как съехались в Херсон судостроители со всех концов страны. Были тут и ленинградцы, и северяне, и соседи из Одессы и Николаева, и дальневосточники с Амура и Тихого океана. В ту пору в днепровских плавнях рядом со строившимися цехами шелестел на ветру камыш, а на песчаном отлогом берегу начиналась первая опытная сборка речных барж.

Настоящих корабельных мастеров в новом, только формировавшемся заводском коллективе было не так уж много. Больше собралось молодежи: ремесленники, выпускники ФЗО, для которых не только морской корабль — простая шаланда была в диковинку. Ребят этих и начали обучать азам судостроительного дела.

А сегодня кому в советском торговом флоте не известны танкеры с маркой Херсонского завода! Плавают они между Приморьем и Камчаткой, Сахалином и Чукоткой, ходят через экватор в Антарктику, снабжая горючим флотилию «Слава» и возвращаясь обратно с китовым жиром, возят нефть из черноморских портов на Балтику, на Север, за границу.

Бригадир слесарей Алексей Федорович Краснихин перечисляет танкеры, на которых в эти годы укладывал он гребные валы, монтировал двигатели: «Херсон», «Грозный», «Поти», «Самарканд», «Очаков»... А потом называет людей. Вот выходят из цеха, торопясь к стапелям, Борис Егоров и Василий Глухов. Любой, самый сложный монтаж их бригады выполняют отлично. А ведь были недавно Егоров и Глухов у Алексея Федоровича подручными.

Херсонский завод, строящий танкеры, — один из самых молодых в стране. И, тем не менее, к началу шестой пятилетки он уже победил в соревновании многие прославленные верфи. Теперь приходит пора херсонцам браться за новые заказы, предусмотренные Директивами XX съезда партии: одновременно с танкерами строить большие сухогрузные суда для советского торгового флота.

Выходя из цеха, Алексей Федорович Краснихин оказался в толпе рядом с сыном Юрием. Ласково обняв парня, он шутит:

— Ну, рабочий класс, новые кораблики вместе строить будем?

Восемнадцатилетний Юрий, начинавший ученичество в отцовской бригаде, — ныне слесарь-монтажник, а по вечерам слушает лекции в судомеханическом техникуме имени адмирала Ушакова.

Херсонские судостроители не прочь иной раз заглянуть в историю. Лестно все-таки вспомнить: именно здесь, в низовьях Днепра, где сражались чудо-богатыри Суворова, зарождался российский черноморский флот, и первые корабли под андреевским флагом спускал с тех старинных херсонских стапелей сам Федор Федорович Ушаков. Да и Карантинный остров, на котором расположен теперь завод, получил свое наименование в тот далекий год, когда русские моряки во главе с будущим прославленным адмиралом боролись в Херсоне с эпидемией чумы.

← Электронный автомат направляет по чертежу работу газорезального станка.

Почти два столетия после этого песчаный, заросший камышом остров служил пристанищем рыбакам.

И вот в наше время, вскоре после Отечественной войны, пришли сюда мощные землесосы, намыли искусственные берега. На новой площади пролегли асфальтированные дороги, рельсовые пути, а в небо над Днепром вонзились стрелы портальных кранов. Завод-гигант, созданный в послевоенные пятилетки для строительства океанского торгового флота, сразу затмил существовавшие в Херсоне до той поры верфи речных и рыболовных судов.

С Урала, из Донбасса, из Запорожья прибывает в Херсон прочная судостроительная сталь. Стальные листы складываются в стеллажи, а по соседству, в просторном двусветном зале, над огромным, расчерченным на ровном полу чертежом склоняются плазовщики-разметчики. Здесь, на плазе, корпус танкера изображен в натуральную величину. С плаза снимают деревянные шаблоны будущих деталей корпуса. Толстый стальной лист, весящий сотни килограммов, нужно изогнуть, сделать выпуклым, придать ему форму будущего борта, днища. На старых верфях это казалось немыслимым без нагрева металла. А на Херсонском заводе не встретишь ни горнов, ни нагревательных печей. Гидравлические гибочные прессы в считанные минуты придают стальным листам корабельную форму. Холодная гибка металла в несколько раз быстрей, чем горячая, и требует вдвое меньше рабочих рук.

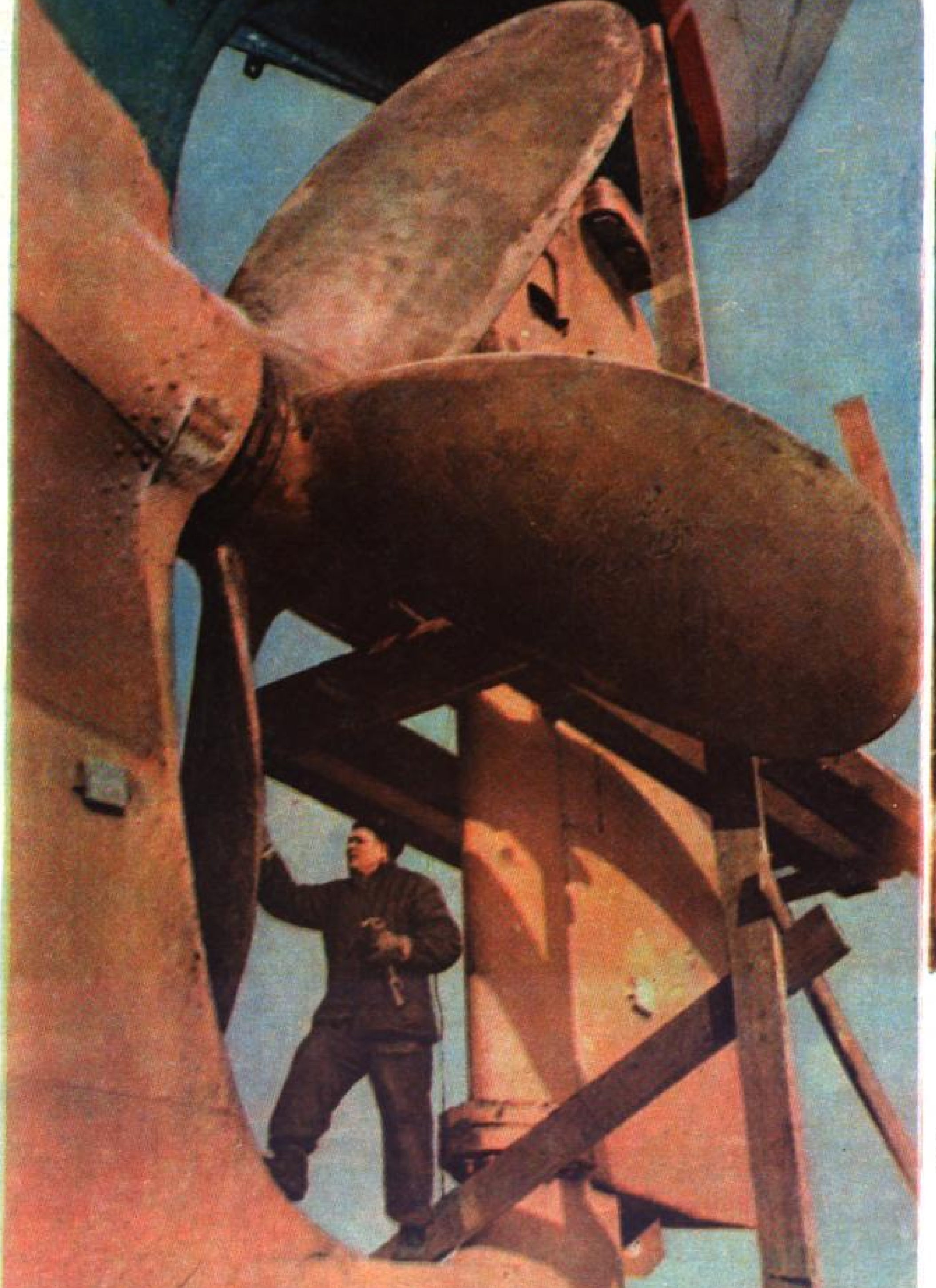
Неподалеку, в соседнем пролете, струя горящего газа аккуратно вырезает из стального листа большие треугольные кницы. Газовый резак прочерчивает по металлу замысловатые ломаные линии так уверенно, будто рядом лежит шаблон или чертеж. Но шаблона тут нет и в помине, а чертеж мы найдем только за полсотни метров, на пульте оператора. Миниатюрный чертеж на столе командо-аппарата движется под лучом, устремленным сверху из вращающейся линзы. С помощью фотоэлемента и электронной передачи все движения сообщаются газовому резаку и воспроизводятся им на металле с десятикратным увеличением. Девушка-оператор в будке, нажав кнопку, включает командо-аппарат и одновременно с ним всю синхронно действующую фотокопировальную систему. Газорезчик в цехе следит за подачей газа. Людям остается только контролировать: всю работу выполняет машина-автомат.

Металл для корабельного корпуса не только гнут, кроят, но также и «сшивают» в цехах. Как плотнее прижать друг к другу стальные полосы, сваривая из разрозненных листов судовую секцию? Ответ на это дали академик Е. О. Патон и его сотрудники, сконструировав в Киеве, в Институте электросварки, специальный магнитный стенд. Такой стенд мы видим сейчас в действии на Херсонском заводе. Когда в платформы стенда пропущен электрический ток, они намагничиваются и крепко прихватывают уложенные сверху стальные листы. Вдоль стыков металла быстро движется сварочный автомат.

Скоро этот океанский танкер будет спущен на воду.

Силуэты строящихся судов внесли много нового в херсонский пейзаж.

Бригадир слесарей-монтажников А. Краснихин проверяет установку гребного винта на новом танкере.

На стапелях. Бригадир передовой комсомольско-молодежной бригады В. Пономаренко (справа) и судосборщик В. Кунец.

Шпангоуты, флоры, бимсы, стрингеры, составляющие корабельный скелет, весьма своеобразны по форме и требуют большой затраты труда при изготовлении. Заводскими инженерами М. В. Сердюком и К. Г. Мартемьяновым усовершенствован и внедрен станок, на котором все операции по изготовлению этих деталей совмещены и выполняются автоматически, одновременно.

Совершая свой путь по цехам, металл превращается постепенно в объемные секции корпуса. Квадратные и продолговатые, прямоугольные и округлые, ребристые и гладкие части корабля выезжают из-под крыши цеха на железнодорожных платформах, движутся к эллингу, где сквозь стальное кружево колонн виднеются борта строящихся танкеров.

Новая технология применяется херсонскими судостроителями и на стапелях. Тут не увидишь картины, столь характерной для старых наших верфей, где, бывало, скелет корпуса медленно обрастал обшивкой. Херсонские стапели — это своеобразный конвейер.

Вот судно только что заложено — кран опустил на киль-блоки две выпуклые, похожие на корыта днищевые секции, прислонил к ним спереди высоченную ребристую переборку. И сразу на стапеле обозначились контуры какой-то, пока еще очень скромной, части кормы будущего танкера. А рядом, в эллинге, на соседней «параллельной нитке», близится к завершению постройка другой корабельной кормы. Намертво схвачены сваркой десятки многотонных секций, заранее соразмеренных между собой с точностью до миллиметра. В просторном машинном отделении устанавливаются фундаменты для двигателей, вдоль бортов вырисовываются очертания кают и служебных помещений.

— Наш «Красноводск», как видите, пока еще на первой позиции, — поясняет инженер Николай Тихонович Василенко, старший строитель танкера. И, показав рукой вперед, добавляет: — А «Дзержинск» скоро уж на третью позицию перейдет.

«Дзержинск», откуда ни глянь на него, выглядит самым настоящим кораблем. На всю длину корпуса — полторы сотни метров — вытянулся он на стапеле. Высятся над палубой надстройки, соединенные переходным мостиком. Разверсты горловины широких труб, готовые принять в танки потоки бензина, керосина, мазута.

Судостроители разработали новую технологию, разбив все стапельные работы на три основных периода. Это позволило на том же самом стапеле строить одновременно не два судна, а три.

Стапеля в Херсоне не наклонные, как на старых верфях, а горизонтальные, снабженные рельсовыми путями. По мере завершения работ на каждой позиции танкеры передвигаются вперед на судовозных тележках. Вместо того, чтобы долгие месяцы достраивать судно на плаву, как это принято издавна, херсонцы вводят в док-камеру уже достроенный, полностью готовый к плаванию танкер. А потом, испытав «на швартовых» у своего заводского причала, выпускают корабль на черноморский простор.

В такие торжественные дни воздух над Херсоном дрожит от гула: новорожденному кораблю салютуют гудками все стоящие в порту суда, береговые электростанции, предприятия города. А коли случается это летом, тогда спортсмены — гребцы и пловцы — устраивают самодеятельный парад на Днепре.

Какое это красивое зрелище, когда стальная громадина корабля, освободившись из-под сводов эллинга, еще высится на берегу! Именно тогда танкер предстает перед нами во весь свой гигантский рост, открыт обзору «от киля до клотика».

С восхищением глядишь на танкер снизу вверх, стоя рядом с ним на стапеле. Лебединой шеей выгибается ввысь крутой форштевень. Богатырской, широченной грудью, точно застывшей в могучем выдохе, кажутся плавные носовые обводы корпуса.

Поднимемся с бетонной плиты на высоту восьмиэтажного дома, ступим на гулкий металл палубы, опутанной, точно змеями, бесчисленными шлангами. Горячая вода и пар, кислород, сжатый воздух, ацетилен подаются сюда строителям. Еще вспыхивают и гаснут кое-где белые звездочки электросварки, желтые язычки газовых резаков. А в коридорах уже уложен дощатый настил полов, в каютах борта одеты слоем изоляции, обшиваются полированной фанерой.

В ходовой рубке монтируют гирокомпас, радиолокатор, эхолот. Надежные, безотказные приборы эти послужат кораблю в плавании органами зрения, слуха, осязания.

Камбуз — корабельная кухня — и тот выглядит этаким машинным залом. Щит с рубильниками тут под стать небольшой электростанции. Никелем и эмалью сверкают котлы, холодильник, электрическая хлебопекарня.

Мощная радиостанция танкера на длинных и коротких волнах будет держать связь с Большой Землей. Каюты капитана, штурманов, механиков связаны телефонами корабельной АТС с машинным и котельным отделениями, со множеством служебных помещений, агрегатов, систем.

20 километров всевозможных труб, 56 километров электрокабеля проложены в панелях корпуса вдоль и поперек. Если сложить вместе все электросварные швы, скрепляющие воедино сотни секций и тысячи листов металла, сверкающая стальная эта нить протянется почти на две сотни километров.

Более ста предприятий — от гигантов машиностроения до мебельных и посудных фабрик — дают свою продукцию Херсонскому заводу, помогая сооружать океанские танкеры.

По установившейся традиции, судам, которые строятся в Херсоне, присваиваются имена советских городов. Каждый танкер, выплывающий из устья Днепра, — это своего рода стальной плавучий город. Более десяти тысяч тонн горючего — столько же, сколько способны перевезти одновременно 15 железнодорожных составов, — вмещает он в свои танки-цистерны.

На долгие месяцы уходит такой корабль в плавание. В знойных тропиках и под студеными ветрами полярных широт реет над ним красный флаг Советов. И моряки, преодолевая туманы и штормы, добрым словом поминают своих верных друзей — судостроителей.

ПОКОЛЕНИЕ ЧЕРНОЙ ЛАГАЗЫ

На прогулке...
Фото В. Джейранова.

Старая Лагаза и головы не повернула в нашу сторону, когда мы поднялись к ней, насмотревшись вдоволь на ее черных дочек, внучек и правнучек, разгуливающих в низовьях Алазани. Буйволица стояла на ферме как вкопанная у своего стойла и ни на что не обращала внимания. И хотя видно было, что лет ей уже немало, все двадцать, при коротком буйволином веке в двадцать пять, она все еще была полна того особого достоинства, которое отличает родоначальницу стада.

Лагаза все эти годы немало потрудилась. Три тонны масла сбиты в колхозной маслобойне из молока, полученного от нее. Конечно, сейчас она не может дать того, что раньше, однако и до сих пор еще старая рекордистка колхозного буйволиного стада стоит трех коров. Это если считать, что здесь же, в колхозе, да и вообще в этой местности получают в среднем от молока каждой коровы по 40—50 килограммов масла в год. Молоко Лагазы и сейчас дает 130.

Расчет простой: там кормишь, обхаживаешь, доишь трех коров. Здесь же все это дает из меньшего количества молока одна буйволица при меньшей затрате корма.

Организуя двадцать лет назад первое в этих местах буйловодческое хозяйство, колхозники села Джапаридзе не мечтали о таком выгодном обороте дел. Неприхотливое, медлительное, выносливое животное не требует большого ухода. По силе буйвол равняется двум быкам, мяса от него можно получить в два раза больше, чем от коровы. Из жирного буйволиного молока в деревнях делают простоквашу такой крепости, что хоть ножом режь.

Буйвол всегда был кормильцем той части Кахетии, где другой крупный рогатый скот не приживался. Так и называли эти места еще в очень давние времена — камбечовани, по названию буйвола — камбечи.

Здесь это животное чувствует себя великолепно. В живописной Алазанской долине, защищенной холмами, всегда тепло и много воды. Воды даже слишком много, особенно весною, когда медленно текущая Алазани разливается, образуя мелкие озерки и болотца. В них плодится комар, злой овод тревожит все живое, у скота возникают всевозможные заболевания. Для коровы эти условия не подходят. Зато терпеливой толстокожей буйволице все нипочем. Однако и ей ведь можно и нужно создать лучшие условия, на которые она непременно отзовется.

И Лагаза не была сразу той знаменитой Лагазой, буйволицей из буйволиц, какой стала она позже, в колхозном стаде.

Старый работник фермы бригадир Алекси Гиголашвили вспоминает первые надои: не более 600 литров в год. Правда, и тогда эти 600 литров равнялись 1 000 коровьих. Сейчас возле фермы стоят силосные башни. Скот получает корм по строгому рациону, в который входят кукурузные початки молочно-восковой спелости, свекла, арбузы. На ферме в обеих бригадах есть автопоилки. Принимались было приучить буйволиц к электродойке, но диковатые, пугливые животные давались с большим трудом, и решили пока оставить их в покое.

В прошлом году Алекси Гиголашвили, у которого в бригаде 80 дойных буйволиц, получил в среднем от каждой 1 387 килограммов молока. При средней жирности 7,6 процента эти надои в переводе на молоко местных коров увеличиваются в два раза. Но если есть Лагаза, если есть пришедшая ей на смену ее же дочь, новая рекордистка Сезона, которая дала в минувшем году 2 200 килограммов молока с 12 процентами содержания жира, то пора уже все стадо подводить к этим показателям.

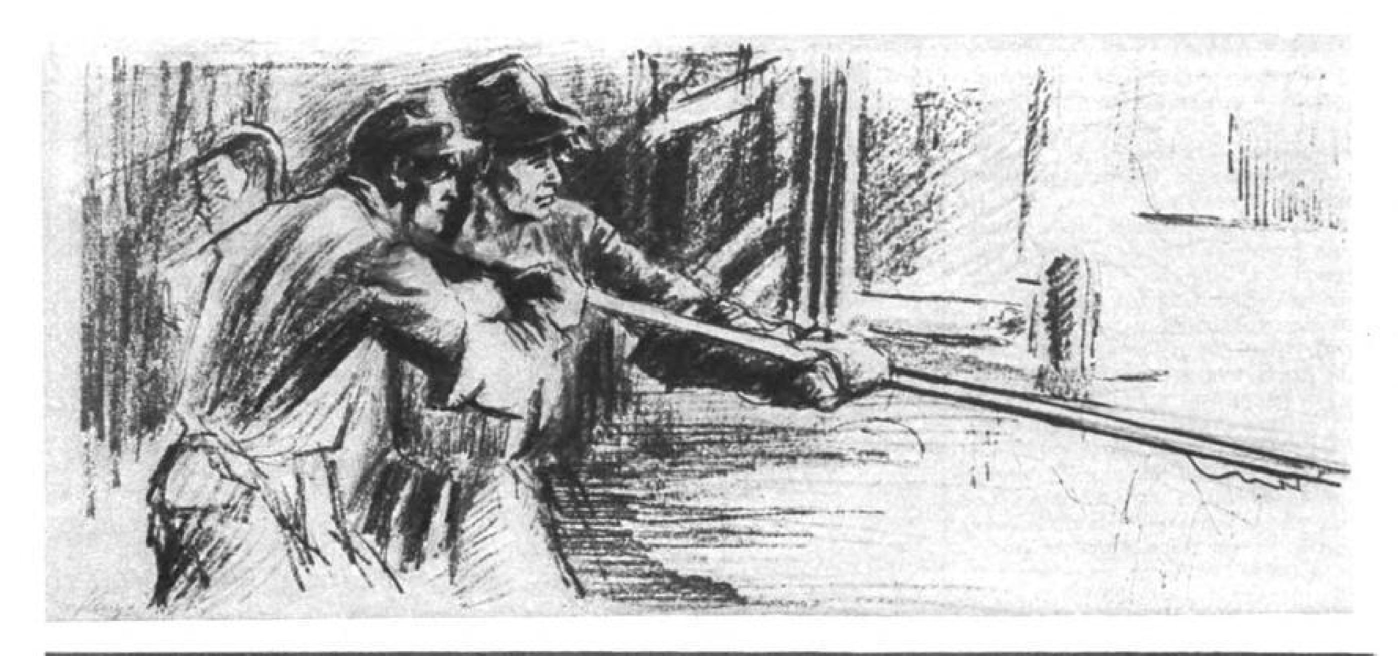
Несколько лет тому назад на ферме появился молодой зоотехник Георгий Артемьевич Далакишвили. Он оставил работу в Грузинском научно-исследовательском институте животноводства и перешел в колхоз. Зоотехник начал с того, что отобрал у высокопродуктивных буйволиц маленьких буйволят и растил их на разных рационах. Так установили наиболее рациональное питание для «малышей». Буйволята в шестимесячном возрасте достигали веса 180 килограммов. Стадо таких крупных буйволят-шестимесячников, с виду похожих на местных низкорослых коров, уже есть на ферме.

Видели мы еще на ферме и маленьких телят. Их привели сюда из телятника тотчас после рождения: пусть питаются жирным буйволиным молоком и получают «спартанское воспитание»! Может быть, это скажется впоследствии на их удоях, на качестве молока.

Уже вечером вместе с председателем колхоза Нико Кочнашвили мы возвращались с фермы в колхоз. Дорога шла вверх, в Ширакскую, приподнятую над влажной долиной степь. Видно было, как там, внизу, двигались по жнивью черные пятна, медленно стягиваясь к фермам. Рядом со знакомой нам фермой стояли еще две такие же соседнего, Сигнахского района. Остальных уже не видно было с дороги.

— А если перейти за Алазани, — сказал Нико, — там, в Азербайджане, буйволоводством тоже занимается много хозяйств, потому что у нас одинаковые земля и климат.

И. МЕСХИ

СТАЛЬ—ЭТО ЛЮДИ

Стефан ГЕЙМ

Рисунки немецкого художника КЛЮГЕ.

На печи № 4 в Хеннигсдорфе выпускают сталь. Печь извергает пылающий жидкий металл, она гудит, шипит, сыплет искрами — и вот уже бело-золотой поток начал наполнять огромный ковш, мягко и ловко поданный к пасти мартена бесшумным краном.

На рабочей площадке стоят люди. Они стоят спокойно, как будто даже праздно, но в то же время пристально за чем-то следят. Время от времени раздается негромкое слово, которого не расслышать непривычным ухом, или подается непонятный знак. Два или три человека подскакивают к печи и что-то делают в ее жерле длинным металлическим шомполом. Они вынимают его раскаленным добела, согнутым, и сталь начинает течь быстрее. У людей, помогающих рождению стали, синие очки на козырьках фуражек и брезентовые рукавицы на руках.

Один наклоняется ко мне и говорит:

— Знаете, сталь — она живет, у нее своя жизнь... Вы поглядели бы внутрь печи, когда идет завалка... Все тогда дышит, двигается, вздымается...

Он умолкает и слегка пожимает плечами. Вероятно, он думает, что только сталевару понятно, почему сталь — живое существо. Но может ли жить сталь, если жизнь не вдохнут в нее люди, вот эти самые люди?

* * *

Ковш наполнился, в нем 50 тонн новорожденного металла. На его огнедышащей поверхности плавающие островки более темного шлака. Так некогда выглядел наш земной шар — раскаленная масса с первыми островками на ней. Сколько прошло времени, пока появился на земле человек, существо, научившееся труду, рабочий человек, изменяющий мир!

Подсознательно, может быть, думают об этом иногда и люди, стоящие у мартена. Старший мастер смены — его зовут Гертц — говорит:

— Когда здесь снова пошла сталь, в 1948 году это было, я не могу вам описать, что я тогда чувствовал!..

Мягко, почти нежно кран наклоняет ковш, и шлак, шипя и дымясь, низвергается в другие, более плоские ковши, стоящие на полу разливочного пролета. Теперь остается чистая сталь. Она испытает много превращений: станет фермой железнодорожного моста, корпусом сложнейшей машины, обшивкой корабля либо, если на то пойдет, автоматом в руках рабочего, который будет грудью отстаивать свою печь, свободный труд, мир своей страны от тех, кто вздумает посягнуть на все это.

Ковш плывет дальше — туда, где ждут его изложницы, там он опускается вниз. Изложницы выглядят, как серые, длинные кокола. Возле них стоят разливщики, они открывают стопорный механизм ковша и направляют сталь в изложницы, где она застывает в виде стальных слитков. Стенки изложниц, по мере того, как их наполняет раскаленный металл, краснеют, как щеки крепких, упитанных девушек.

Франц Гертц, обер-мастер.

А между тем наверху, на площадке у печи, картина меняется: по другую сторону печи пришел в действие завалочный кран. Он похож на гигантское плечо с цепкой рукой-хоботом на конце. В железной своей горсти кран держит мульду с рудой или металлическим ломом; он всовывает все это в горячую печь, поворачивается, стучит и опрокидывает очередную порцию пищи на подину мартена. С минуту завалочное окно остается открытым, и через синие очки можно еще увидеть, как мощное пламя принимается перерабатывать уродливые, скрюченные, ржавые отбросы старого, изношенного, бесполезного лома в первозданно возникающий из огня и гения человека живой, горячий металл.

По ту сторону широкой рельсовой колеи, по которой движется кран, находится полуоткрытая кабина с манометрами, измерительными приборами. Это командный пункт мартеновской печи. Отсюда регулируется подача газа, воздуха, температура, весь дыхательный и тепловой режим печи.

Здесь человек кажется маленьким смешным зверьком. Но «мы навязываем всей этой громаде свою волю», — говорит мне один из сталеваров.

* * *

В этих словах заключена вся сложная проблема стали, соревнования и новой техники.

Человеческому телу поставлены пределы. Какова бы ни была его тренировка, мускульная сила, ловкость, человек может бежать, или плавать, или ударять молотом лишь с определенной скоростью. Но нет границ человеческой мысли, человеческой воле. Все дело в том, чтобы пробудить человека к мысли и действию. Потому что машины, домны, мартены, моторы подчиняются человеческой воле, и если возможности машины исчерпаны, люди создают другую, лучшую, более выносливую.

В 1952 году появилась в Хеннигсдорфе, как, впрочем, и на других сталелитейных заводах Германской Демократической Республики, бригада из каких-то приезжих. Во главе ее стоял некий Эрих Штейн, по слухам, сын каменщика. Встретили приезжих недоверчиво, но в конце концов отвели им печь, не из лучших. На этой печи «чужаки» и показали приемы скоростной плавки стали — это был, как рассказывали, метод советского сталевара Амосова. В Хеннигсдорфе, как и повсюду, издавна считалось, что печь в зависимости от ее величины и состояния может выдавать столько-то и столько-то стали на квадратный метр площади пода. А тут пришли эти люди и заявили: можно больше, рабочий Амосов в Советском Союзе доказал это на деле. Надо только правильно поставить процесс плавки. Амосов, рассказывали приезжие, говорил так: «Скоростная плавка стали — это хорошо организованная работа, она начинается с площадки, где лежит металлический лом». Иначе говоря, надо думать, рассчитывать, отбросить старые темпы, привести во взаимодействие сырье, механизмы, людей, не допускать ни минуты простоя, следить, следить за всем: за печью, за загрузкой, за выпуском готового металла. А главное, думать и думать...

Тогда рабочие Хеннигсдорфа еще недоверчиво усмехались. И многие уж вовсе махнули рукой, когда профессор Людсман, директор металлургического исследовательского института, както сказал, что даже невиданно высокие показатели, которые намечает бригада Эриха Штейна, можно легко превзойти. Сейчас, в 1956 году, побиты не только рекорды ребят Штейна — далеко позади остались и цифры профессора Людсмана. Дело в том, что хеннигсдорфцев, после того, как они поглядели две — три плавки Штейна, задело за живое. Ведь не колдовство же это, сказали они себе, а дело рук человеческих!

Уже тогда возникло нечто вроде соревнования, хотя об этом не сказано было ни слова.

— Всех это захватило сразу, — говорит Штейн и добавляет задумчиво: — Соревнование не имело бы смысла, если бы высокие показатели не распространялись вширь и потом не побивались бы снова еще более высокими.

То, что достигнуто сегодня, в прошлом казалось несбыточным, но и это лишь промежуточная ступень. На третьей печи, например, средняя выработка 1954 года была 198 килограммов стали на квадратный метр пода печи, а теперь она составляет 223 килограмма. А печь точь-в-точь такая же, как три года назад, и люди те же. Впрочем, нет! Печь та же, а люди стали другими.

Сын каменщика Эрих Штейн — сегодня начальник мартеновского

Эрих Штейн, начальник мартеновского цеха.

цеха на металлургическом заводе «Вильгельм Флорин» в Хеннигсдорфе. Ему и теперь бывает както не по себе, когда приходится выступать с речью на большом собрании. Но вот он, рабочий парень, ставший инженером, сидит на производственном совещании или беседует с рабочими, и как только речь зайдет о стали и печах, его темные живые глаза загораются, и он, как рыба в воде, чувствует себя среди этих людей, которых он сколотил в дружную семью сталеплавильщиков. Можно было бы его деятельность выразить в тоннах, в деньгах или стальных слитках; но важнее человек, ибо сталь — это прежде всего люди.

* * *

Лучшего сталевара на третьей печи зовут Вильгельм Гейден. Ему 32 года. Когда-то, еще до того, как его поглотил водоворот гитлеровской армии и плена, он был батраком в Мекленбурге. Коренастый, белокурый, с вдумчивым взглядом, стоит он у печи и рассказывает.

Все это, собственно говоря, обыденные вещи: он женат, у него двое детей, мальчик и девочка; вернувшись из плена, он пошел сначала работать на железную дорогу и только в 1952 году появился здесь, на заводе.

— Почему вы стали сталеваром?

— Тут заработок больше,— отвечает он в своей обычной скупой, суховатой манере, скорее напоминая чем-то в эту минуту ученого, чем рабочего-металлурга. Впрочем, это вполне естественно: в сталеваре, в особенности сталеваре первой руки, должно быть нечто и от химика, он должен уметь обращаться с гигантской ретортой, какой, собственно, и является его печь.

В соревновании в честь 3-й конференции СЕПГ, на которое хеннигсдорфцы вызвали все другие металлургические заводы страны, Гейден и его бригада обязались добиться того, чтобы полезное время работы печи составило 81,5 процента — это на 3 процента выше достигнутых показателей.

— Что же вы хотите этим достигнуть? Еще больше повысить заработок?

Сталевар бросает на меня снисходительный взгляд.

— Восемьдесят один с половиной календарный день полезного времени на сто, — говорит он, — это означает увеличение выпуска стали. Больше стали — больше машин, вы сами это знаете. Ну, а больше машин, — значит, больше товаров, выше жизненный уровень, — заканчивает он с тем же видом ученого.

Все очень просто. Но сколько еще есть в мире «мыслителей», которым никак не доступна эта простая истина, которая, впрочем, становится истиной только при социализме!

* * *

Соревнование стало бытом, чем-то само собой разумеющимся на заводе «Вильгельм Флорин». Но что толкает людей на соревнование? Может быть, в их сознании это просто одна из «очередных кампаний», добавочное бремя, выдумка непоседливого начальства? Как отражается в голове среднего рабочего эта беспокойная борьба за лучшие показатели?

Приходится долго расспрашивать, чтобы получить на это ответ. Но и после этого не все ясно, не составляется общей, единообразной картины.

Вот сорокавосьмилетний обер-мастер Франц Гертц, сильный, худощавый человек с суховатым лицом и глазами, в которых чувствуется сдержанность. У него большой жизненный опыт: он ведь работал еще при старом хозяине. Разговорить его не так легко: для этого он должен сначала на что-то рассердиться.

Сейчас предметом его размышлений как раз и является соревнование.

— Я уже раньше слыхал,— говорит он,— что обер-мастер Ниманн, из второй смены, что-то такое задумал и называл мое имя. Однажды прихожу на завод, смотрю, на доске у входа большими буквами написано: Ниманн меня вызывает, меня лично! Погоди, думаю, ты у меня потанцуешь! Мне-то известно, что он перед соревнованием взял шефство над пятой печью. Ладно, иду к шестой и говорю ребятам, что над ними беру шефство я. Первый сталевар, Штиммиг, мне чуть на шею не бросился от радости.

— Почему? — спрашиваю я.

— Видите ли,— говорит Гертц доверительно,— ведь обер-мастер и есть тот человек, который выигрывает сталевару соревнование.— Он останавливается на секунду и тут же поправляет себя: — Словом, выигрывает тот, кто лучше знает дело. Приходится работать головой во время плавки, знать, как ведет себя печь, уметь приготовиться к выпуску стали, смотреть, чтобы все шло гладко.

— Если Штиммиг с шестой выиграет,— значит, он и получит больше, он и его бригада?

— Это верно,— говорит Гертц,— тут до тонкости надо смотреть, а то мало что бывает, когда печь на ходу... Но...

— Что «но»?

— Но тут, знаете, и другое кое-что есть... Верно, что и деньги играют роль, однако больше, как бы это сказать... честь, вот что главное! Сегодня утром мы переходящее знамя должны были отдать с шестой печи на четвертую. Это не очень было приятно — нести туда знамя, которое больше нам не принадлежало, да...

В голосе Гертца, взявшего шефство над шестой печью, слышится простая человеческая печаль. Но он тут же поднимает голову и говорит:

— Все же мы сказали им, на четвертой, что им недолго его у себя держать: заберем обратно.

— Значит, это вроде спорта, как на олимпиаде?

— Да, пожалуй, что и так,— подтверждает Гертц.— Действительно, тут есть и азарт, как у спортсменов.

— Вы ведь долго работали у господина Флика, которому принадлежали все заводы в Хеннигсдорфе. Что же, и тогда вы занимались таким спортом?

— Ну, нет, с чего бы мы стали этим заниматься тогда! — смеется Гертц и потом добавляет сердито: — У Флика нас подгоняли, а мы норовили, как бы потише работать, чтобы полегче для себя сделать. Но все равно было тяжело, и так и этак.

— А теперь?

— Теперь другое дело...

— В чем? Технически?

— Да и технически тоже. Возьмите, скажем, вон ту машину, что забрасывает доломит. Еще год назад приходилось перед завалкой швырять доломит вручную, лопатами. Это была тяжелая физическая работа; часто она занимала не меньше часа. А теперь машина все это делает в пять минут... Но не в этом главное...

— А в чем же?

Он медлит, обдумывая ответ.

— Ну да,— говорит он наконец,— в том главное, что на себя работаешь. Из-за этого все поиному. Совесть другая у человека появляется...

Вильгельм Гейден, первый сталевар.

— А скажите, мастер Гертц, по-вашему, все здешние рабочие это поняли? Ясно им, что они работают не для Круппа и Флика?

— Часть людей это поняла,— говорит он, подумав.— Но есть и такие, конечно, что норовят из государственного кармана деньги ни за что получить. Не забудьте,— подчеркнуто говорит Гертц,— западный Берлин в каких-нибудь двух сотнях метров отсюда... И потом — молодежь. Ведь ничего же они не знают о том, как нам, старикам, круто раньше приходилось. Им кажется, что все нынешнее пришло готовеньким. Иногда я ребятам рассказываю, как было при Флике...

Гертц выпрямляется, глаза его глядят строго.

— Надо воспитывать людей. Вот даем мы больше стали, и качество металла тоже улучшается. На этом и надо учить молодежь.

Что же такое соревнование? Погоня за денежной премией, спорт, дело чести, профессиональная гордость, сознательное участие в строительстве нового? Все это вместе — вот что такое соревнование. И все это соединяется в сердце рабочего точно так же, как руда, чугунный лом, никель и марганец сплавляются в мартеновской печи. У одного рабочего может перевешивать одно, у другого — другое, но в

Здесь можно узнать, как идет соревнование металлургов.

итоге получается сталь и новый, лучший человек.

— Теперь веселее работать,— замечает Гертц.— Спросите хотя бы мою жену, она подтвердит: даже в выходной день как-то не сидится мне дома, все тянет на завод, пройтись по цеху, поглядеть...

* * *

Бригадир разливщиков Эрнст Кинцель тоже по долголетнему опыту знает, что такое «доброе старое время» Флика и К°.

В Хеннигсдорфе Эрнст Кинцель работает с 1928 года. Через год после поступления на завод он принимал участие в стачке рабочих против стальных магнатов. Стачка длилась три месяца, рабочие проиграли ее, хотя и боролись мужественно.

Кинцель рассказывает:

— Хозяева все плакались, что сбыта нет, поэтому, мол, приходится урезывать заработки рабочим... Так походя и снизили расценки... А какой тон был тогда на заводе! Держи язык за зубами — вот единственный закон! Даже мне с моей широкой глоткой — и то приходилось иногда помалкивать.— Он улыбается.— Глотка у меня и теперь есть: как увижу что-нибудь несправедливое, сразу выложу всё!.. Но тогда... За воротами всегда сотни три — четыре безработных топчутся, ждут только, как бы нашего брата заменить. Дирекция старая это хорошо понимала... А потом, при нацистах и во время войны, другое пугало было: на фронт пойдешь! Приходилось тянуть лямку, ничего не поделаешь...

У рабочих Хеннигсдорфа большие боевые традиции. Там сохранился один замечательный памятник, простой и вместе величественный, возникший из самой гущи рабочей жизни и борьбы. Когда смотришь на него, невольно сжимается горло.

Памятник этот — железнодорожный мост, проходящий над заводскими воротами. На одной из ферм моста сделанная не очень умелой рукой надпись огромными черными, немного уже стершимися буквами:

«Выбирайте Эрнста Тельмана!»

Безвестные хеннигсдорфские рабочие сделали эту надпись тогда, когда в стране уже бушевал нацистский террор. И много лет нацисты пытались стереть или замазать этот призыв, но снова и снова проступала несговорчивая краска — и гигантские буквы до сих пор громко свидетельствуют о том, что революционный огонь никогда, даже в самые мрачные времена фашистской тирании, не угасал в Хеннигсдорфе.

Был один день в июне 1953 года, когда часть хеннигсдорфцев, поддавшись на провокации с запада, запятнала доброе имя и традицию завода. Среди металлургов об этом говорят теперь неохотно. «Глупость это была, вот что! — ворчат они и тут же добавляют: — Но печи мы тогда не гасили, нет, а на другой день работа шла полным ходом, это мы сами все поправили, сами от себя!»

То тот, то другой прибавит при этом, что надо держать ухо востро: много шныряет подозрительных людей, оттуда, с запада; их, как занозу, надо выдергивать немедля...

Эрнст Кинцель, бригадир литейщиков.

Бригадир Кинцель продолжает:

— Всегда найдутся у нас такие, что спервоначалу шарахаются от нового, не верят. Я-то лично люблю все новое, оно меня тянет к себе. Но и у меня бывают подчас сомнения. Зато как заработает новая машина или прибор, тогда только поймешь, как был глуп и недальновиден. Так было вот и с тележками для изложниц—их придумал молодой инженер Штиг — и сразу в литейной стало вдвое просторнее.

Он вдруг умолкает.

— Хотелось бы знать, что будет, если...— говорит он неуверенно.

— Что вы имеете в виду?

— При Флике было у нас четыре печи, теперь их девять, выдача стали растет с каждым месяцем. Так ведь придет когда-нибудь день, когда... стали будет довольно, а?

Бригадиру Кинцелю, должно быть, вспомнился кризис 1929 года, тогдашняя безработица — все это еще словно сидит у него в костях. Но тут вмешиваются в разговор другие, более молодые:

— А Китай? А Индия? Пусть даже нашей республике хватит стали,— как ты думаешь, разве туда нельзя посылать?

— Ну, а если Китаю и Индии больше не надо будет стали? — не сдается Кинцель.

— Человек! — говорит один из молодых.— Ну как ты не понимаешь: мы ведь сами определяем, сколько нам надо. Социализм — понятно? — это плановое хозяйство. А чем больше продукции, тем дешевле, ясно? Цены ниже, купить можно больше,— горячится молодой, все более входя в роль лектора.

Старый бригадир кивает головой. Может быть, он еще не совсем хорошо все это понимает, но он постарается разобраться. Жизнь учит всех.

Окончание следует.

Интервью «Огонька»

ЗВЕНО ЗЕЛЕНОГО КОНВЕЙЕРА

Президент Академии наук Эстонской ССР

И. Г. ЭЙХФЕЛЬД

Большие задачи стоят перед сельским хозяйством Эстонии в шестой пятилетке. К 1960 году производство мяса должно возрасти почти вдвое, надои молока — более чем в два раза. Вот почему эстонские ученые, занимающиеся сельским хозяйством, считают самым важным в своей работе быстрейшее решение проблемы кормов.

Я и мои коллеги — растениеводы — в минувшем году работали в двух направлениях: по внедрению посевов кукурузы в сельское хозяйство и созданию и использованию долголетних культурных пастбищ.

Кукуруза у нас, в северных районах, должна дать и обильную зеленую массу для зеленого корма и початки молочно-восковой спелости для концентрированного корма. Мы, исследователи, должны были решить, какие сорта кукурузы и на что выгоднее всего использовать в Эстонии.

Исследованию подвергались 160 отечественных и заграничных сортов. Опыты показали, что скороспелые сорта — Первенец, Белоярое пшено, Славгородская и Чишминская — вызревают раньше других, но дают сравнительно мало початков и зеленой массы. Средние сорта — Воронежская-76, Горки Ленинские-1, Московская популяция — дают уже больше початков и зеленой массы. А поздние сорта — Кабардинская, Стерлинг, Осетинская — совсем не дали початков, но зато дали в среднем по 300—400, а местами по 500 и более центнеров зеленой массы с гектара.

Конечно, этим наши исследования не ограничились. Мы продолжим их. Но опыты прошлого года показали самое главное: кукуруза в Эстонии может и должна расти! Дальнейшая наша задача — разработать режим посева, ухода и удобрения наиболее пригодных для Эстонии сортов и рекомендовать их колхозам и совхозам.

Внедрение кукурузы позволит решить важную часть проблемы обеспечения животноводства концентрированными и силосными кормами.

Путь улучшения летней кормовой базы — это создание культурных долголетних пастбищ. Кто бывал в нашей республике, тот мог видеть огороженные зеленые участки с хорошим травостоем. Такие участки есть, например, на опытных станциях в Йыгева и Вяндра, в колхозах имени Сталина Тюриского района, «Тулевик» Тартуского района, имени Горького Йыгеваского района, в совхозе «Вийзу».

По решению ЦК партии Эстонии культурные пастбища должны быть в каждом колхозе. Некоторые артели, правильно оценив преимущества таких лугов, заложили уже по 100 и 200 гектаров культурных пастбищ. Животные пасутся в загонах круглосуточно, свежий воздух укрепляет их здоровье. Поэтому и зимой они отличаются большой продуктивностью. На правильно организованных пастбищах коровы дают в среднем от 15 до 20 литров молока в сутки.

Как же создаются культурные пастбища?

Самый верный путь — обработка почвы и посев многолетних злаковых и бобовых трав. При регулярной подкормке трав минеральными и органическими удобрениями уже с первого года можно получить хороший укос травы, а через 3—4 года формируется пастбищный травостой.

Во многих районах Эстонии имеются естественные сенокосы с хорошим составом трав. Их также можно превратить в культурные пастбища.

На пастбищах животные должны иметь хорошую питьевую воду. Если вблизи нет ни речек, ни ручьев, ни прудов, ни озерков, то вода подается из колодцев по желобам и трубам. Для дойки коров строятся легкие сараи, к ним подводится ток или на месте устанавливаются электростанции-передвижки.

Культурные пастбища — это важное звено зеленого конвейера. Директивы XX съезда КПСС по шестому пятилетнему плану требуют создать в Прибалтике и северо-западных районах РСФСР долголетние сеяные сенокосы и пастбища. Если эти пастбища хорошо организованы, то здесь коровы не нуждаются летом в дополнительной зеленой подкормке. Минеральную подкормку им, конечно, следует давать все время.

Эстонские ученые на опыте убедились в неоспоримых преимуществах культурных пастбищ. В шестой пятилетке они должны быть созданы во всех колхозах и совхозах нашей республики.

Аэросани идут на север

Вл. ШУСТИКОВ

Фото В. Байдалова.

1. Метель

Куда ни повернешь голову, как ни наклонишься, крупичатый снег больно сечет лицо, но нужно хоть что-нибудь видеть впереди; приходится щурить глаза и прикрывать их согнутой в локте рукой. Ветер налетает будто сразу со всех сторон, но поземка метет в одну сторону: ветер с Уссури.

Кругом ночь. Только кое-где проступают мутные пятна света. Что это: освещенные окна зданий или уличные фонари? И не очень приятно покидать Хабаровск и радостно: впереди дорога на север, вверх по таежным рекам, куда не дошли еще железные дороги, шоссе и куда по земле можно добраться только на аэросанях да разве еще на собаках.

Но пройдет время, и люди, выполняя Директивы XX съезда партии, проведут в тайге железные и шоссейные дороги, заложат в ныне пустынных местах города и села, чтобы ускорить освоение богатых природных ресурсов восточных районов нашей Родины.

Вот наконец и затон. С трудом разыскали стоянку аэросаней. Голубая фанерная коробка размером чуть побольше кузова «Победы» поставлена на металлические лыжи. Та часть, где прикреплен бак с горючим, считается носом. Сзади прикреплен небольшой мотор с винтом. Право же, эта машина выглядит неуклюже, и трудно представить, что она может мчаться по снежной целине со скоростью девяносто километров в час, оставляя после себя только облако мелкой пушистой пыли.

Невдалеке от аэросаней стоял почтовый грузовик, два человека принимали пакеты из плотной бумаги, мешки с сургучными печатями, связки газет, металлические коробки с кинолентами. Аэросани идут в очередной рейс, чтобы доставить все это людям, осваивающим еще не обжитые уголки Дальнего Востока.

— «Кукурузник» разве возьмет столько? — словно убеждая самого себя, говорит Иван Андреевич Деревнин, водитель аэросаней.— А мы еще и пассажиров прихватим. К тому же и аэродромов нам не нужно и бездорожье не страшно.

Он подошел к машине и стал укладывать в угол кузова пропахшие машинным маслом ведра, небольшие бидоны, какие-то трубы. Все это накрыли брезентом, на который Деревнин сложил почту. В кузове совсем не осталось места, хотя там еще должно было уместиться пять человек.

— Комфорта маловато, но терпеть можно,— засмеялся водитель.

Наконец все готово. Иван Андреевич сел за руль.

Мотор чихнул раза два, и вот уже ровный гул стоит в воздухе. Объясняться можно только знаками.

Сани легонько покачнулись и пошли. Выбрались на простор. Здесь метель неистовее, ветер злее, но наша машина идет хорошо.

— На Амур выходим! — прокричал Деревнин, оборачиваясь.

Светает, но от этого не становится виднее: снег летит и летит. Движемся медленно, корпус качает с боку на бок, кругом торосы, и приходится выбирать дорогу.

Слева показалось что-то черное... Человек. Кто бы мог быть здесь, на Амуре, в такую рань и при такой погоде?

Мы подъехали ближе. Человек сидел неподвижно. Сложенная из снега стена немного защищала его от ветра. Видимо, непогода застала путника посреди реки; он вынужден был возвести это нехитрое сооружение, чтобы не замерзнуть. На нем были белые валенки, пальто с поднятым воротником.

— Рыбак зорюет,— заметил водитель, когда мы проезжали мимо.

У рыбака не было удилища — его заменяла короткая палка.

Немного погодя мы увидели еще несколько рыбаков, сидящих за укрытиями из снега. Аэросани, между тем, набрав скорость, летели по ледяному полю — на север...

2. Нечаянные состязания

Псы были рослые, широкогрудые, они шутя мчали нарты, на которых сидела женщина-нанайка. Видно, не впервой приходилось состязаться собакам с аэросанями — они бежали совсем рядом, ничуть не пугаясь гула мотора.

Поверхность льда ровна, точно натянутое полотно. Иван Андреевич прибавил газу, сани пошли быстрее. Мы ехали теперь не по Амуру, а вверх по Тунгуске (есть своя Тунгуска и на Дальнем Востоке). Казалось, собаки должны были неминуемо отстать. Однако женщина-каюр привстала на нартах, улыбнулась и протянула вперед палку. Тут же стало заметно, что собаки выходят вперед.

Деревнин хорошо знал возможности своей машины и, конечно, не дал посрамить технику — скоро аэросани обошли упряжку, и мы, чувствуя себя победителями в этом нечаянном состязании, продолжали путь по таежной реке. Кто она, эта женщина-нанайка, и куда спешит со своими нартами? Везет ли она мужу провиант и боеприпасы в тайгу, где тот промышляет соболя и амурскую белку, или сама отправилась на охоту? Было немного грустно, что мы не узнали, кто эта женщина. И никому не приходило в голову, что с этим лихим каюром нам доведется свидеться, и даже очень скоро.

Метель утихала. Сквозь тучи проступало рыжее зимнее солнце. С обеих сторон — невысокие, отороченные черноватым ивняком берега.

Дальневосточный таежный край! Где-то у подножий сопок люди рубят ели и кедры, подтаскивают деревья тракторами к берегу. Весной, когда начинается сплав, по Тунгуске нельзя проехать на катере: так много идет лесу. А осенью вверх по рекам пойдет кета. Она будет идти несколько дней сплошным потоком все вверх и вверх по Тунгуске и Куру, Улике и Урми к своим нерестилищам, расположенным в верховьях таежных рек.

Привольные, богатые места, да жалко, мало еще здесь народу! Сколько мы едем и только одну нанайскую деревушку встретили на берегу!

Русло реки сделало поворот, и впереди мы увидели человека, который хлопотал у сетей. Ему помогала женщина-нанайка. Аэросани приостановились.

— Вот это настоящие рыбаки, — сказал Иван Андреевич. — Улов-то какой!

Рыбы действительно было много. Выпутывая рыбу из сетей, нанайцы не складывали ее в кучу, а расстилали по снегу, чтобы не смерзалась. Караси, сазаны, сиги, потрепетав, замирали.

— Ба, да это же наша знакомая! — сказал Деревнин, подходя поближе. — Обставила все-таки нас.

Женщина, засмеявшись, тронула льдинку ножкой, обутой в олочи, сделанные из рыбьей кожи, и слегка смутилась. Она была еще совсем молодая, наша соперница. Собаки лежали, свернувшись на снегу, и, видно, не подозревали, какой жестокий удар нанесли они нашему самолюбию.

— Вы по кривуну ехали, а я через сопочку перевалила; ваши сани там не прошли бы: лесок. А мой Полкан провел упряжку.— Нанайка говорила на чистом русском языке. Вообще, следует заметить, многие нанайцы отлично говорят по-русски.

— Что ж,— сказал Иван Андреевич,— поздравляем победительницу.

Мы разговорились. Наши новые знакомые оказались мужем и женой по фамилии Актанко. Женщина сказала, что ее зовут

Маруся, но Николай Владимирович Актанко поправил: Мария Васильевна. Они члены рыболовецкой артели имени Карла Маркса и сейчас вместе с другими колхозниками, работающими неподалеку, проверяют сети. Николай Владимирович приехал еще утром, чтобы успеть сделать проруби в тех местах, где стояли сети.

Последний сазан брошен на снег, и теперь сети нужно вновь ставить. Мария Васильевна остается у лунки, а ее муж направляется к проруби метров за сто. Перекинув веревку через плечо, тяжелым шагом идет он в сторону. Веревка, пропущенная подо льдом, тянет за собою сеть, которую, расправляя, опускает в прорубь Мария Васильевна.

Пройдет каких-нибудь десять минут, грузила опустятся на дно, а поплавки поднимут другую сторону снасти вверх. В таком положении сеть оставят на несколько дней. Замерзнут проруби, заметет их снегом, и только вешки будут указывать знающему человеку, где подо льдом стоят рыболовецкие снасти.

3. В гостях у метеорологов

Не доезжая до села, где предполагалось сделать короткую остановку, аэросани поровнялись с высоким сутулым человеком в собачьей дохе. Он поднял руку совершенно так же, как это делается на шоссейных дорогах.

Мы потеснились.

Александр Федорович Цыганков возвращался домой на метеостанцию Архангеловка, где он работает почти двадцать лет.

Несколько минут пути — и вот уже наша машина остановилась около почтового ящика, прикрепленного на столбике, стоящем прямо посредине реки.

— Нет, сегодня так быстро не получится. Не отпущу. — Цыганков понял из наших разговоров, что скоро намечалась остановка, и сказал: — Какой же смысл вам мчаться куда-то дальше, если можно отдохнуть часок — другой и у нас? И станцию нашу посмотрите. Конечно, мы погоды не делаем, — сказал он, хитро прищурившись,— но и без нас это дело не обходится. Нина, — обратился он к высокой миловидной девушке, подходившей к аэросаням, — принимай гостей.

Несколько домиков, стоящих недалеко от берега, аккуратно обнесены оградой. А вокруг таежное безмолвие, слышно только, как шуршат засохшей листвою дубы. Да, как ни странно, на Дальнем Востоке дубы почему-то и зимою не теряют листьев. Тропинка, по которой мы идем, тверда, но стоит шагнуть чуть в сторону, и провалишься в снег по пояс.

Скоро мы сидели в светлой чистой комнате, пили чай с медом и слушали концертный вальс Глазунова, доносившийся из другой комнаты: там стоял радиоприемник.

Что-то доброе испытываешь к этим людям, которые, находясь далеко в тайге, как бы трудно ни приходилось им, не оставляют своего дела. Круглые сутки несут метеонаблюдатели вахту, всю ночь горит керосиновая лампа в этой небольшой комнатке с книжными полками, с барографом и барометром, стоящими на аккуратных подставках. Перед девушкой-наблюдателем лежат часы, и ночью, в определенное время, какая бы погода ни была, девушка зажигает фонарь и идет по тропке на площадку, что метрах в трехстах от домика, чтобы записать силу и направление ветра, температуру — все то, что показывают приборы. Войдя в комнату, девушка составит телеграмму о том, что снегопад слабый, ветер умеренный, а видимость сто метров. Эта как будто спокойная телеграмма передается, однако, вне всякой очереди, потому что имеет отметку «Шторм». Погода не так безобидна, как может показаться. И пассажиры пролетающего над тайгой самолета, совсем не знающие, что на свете существует Нина Дежорж, три года назад приехавшая на Дальний Восток из Херсона, и Вера Колоскова, только что начавшая свой жизненный путь, должны быть благодарны этим девушкам, работникам далекой метеостанции Архангеловка за незаметную и чуткую их заботу.

О чем бы мы ни говорили, разговор все время возвращался к здешнему климату.

— Но здесь же холод страшный!

— Что вы! — Александр Федорович даже замахал руками.— Конечно, климат не тот, что под Москвой, но и не такой суровый, как представляют.

Начальник метеостанции Архангеловка А. Ф. Цыганков и метеонаблюдатель Вера Колоскова.

— Пятигорск, одним словом,— заметил кто-то из нас.— А мы и не предполагали этого и чуть было не окоченели в аэросанях.

— А что?! — Александр Федорович стал вдруг серьезным.— Солнечных дней в году у нас ничуть не меньше, чем на Северном Кавказе, могу цифрами подтвердить. От холодных ветров долины наших рек защищены хребтами. Овощи, к примеру, созревают у нас раньше, чем в Хабаровске. Природная теплица! — Он помолчал немного.— Зима, скажу правду, не мягка, но переносится легко. Да что говорить! — Цыганков встал из-за стола и подошел к окну.— Взгляните!

Но ничего особенного мы не увидели и вопросительно посмотрели на Александра Федоровича.

— Это же сад! Коллективный сад нашей метеостанции. Сюда поближе сливы, а там яблони, груши. Два года назад посадили, а прошлой осенью уже пробовали первые плоды.

Поблагодарив за хлеб-соль, мы вышли на улицу. Цыганков подошел к горбатому сугробу, который ничем не отличался от соседних своих собратьев, и заметил, что на это также стоит обратить внимание. Оказалось, что под снегом стоят ульи с живыми пчелами, они уже несколько лет зимуют на открытом воздухе.

— А вы говорите: суров дальневосточный климат! — торжествовал Цыганков.

4. Юкомзан мечтает

Потому ли, что поселки встречаются очень редко, потому ли, что они по преимуществу небольшие, но, как правило, жители одного хорошо знают жителей каждого из соседних сел. Венедикт Константинович Посметьев, наш новый попутчик, нет-нет, да и наклоняется, чтобы сообщить какую-нибудь подробность о тех людях, которых нам предстоит встретить. Так мы узнали, что Аюмка Челды — умелый охотник, он добыл уже тринадцать коз, а в Новокуровку на заготпункт вернулись первые таежники: они сдали несколько соболей, среди которых есть шкурки соболя Якутского кряжа, одного из самых дорогих.

Но больше всего Посметьев говорит о почтовом работнике, нанайце Якове Афанасьевиче Юкомзане, который живет в поселке Улика-Национальная. Мы узнали, что у него двое детей, что мальчика зовут Адик, а девочку — Тома, что жена его Акулина Степановна выступала на районном смотре художественной самодеятельности, исполняла нанайские песни и заняла одно из первых мест. Она получила премию — чайный сервиз.

Как только аэросани остановились, к Ивану Андреевичу подошел и поздоровался невысокий смуглый человек. Это и был Юкомзан. Он, улыбаясь, принялся тщательно проверять доставленную почту.

— «Правду» эту в Москве два дня тому назад читали, а к нам только дошла.

— До Москвы почти девять тысяч километров. Центральную газету читаешь на третий день — и недоволен! — сказал Юкомзану Деревнин с укоризной.

— Что значат девять тысяч километров для реактивного самолета! — возразил нанаец.

Потом Яков Афанасьевич стал рассказывать о том, как строится в тайге поселок нового леспромхоза, и что людей на стройке пока еще не хватает, и неизвестно, как выйти из этого положения.

— И сейчас наш Кур-Урмийский район дает порядочно леса. А когда войдет в строй новый леспромхоз, тогда...— Юкомзан не договаривает, щурит глаза, будто вглядываясь вдаль.

О чем он думает, этот коренной житель здешних мест? Какой ему представляется тайга в будущем?

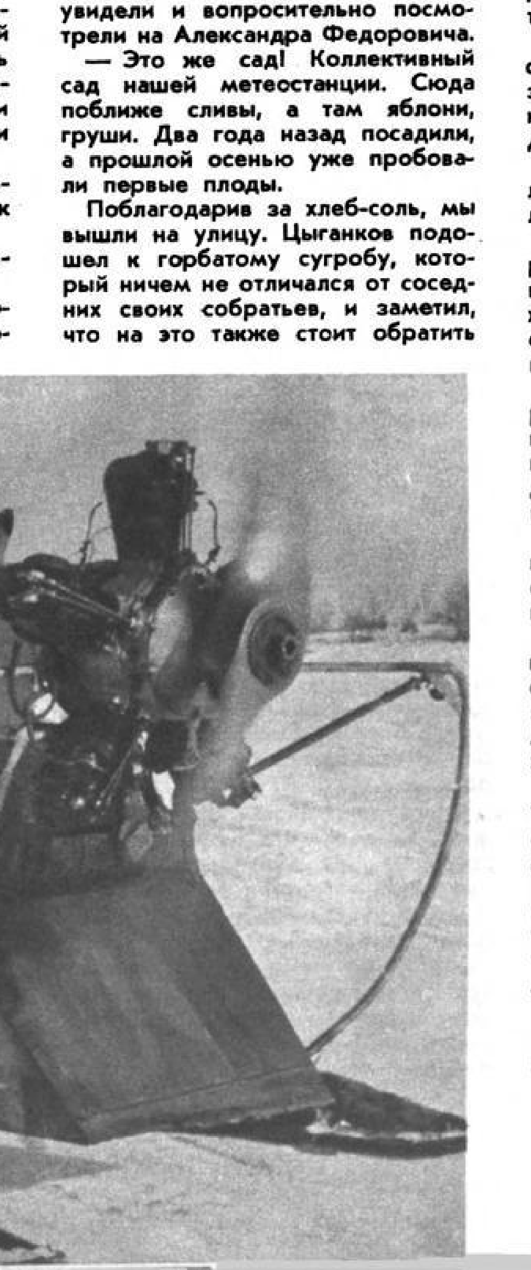
— Как думаешь,— обратился он к Деревнину через мгновение,— если в новой пятилетке по-настоящему взяться за овощи, догоним ли мы Бикин и Переяславку? У нас же все растет.

Потом разговор зашел об охоте. Деревнин говорил, что видел много коз, которые перебегали дорогу аэросаням, а Юкомзан, вздыхая, ответил, что в этом году, несмотря на обилие зверя, охотился он неудачно: всего каких-то четыре енота да несколько колонков.

Распрощавшись с Юкомзаном, мы долго ощущали его крепкое рукопожатие.

Заведующий почтовым агентством села Улика-Национальная Я. А. Юкомзан принимает почту у водителя аэросаней И. А. Деревнина.

Могучий талант

К 75-летию со дня смерти М. П. Мусоргского

«Как ново!.. Какие находки!.. Никто другой так этого бы не сказал...» Эти слова восхищения вырвались из уст Ф. Листа, когда он впервые познакомился с произведениями великого русского композитора Модеста Петровича Мусоргского. То была дань искреннего уважения самобытному и своеобразному таланту, радостное признание оригинальной и могучей силы, какую представлял собою этот художник, с небывалым размахом и яркостью отразивший в своем творчестве великую духовную мощь народа.

Подобно другому русскому гению, вдохновившему его впоследствии на одно из величайших произведений оперного искусства, Александру Сергеевичу Пушкину, Мусоргский стал проявлять интерес к народной жизни с раннего детства под влиянием няни, впервые введшей его в широкий и раздольный мир русских сказок и преданий. В своей «Автобиографической записке» Мусоргский сам заявляет, что это ознакомление с духом и образами народного творчества сказалось уже на его первых музыкальных импровизациях.

Идея народности, питавшая творчество замечательного музыканта, окрепла и углубилась под влиянием крупнейшего русского композитора того времени Даргомыжского, сразу угадавшего в семнадцатилетнем юноше большой талант. Дружеские отношения с такими деятелями «Могучей кучки», как М. А. Балакирев, А. П. Бородин, Н. А. Римский-Корсаков, Ц. А. Кюи, наконец, близость к радикально настроенной молодежи 60-х годов, страстно обсуждавшей произведения Чернышевского и Герцена, — все это сказалось на формировании мировоззрения Мусоргского.

Высший взлет гения Мусоргского — его бессмертные монументальные народно-героические музыкальные драмы "Борис Годунов» и «Хованщина», равных которым не видела оперная сцена мира за всю историю своего существования. Какая сила правды в изображении народных масс и в то же время какая изумительная выразительность индивидуальных характеристик, какой потрясающий драматизм! И все передано совершенным языком музыкальной живописи.

Думая об этих драгоценнейших жемчужинах оперного искусства, созданных могучей фантазией художника-богатыря, нельзя не согласиться с проникновенными и темпераментными словами В. Стасова, так много значившего в творческой жизни композитора.

«Мусоргский,— писал В. Стасов,— создал такие две оперы «Борис Годунов» и «Хованщина», которые... прокладывают свою особенную, самостоятельную дорогу в музыке, и по национальному элементу, выраженному с небывалой реальностью, и по музыкальной декламации, никогда еще не бывшей до такой невообразимой степени правдиво-русской. Разнообразные типы и характеры действующих лиц, разнообразные сцены и положения в жизни, то обыденные, то комические, то трагические, разнообразные изменения духа и настроения — все это Мусоргский живописал с необычайною правдой и мастерством, с изумительною реальностью, с такою близостью интонаций голоса к человеческой речи, каких до него почти никто еще не достигал, даже из числа самых гениальных музыкантов».

И. Е. Репин. Портрет М. П. Мусоргского. 1881 год.

Но не так легко было этим произведениям, составляющим нашу национальную гордость, «прорваться» на русскую сцену сквозь рогатки царской цензуры, сквозь преграды, воздвигнутые всякого рода реакционерами от искусства — «симфоническими попами», по меткому выражению композитора. Дважды отвергла дирекция императорских театров в Петербурге ходатайство Мусоргского о постановке «Бориса Годунова». Лишь под давлением передовой музыкальной общественности опера была поставлена на сцене Мариинского театра 27 января 1874 года и прошла с исключительным успехом. «...Впечатление на публику, артистов и оркестр потрясающее», — писал сам Мусоргский.

Да, публика, и в особенности молодежь, действительно встретила гениальное творение восторженно, справедливо почуяв глубокую его народность, приветствуя смелый отказ композитора-новатора от оперной рутины. Но бюрократов от искусства не очень-то порадовал этот успех. Для начала театральные чиновники ко дню премьеры в театре выбросили в опере сцену «В келье», через несколько спектаклей убрали замечательную сцену «Под Кромами». А вскоре и вовсе сняли оперу с репертуара и предали ее забвению.

С тупостью и косностью театральных «вседержителей» вновь пришлось столкнуться великому художнику в период завершения работы над другой оперой — «Хованщиной», отражающей один из самых сложных и беспокойных периодов русской истории — канун реформ Петра I. И здесь — трагедия народа, его страдания и борьба.

«**Жизнь**, где бы ни сказалась; **правда**, как бы ни была солона́; смелая, искренняя речь к **людям** в упор, вот моя закваска, вот чего хочу и вот в чем боялся бы промахнуться», — писал Мусоргский Стасову. В этих словах весь Мусоргский! И они же определили направление «Хованщины».

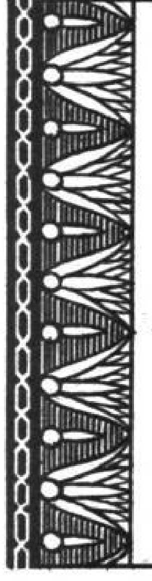
Великая Октябрьская социалистическая революция принесла с собою всенародное признание могучего гения Мусоргского. Советский театр с особой бережностью отнесся к его операм, стремясь глубже раскрыть подлинные замыслы композитора, заложенные в его произведениях идеи. По рукописи Мусоргского восстановлена первая (предварительная) редакция «Бориса Годунова», восстановлена сцена «Под Кромами». Недавно композитором Д. Д. Шостаковичем осуществлена новая инструментовка оперы. И сегодня нет такого оперного театра в нашей стране, нет таких певцов старшего и молодого поколения, которые не считали бы для себя величайшей честью и радостью выступить в ролях, созданных Мусоргским.

...В 1918 году я, приехав в Москву, имел счастье попасть на спектакль театра Московского Совета (бывший театр Зимина). Шел «Борис Годунов». Главную партию — Годунова — исполнял мой брат Григорий Пирогов. С замиранием сердца впитывал я в себя изумительные краски и звуки этого спектакля. Мне, юноше, только что сошедшему с гимназической скамьи и мечтавшему об оперной сцене, все, что происходило передо мной, казалось невыразимо прекрасным и... навеки недоступным. Мог ли я думать, что через одиннадцать лет и сам буду выступать в Большом театре и в этой именно роли, так взволновавшей меня в тот незабываемый вечер? И теперь, хотя я уже много раз сыграл эту роль, все так же пленяет меня образ Годунова, все то же волнение я снова и снова испытываю, когда должен предстать перед судом нашего взыскательного и чуткого зрителя. Хочется искать и находить все новые и новые краски для того, чтобы показать Годунова таким, каким я его вижу, каким он всегда живет в моей душе, — человеком с сильной волей и беспокойным, мятежным характером, в котором сочетаются необузданное властолюбие и искренний патриотизм, тонкий ум дипломата и нежные отцовские чувства, суровая целеустремленность и... сознание своей трагической обреченности.

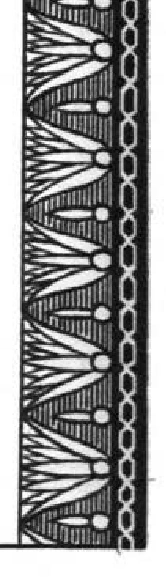
И так глубок образ, созданный Мусоргским, так многогранен и сложен, что артисту, исполняющему эту партию, дана неисчерпаемая возможность бесконечно обогащать свое исполнение, не останавливаться на одних раз и навсегда найденных красках и приемах. Я лично никак не могу отделаться от чувства, что еще не вполне «разгадан» Борис Годунов, что еще не все черты его облика выявлены, раскрыты пытливыми, всеобнажающими средствами искусства.

«К новым берегам пока безбрежного искусства!»—этот призыв страстного правдолюбца, великого, беспокойного художника Мусоргского обращен и к нам, ко всей многочисленной армии работников советского искусства, призванной хранить прекраснейшие традиции национального искусства, непрестанно стремиться к новым творческим дерзаниям и, неутомимо совершенствуя свое мастерство, верно служить им народу.

Александр ПИРОГОВ,
народный артист СССР

В СТРАНЕ ПИРАМИД

Николай ДРАЧИНСКИЙ,
специальный корреспондент «Огонька»

ФОТО АВТОРА.

Первое из «семи чудес» света

— Знакомство с Египтом начинается с осмотра пирамид. Такова традиция! — сказал мой каирский друг Хафиз Салеш, взявший на себя труд познакомить советского журналиста с жизнью своей страны. Мы, не мешкая, отправились в Гизу — небольшой городок, ставший предместьем разросшегося Каира, чтоб взглянуть на первое из «семи чудес» древнего мира.

Я прилетел в Египет в разгар необыкновенной африканской зимы. Всего два дня полета — и после зимней завьюженной Москвы Каир опрокинул привычное представление о временах года. Мы ехали мимо садов, где пышно цвели незнакомые цветы, по берегу канала, в котором резвились голые меднокожие ребятишки. Раздольный Нил недавно возвратился в свои берега, и воды его, бурокрасные во время паводка, снова приобретали голубоватый оттенок. На фоне тяжелой зелени пальм и сикомор кострами горели пунцовые соцветия гуаннемии — растения, обладающего завидной способностью цвести всю свою жизнь.

Расточительное африканское солнце щедро одаряло древнюю землю. Владелец крупнейшего в городе универсального магазина «Цикурель» на улице Фуад, отчаявшись реализовать теплые товары, выставил в витрине плакат: «Заблаговременно приобретайте теплые вещи для полета на Луну! Ученые установили, что там очень холодно!» Но люди, чересчур занятые устройством своего нелегкого земного бытия, не откликались на космический призыв предприимчивого коммерсанта.

Обворожительная египетская зима — сезон туризма. Жестокий зной сменился нежным теплом, а хамсин — ужасный ветер пустыни, который дует пятьдесят дней кряду, иссушая листья деревьев и души людей,— еще не начинался. В эту пору европейцы и американцы, имеющие деньги, отправляются в Египет. Поэтому большие каирские отели были заполнены иностранцами, приехавшими провести досуг под сенью древних пирамид. Мы сразу увидели этих путешественников в Гизе: покинув автомобили, туристы неуклюже взбирались на белых верблюдов.

Это тоже традиция. Гиза находится на самом краю оазиса. В километре от ее садов из желтого моря песка поднимаются три величайшие пирамиды. Турист направляется к ним, раскачиваясь на зыбком горбу длинноногого «корабля пустыни».

Богатые туристы, люди, пресытившиеся цивилизацией, любят вкусить нечто от времен давно минувших,— быть может, в этом сказывается неуверенность в своем будущем. На улицах Парижа и площадях Рима среди ревущего автомобильного стада я то и дело видел туристов в экипаже времен Луи Филиппа, запряженном лошадками с бубенцами, в модных ресторанах упразднен электрический свет: на столах трепетно мерцают свечи. Здесь, у подножия пирамид, судорожно вцепившись в луку неверного седла, турист самоотверженно и жадно вкушает сладости и горечь первобытного транспорта пустыни. А рядом его поджидает новейший лимузин.

Мы не стали придерживаться традиции и отправились к пирамидам на автомобиле. Побуксовав в сыпучих песках, машина с трудом взобралась на косогор, и мы очутились лицом к лицу со сфинксом. За ним, на песчаных буграх, загромождая небо, стояли пирамиды. У их подножия передвигались комариные точки — люди, машины, верблюды.

Странное чувство испытываешь, глядя на этих каменных исполинов, которые поражают воображение своим холодным величием. Сколько неимоверного труда вложили в эти сооружения сотни тысяч безымянных строителей-рабов! Вес каменной глыбы, из которых сложены пирамиды, достигает тридцати тонн. Эти огромные глыбы камня рабы руками доставляли к месту стройки и поднимали в поднебесье. Древнегреческий историк Геродот, посетивший эти места спустя 25 столетий, поведал о том, что и тогда еще в народе были живы предания о бедствиях, в которые ввергнул страну фараон Хеопс, заставивший весь Египет двадцать лет трудиться над сооружением своей гробницы. Некогда пирамиды были облицованы полированным белым камнем. Но ветер и время разрушили их нарядную оболочку, и сейчас они стоят пятое тысячелетие шершавые, цвета опаленного песка, напоминая о титаническом труде людей и самовластии тирана.

Сфинкс — высеченная из камня фигура с головой человека и туловищем льва — даже на фоне огромных пирамид кажется могучим и величественным. Подобно стражу, хранящему покой древних усыпальниц, он пристально и тревожно смотрит вперед, на восход солнца. Лицо его обезображено глубокими шрамами: во время египетской экспедиции Наполеон Бонапарт приказал артиллеристам палить по сфинксу из пушек. Еще сравнительно недавно он был до самых плеч засыпан подвижными песками пустыни. Теперь его раскопали, и стала видна вся колоссальная фигура.

Перед отъездом из Египта я снова побывал близ сфинкса. Люди в длинных белых рубахах бережно восстанавливали поврежденные части фигуры. Прекрасное лицо его красноречиво говорит о гении народа, в беге тысячелетий сохранившего волю к жизни, к утверждению своего права на собственную историю.

Покидая сфинкса, я неожиданно попал в толпу детей. Босоногие и чернокудрые, они прыгали на теплом песке, бегали, смеялись, кричали, как стая веселых галчат. Юная египтянка в синем платье, время от времени нестрого призывавшая детей к порядку, рассказала, что она учительница, а это ее ученики, что все они — и совсем маленькие и постарше — учатся первый год. Их школа в предместье Каира открыта несколько месяцев назад. Сейчас они на экскурсии.

— Понравились вам пирамиды? — осведомилась юная учительница.

Я, разумеется, ответил «да», хотя и подумал при этом, что новая школа в стране, где 85 процентов неграмотных,— явление не менее значительное, нежели первое из «семи чудес» света.

Ат-тахрир

Сейчас в Египте самое популярное слово — «ат-тахрир». Так называется большая площадь в Каире, так именуется новая провинция в дельте, это же название носят политическая организация, многочисленные общества, предприятия, магазины. Арабское слово «ат-тахрир» в переводе значит «освобождение».

23 июля 1952 года в Египте свершился революционный переворот, свершился молниеносно. В ту пору в армии существовала тайная организация «Офицеры свободы». Она ставила перед собой следующие политические задачи: борьба против фаворитов дворца и продажных политиканов, против коррупции в армии и правительстве, против иностранного господства и оккупации, против феодализма. 23 июля группа молодых офицеров, принадлежавших к этому обществу, подняла восстание в каирском гарнизоне и учредила революционный комитет из 9 человек. Через несколько часов к восставшим присоединились другие гарнизоны. А к утру революционный комитет оказался хозяином страны.

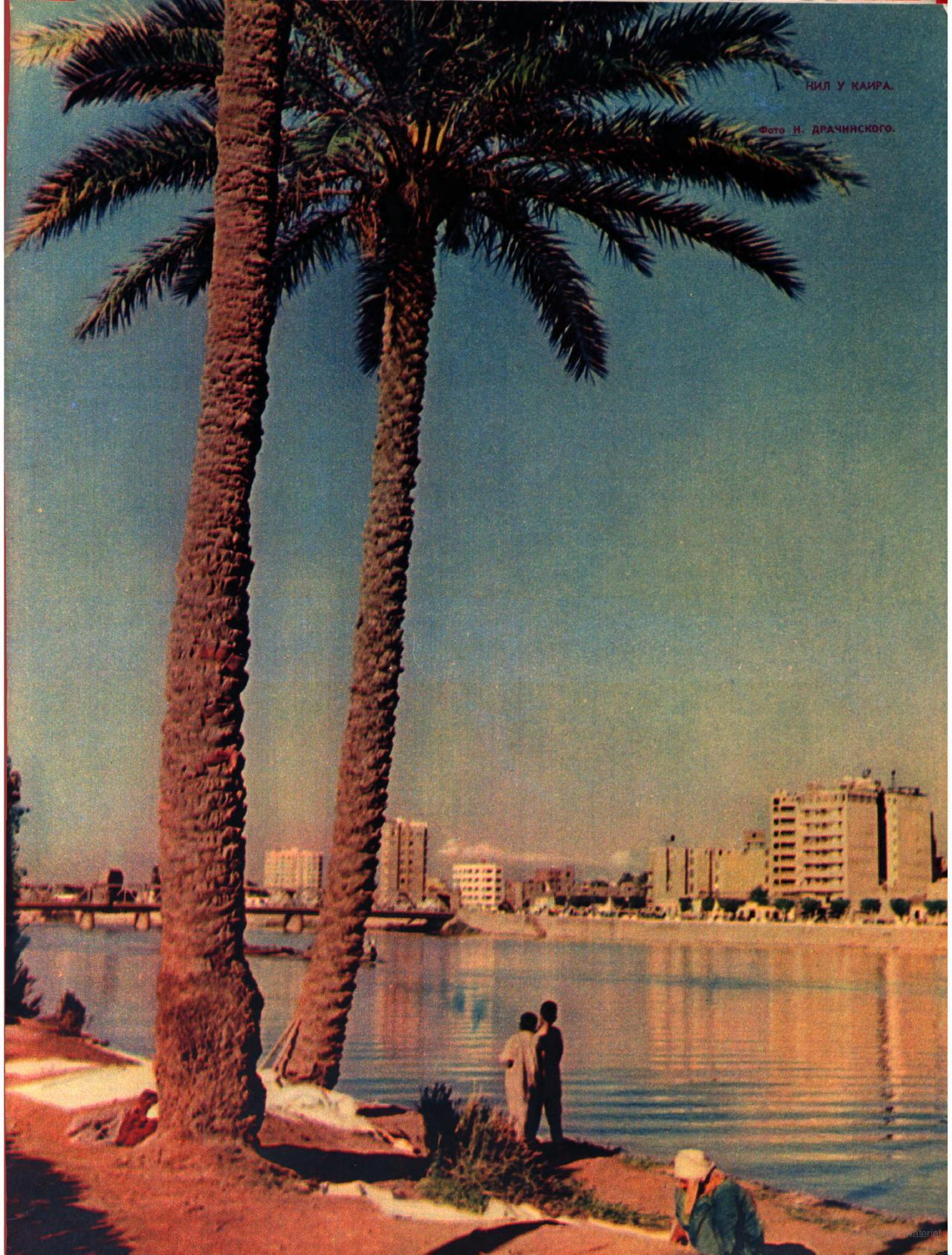
Заживо сгнивший монархический режим Фарука был ненавистен всем слоям общества, кроме горстки крупных земельных магнатов. У короля просто не нашлось защитников, исключая некоторых представителей иностранных государств. Сам монарх был олицетворением возглавляемого им режима: погрязший в разнузданном разврате, преждевременно состарившийся и спившийся человек.

Некоторые члены революционного совета высказывались за то, чтобы лишить жизни ненавистного короля. Но большинством голосов было решено навечно изгнать его из страны.

Сам Фарук находился в это время в Александрии в одном из своих роскошных дворцов, Рас эт-Тин. Несколько десятков метров отделяют дворец от набережной, где короля ждала яхта, чтоб увезти навсегда из Египта. Не была исключена возможность, что именно на этих последних метрах египетской земли короля постигнет заслуженная кара от руки его восставших подданных. Но были люди, которые стремились сохранить на всякий случай развенчанного монарха. От дворца до яхты его сопровождал американский посол, прикрывая злополучного владыку своим телом.

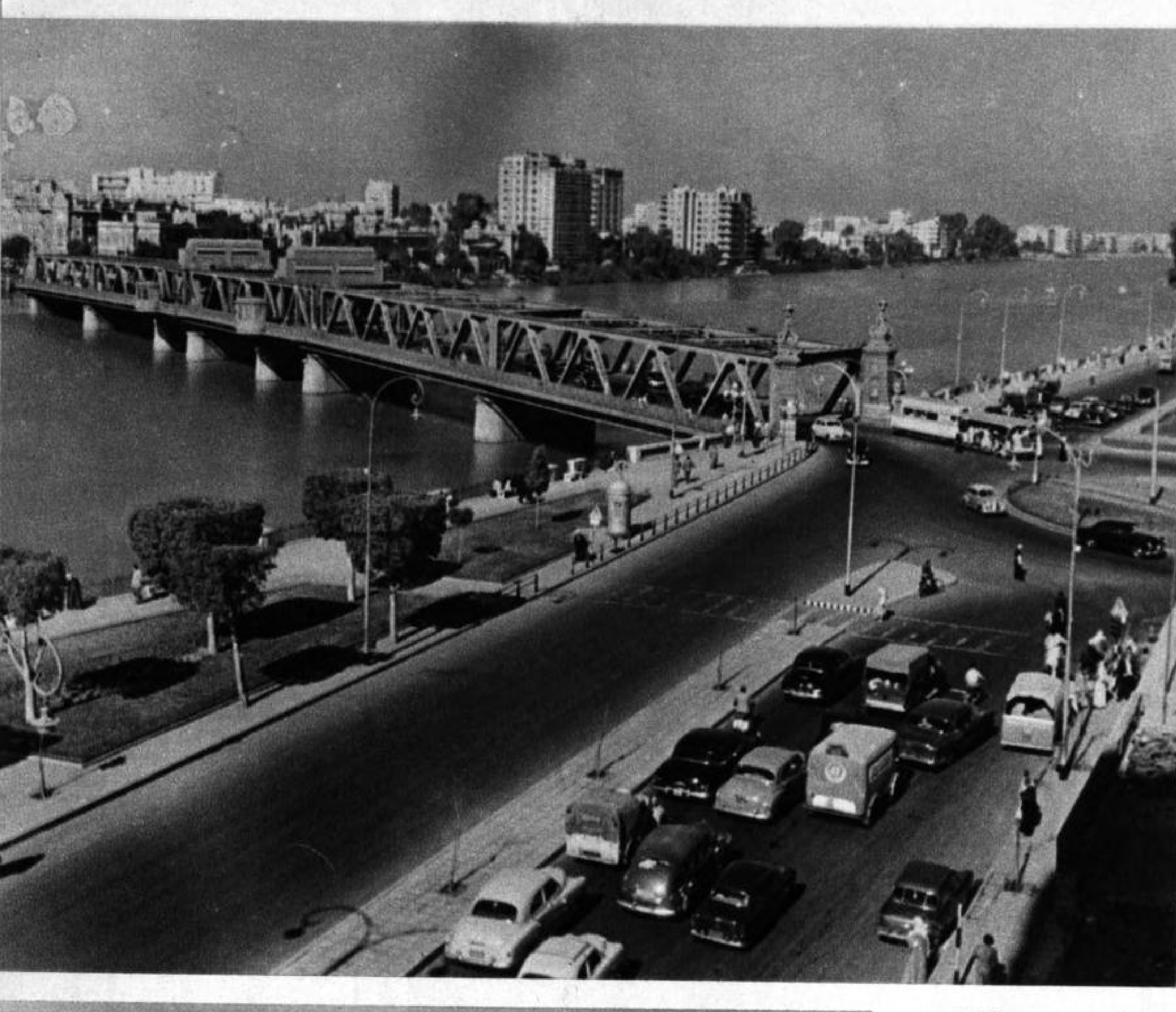
На яхту поднялись делегаты революционного совета, чтоб вручить Фаруку указ о вечном изгнании.

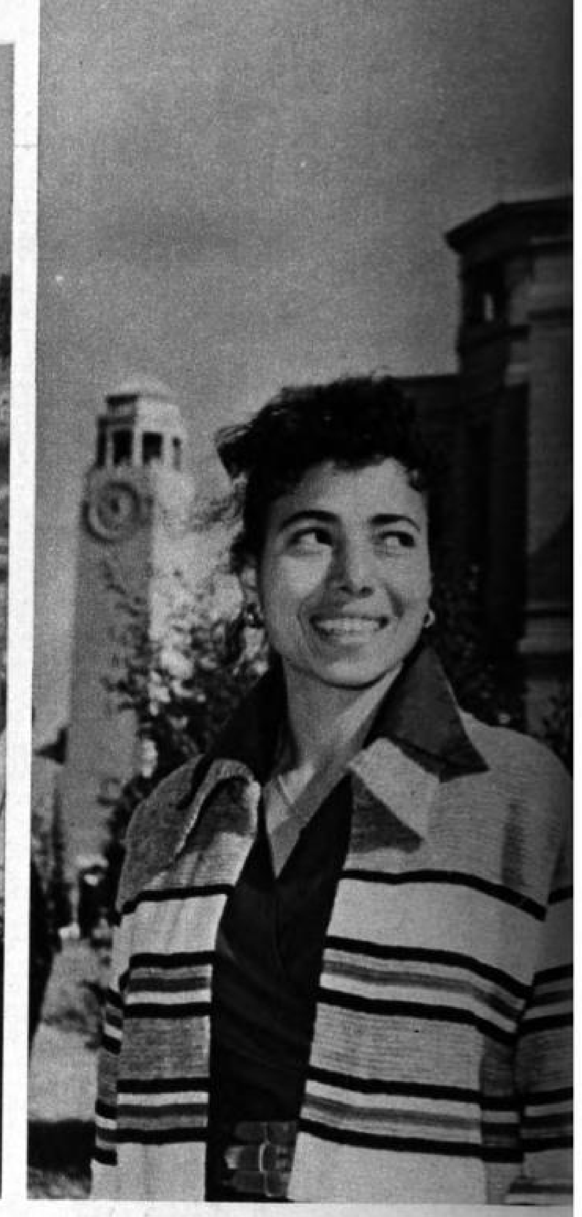
— Эфенди! — обратился глава делегации к грузному человеку с одутловатым лицом. Он уже не был его величеством Фаруком,

НИЛ У КАИРА.

Фото Н. ДРАЧИНСКОГО.

Набережная в Каире.

Студенты Каирского университета

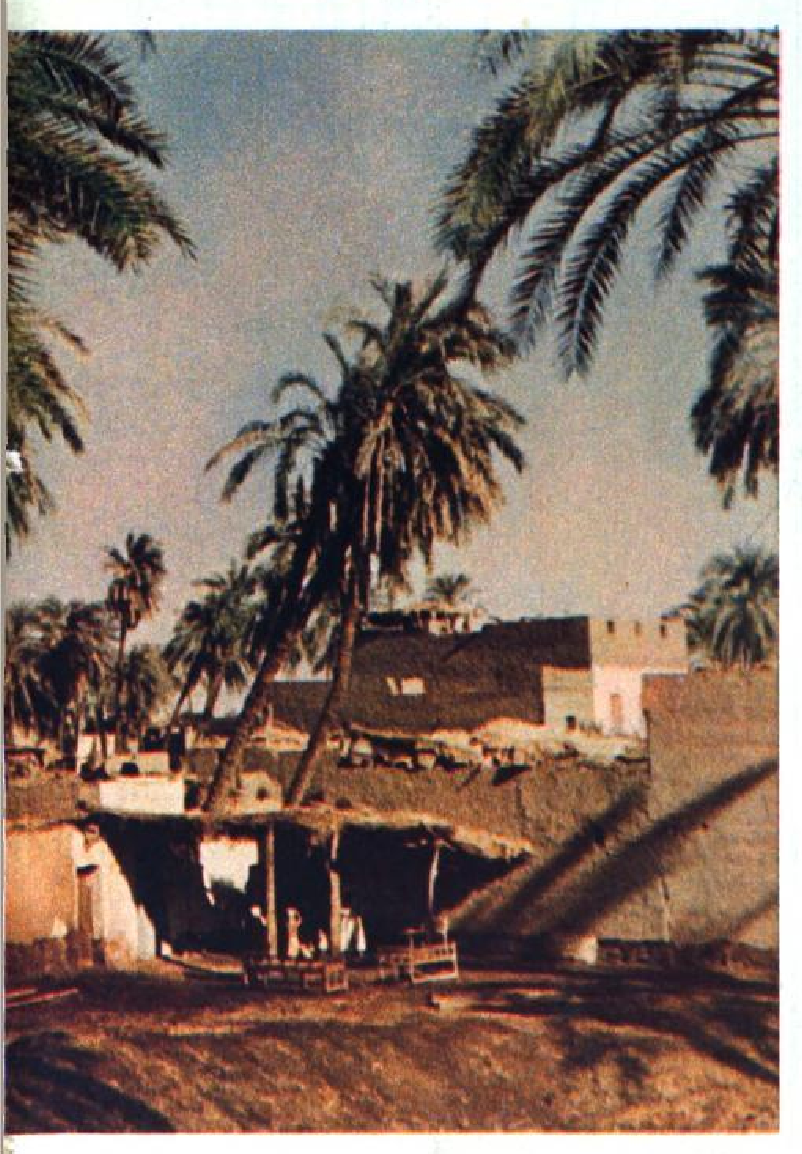
Бывший батрак короля Хафиз Ахмет Салем, получивший в результате земельной реформы надел в 2,5 феддана.

Деревня в Ве

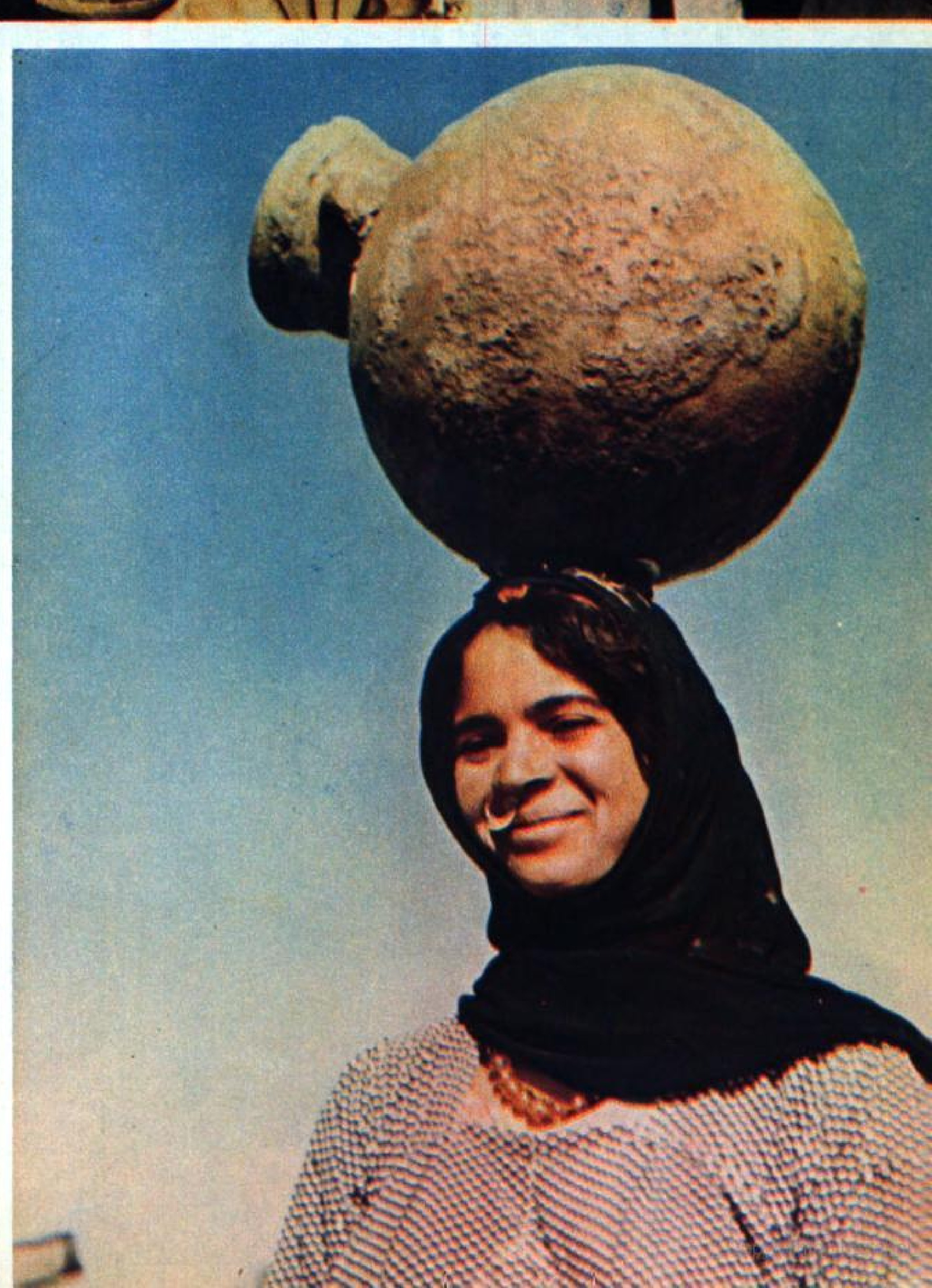

…вкия эль Моршеди и Насиф Тансос.

Базар в деревне Абдель Азым.

…жнем Египте.

Женщина из оазиса Фаюм.

Суэцкий канал.

Нильский рыбак из деревни Валедия.

«Огонек», 1956.

королем Египта и Судана. Он был просто эфенди — господин.

Вскоре Египет был провозглашен республикой.

Организатором общества «Офицеры свободы» был Гамаль Абдель Насер, сын почтового чиновника, уроженец деревни Бени Мер в Верхнем Египте. Сейчас он премьер-министр республики и председатель Руководящего Революционного совета. Это высокий, крупного сложения человек с живыми глазами и яркой улыбкой. Два месяца назад ему исполнилось 38 лет.

Так в одном из древнейших государств мира началась новая страница истории, именуемая аттахрир — освобождение.

«Сладости освобождения»

В Каире немало больших площадей и широких улиц, запруженных автомобилями, сверкающих огнями неоновых реклам. Но еще больше древних узеньких улочек, пройти по которым можно, лишь протискиваясь сквозь густую толпу мужчин, женщин, детей. Кажется, что вся жизнь обитателей обветшалых домов перенесена на эту улицу-траншею. Чадят железные печурки на колесах, выпекающие маисовые лепешки и сладкую картошку — батат. Тут же люди пьют кофе, играют в кости, курят кальян, спорят, возносят молитвы. Трудятся многочисленные ремесленники — сапожники, жестянщики, ковровщики, портные. Босоногие ребятишки жуют длинные стебли сахарного тростника. Улица глухо гудит, кишит большим муравейником.

На одной из таких старых улочек я познакомился с продавцом восточных сластей. Звали его Ибрагим эль-Рифаи. Великолепные лакомства были разложены на его остекленной тележке. Хамам — белоснежная ореховая вермишель, сдобренная изюмом и соком сахарного тростника; лядида — лазанки из орехового теста; рубиновый мальбаи, сваренный из гранатового сока. Особенно хороши горячие пончики — зелябья, — из которых сочится сладкая влага, напоенная всеми ароматами тропического леса.

Ибрагим эль-Рифаи сам приготовлял все эти соблазнительные вещи и сам их продавал. Отменный мастер, он весьма охотно посвящал меня в тайны своего ремесла, справедливо не опасаясь конкуренции.

Внутри его передвижного ларька ярко горела газовая лампа, а на стекле розовой краской была выведена надпись: «Магазин «Сладости освобождения». Я спросил, почему он выбрал такое название.

— Вы должны знать, саид, что у нас произошла революция. Мы прогнали плохого короля, который запродал страну иноземцам. Теперь Египет стал свободным и иностранцы больше не будут здесь командовать и брать все, что им угодно, ничего не давая взамен. Вот смотрите, — он указал на синий плакат, приклеенный к стене дома: мужчина и женщина, вскинув головы, смотрели на солнце; надпись гласила: «Подними голову, брат мой, век порабощения прошел!»

Раньше правительство, — продолжал Ибрагим, — заботилось только о богатых людях да иностранцах. Теперь оно смотрит на народ. Строятся школы, больницы...

Ибрагим рассказал, что отец и брат его живут в деревне, в дельте, и арендуют шесть федданов [1] земли. Согласно новому закону, арендная плата снижена. Раньше почти все вырученные за урожай деньги они отдавали землевладельцу, а теперь кое-что остается им. У него тоже лучше пошли дела: прибавилось покупателей.

К ларьку подошел мужчина в сильно запыленной галабии и платке, завязанном на подбородке, как у нас делают женщины. За два пиастра он получил несколько ломтиков лядиды, вытащил откуда-то из-за пазухи лепешку и, прислонившись к стене, стал закусывать. Оказалось, что это новый покупатель в лавке Ибрагима — рабочий с городской стройки.

Мы попросили этого человека рассказать о себе. Он приехал в Каир на заработки из деревни в провинции Асьют, где отец арендовал крошечный клочок земли и не мог прокормить своего семейства. Халид — так звали рабочего, — дожив до семнадцати лет, ни разу не поел досыта. В Каире ему повезло, и он получил работу грузчика на складе какой-то фирмы, торговавшей удобрениями. Но счастье продолжалось недолго: через три с половиной месяца его и других уволили. Он не знает, почему. Просто надсмотрщик, который во время разгрузки подгонял их тонкой бамбуковой тростью, сказал, что с завтрашнего дня они не нужны. С тех пор — а это было в 1948 году — он не имел работы, голодал, ночевал, где придется, даже просил подаяние. В городе было слишком много людей и слишком мало работы. Так продолжалось до тех пор, пока новое правительство не начало благоустройство Каира. Видели вы Корниши? Да, я видел Корниши—новую набережную Нила, которая могла бы стать украшением любой столицы. Он ее строил. Сейчас трудится на строительстве нового дома. С 1953 года безработица для него кончилась. Правда, получает он довольно мало, хватает лишь на пропитание. Но ведь раньше он вовсе ничего не имел! Недавно он получил известие (нет, читать он не умеет — приезжал родственник из деревни), что его младший брат принят в ремесленную школу в Асьюте и бесплатно учится.

Так говорил человек в коричневом платке, медленно жуя ореховые лепешки из ларька «Сладости освобождения».

[1] 1 феддан равен 0.42 га.

Университет Аль-Азхар

Мы сидели на низкой террасе большой каирской гостиницы, украшенной зеленью и цветами. Разговор зашел об исламе. Поводом послужила обычная в Каире сцена. Молодой, франтовато одетый человек разостлал на тротуаре близ террасы коврик и, сняв модные башмаки, стал молиться. Рядом с ним склонился на циновке худой и старый чистильщик сапог. Оба одинаково усердно творили вечернюю молитву. А мимо проносились автомобили, сновали прохожие, уличные продавцы выкрикивали названия своего товара.

— Сейчас империалисты, теряющие одну за другой позиции в арабских странах, всеми силами стремятся использовать в своих колониальных интересах ислам,— говорил мой собеседник, прогрессивный итальянский журналист, хорошо знающий Восток. — Вспомните хотя бы историю Глабба [2]. Английский офицер, назначенный командующим пресловутым «арабским легионом» в Иордании, который был создан специально для борьбы с национально-освободительным движением, не постеснялся принять магометанство. И все же им не удалось втянуть народ Иордании в военный Багдадский пакт.

[2] В начале марта 1956 года Глабб указом иорданского короля был смещен с должности командующего легионом.

Журналист только что прилетел из Иордании и еще находился под впечатлением бурных событий, там происходивших.

— В связи с этим, — продолжал итальянец, — весьма важно, какую позицию по отношению к национально-освободительному движению займут руководящие деятели ислама. Ведь ислам на Востоке — сила несравненно большая, нежели даже у нас в Италии католицизм.

Я сказал, что намерен посетить мусульманский университет Аль-Азхар и уже просил департамент информации помочь мне в этом.

— Аль-Азхар, — сказал журналист, — это нечто куда большее, нежели просто высшая духовная школа. Ежегодно тысячи юношей, закончив учебу в ее стенах, отправляются во все исламские страны от Тихого до Атлантического океана, чтоб занять должности не только священнослужителей, но и судей и государственных чиновников. А ректор Аль-Азхара — фактически духовный глава мусульман.

Окраина Каира. Новые и старые дома.

Мусульманский университет находится в самом древнем районе Каира, и мы долго пробирались по узким улочкам, пока не выехали на тесную площадь. Машина остановилась у большого здания, увенчанного куполами и минаретами. Фасад его был украшен затейливыми арабесками, искусно выбитыми в розоватом камне. Белая лестница вела внутрь. Нас — меня и представителя департамента — провели на второй этаж. Служитель с поклоном открыл дверь, и мы вошли в кабинет ректора.

Из-за письменного стола поднялся высокий сухой старик с короткой белой бородой. На плечах у него была теплая шаль, на голове красная шапочка, обернутая тонкой белой чалмой. Через толстые стекла очков смотрели проницательные глаза.

Вначале шейх говорил о школе.

Шейх Абдеррахман Таг.

Аль-Азхар — традиционный культурный центр мусульманского мира. Он основан около тысячи лет тому назад. Сейчас здесь, а также в филиалах школы учится более 32 тысяч студентов из 35 стран мира. В прошлом году сюда приехали учиться четыре человека из Ташкента. Университет издает много печатных трудов, журналы. В одном из них публикуются новости не только религиозного, но и светского содержания. В библиотеке школы около 120 тысяч томов.

Мы беседовали в большой полукруглой комнате. С потолка свисали старинные люстры, похожие на кованые шлемы древних воинов. В углу горел электрический камин. Поодаль сидел молодой человек в черной одежде с жиденькой юношеской бородой. Он держал на коленях тетрадь и старательно записывал слова учителя.

Я спросил у шейха, как относятся деятели ислама к борьбе арабских стран за свою независимость, а также к военным пактам, которые создают на Востоке империалистические державы.

— Империализм — наш враг, — ответил шейх Абдеррахман Таг. — Мы решительно выступаем против военных пактов империалистических государств. Правда, наше учреждение не политическое, а духовное. Но здесь учатся люди из всех мусульманских стран. И мы употребляем все наше влияние, ведем доступную нам духовную и культурную проповедь против этих пактов. Империалистические пакты — враги арабского мира.

Затем он добавил:

— Сейчас все арабские страны поднимаются в своем национальном развитии. На этом пути к независимости Египет показывает им хороший пример.

Шейх угостил нас душистыми сигаретами и крепким, ароматным чаем. Поблагодарив за беседу, мы отправились осматривать древнейшую мечеть Каира. У входа много юношей с толстыми потрепанными книгами подмышкой. Прежде чем войти в обширный замкнутый двор, они снимают обувь. Профессор Камиль Эджлен, показывавший школу, провел меня на плоскую крышу пристройки. С нее был виден обширный двор, окаймленный стрельчатой галереей.

— Этот минарет построен тысячу лет назад,— сказал Камиль Эджлен.

Высокий минарет поднимался совсем рядом. Наверху из узких окон выглядывали рупоры сильных радиодинамиков. Ныне голос муэдзина, обращающегося к правоверным, усилен могуществом техники.

Мечеть в Каире.

Два лика Каира

На востоке над Каиром поднимаются рыжие горы Габель-эль-Мукаттам. На их склоне стоит Цитадель, старинная крепость, в центре которой большой храм, вблизи чем-то напоминающий Софийский собор в Киеве. По широким каменным плитам мы обогнули мечеть и вошли в ротонду, повисшую над обрывом.

— Отсюда вы видите весь город,— сказал Хафиз Салем, указывая вперед.

Внизу перед нами лежал «Великий Каир», город из «Тысячи и одной ночи». С двух сторон к нему вплотную подступала пустыня, прижимая к берегам Нила пестрое нагромождение домов. Даже при взгляде сверху город поражал своими контрастами: море лачуг — и несколько небоскребов; унылые серые районы без кустика зелени — и тонущий в садах аристократический квартал Замалек; купола тысячелетней мечети — и горящая над ними реклама кока-кола.

— Посмотрите сюда. — Хафиз Салем указал на один из бастионов крепости, на котором реял флаг Египетской республики. — Десятки лет здесь развевался «Юнион Джек»[1]. Оккупация сковала производительные силы, воспрепятствовала развитию промышленности, отбросила страну назад, к феодализму, и силой удерживала ее в таком состоянии до последних лет. Народ был доведен до крайней степени обнищания. Только горстка феодалов — крупных землевладельцев во главе с королем — да спекулянты хлопком жили в неслыханной роскоши. Это не могло не наложить отпечатка на облик нашей столицы...

Каир — самый большой город африканского континента. Сейчас в нем живет около двух с половиной миллионов человек. Перепись 1947 года показала, что за предшествующее десятилетие его население почти удвоилось. Тысячи вконец разорившихся феллахов, лишенных земли, хлынули в город. Но и здесь их ждала не лучшая участь. Статистика утверждает, что в столице сосредоточено предприятий больше, нежели в других городах. Это, однако, совсем не означает, что их много в Каире, а говорит лишь о том, что их мало в Египте. Крестьяне, пришедшие из деревни, образовали огромный рынок самых дешевых рабочих рук, не находивших себе применения.

Я не знаю, есть ли еще в мире город, где бы было столько чистильщиков обуви, как в Каире. Глядя на огромное множество уличных продавцов, невольно задаешься вопросом, на что живут эти полунищие коммерсанты. Однажды на улице Фуад меня преследовал три квартала такой продавец, предлагая купить небольшую плетку для осла. Он так настойчиво и горячо упрашивал, что я в конце концов вынужден был ее купить, несмотря на всю абсурдность этого приобретения.

После революции развернулись работы по благоустройству города. Возводятся новые дома, реконструируются площади, асфальтируются улицы. На многие километры протянулся Корниши — новая, прекрасная набережная Нила.

Генеральный директор Каирского муниципалитета доктор Махмуд Райд подвел меня к большой карте города, висевшей на стене его кабинета, и сказал:

— Каир — очень древний город, и сделать его современным чрезвычайно трудно. Мы составили план реконструкции столицы сроком на пятьдесят лет. Но и после этого она будет сохранять национальные черты. Осуществление проекта требует много времени и больших средств. Только для реконструкции главных объектов городского хозяйства нам нужно сорок миллионов египетских фунтов.

На карте было обозначено, где пройдут новые магистрали, какие кварталы будут застраиваться в первую очередь. Город постепенно обновляется, уже построено около 3 тысяч различных новых зданий.

Планы на будущее

Новое правительство оказалось перед лицом многочисленных и сложных проблем, требовавших безотлагательного разрешения. От прежних правителей ему досталось тяжелое наследство. Вскоре были учреждены три особых правительственных органа, призванных трудиться над решением главных социальных и экономических проблем государства: Постоянный комитет национального производства, который занимается вопросами развития экономических ресурсов страны, Верховный комитет по проведению земельной реформы и Постоянный совет общественных служб, в который входят министры просвещения, здравоохранения, социальных дел. Глава Совета Абдель Латиф Багдади — член Руководящего Революционного совета, министр муниципалитетов и провинций.

Рослый офицер в сдвинутом набок красном берете встретил нас у подъезда и проводил в приемную министра. На стульях вдоль стен сидели должностные лица из провинций. На голове у многих были красные фески. Красная феска и европейское платье — традиционный, но ныне не обязательный костюм египетского чиновника.

В учреждениях и департаментах, где тесно и шумно, надписи на стенах призывают: «Сбавь свой голос — работа требует тишины!» Два типа служащих встречаешь в государственных учреждениях Каира. Одни из них, в большинстве пришедшие на свои посты после революции, — люди энергичные, трезво оценивающие обстановку и обеспокоенные судьбой страны, порученного им дела. Другие — работавшие в королевском аппарате — производят впечатление людей, скучно и безразлично отрабатывающих свой хлеб.

Министр Абдель Латиф Багдади.

Прошло несколько минут, и секретарь, непрерывно отвечавший на телефонные звонки, пригласил нас в кабинет.

У Абделя Латифа Багдади энергичное лицо и твердый взгляд. Несмотря на штатский костюм, выправка и жесты выдают в нем профессионального военного. Министр — бывший летчик.

— Я не архитектор и не инженер, — сказал министр, отвечая на мой вопрос о перспективах развития строительства. — В техниче-

[1] Британский флаг.

ских вопросах я сам нахожусь в зависимости от наших экспертов и специалистов. Поэтому я не стану излагать техническую сторону наших проектов, а хотел обратить ваше внимание на главные проблемы, которые перед нами стоят.

Мы должны спешить с выполнением наших проектов, — продолжал министр. — Необходимо быстрее облегчить участь народа, улучшить условия его жизни. Это еще нужно и для того, чтобы он сохранил доверие к правительству, убедился в том, что мы не только обещаем, но и практически реализуем наши планы. В прошлом было немало людей в правительстве, которые говорили красивые слова о бедствиях народа, но почти ничего не делали для улучшения условий его жизни.

С другой стороны, мы не можем строить столь быстро, как в передовых странах Европы, ибо для этого не имеем достаточно средств, современного оборудования и квалифицированных специалистов. Несмотря на эти трудности, работы по благоустройству получили в стране большой, небывалый до сих пор размах. Это вызвало резкое сокращение безработицы.

Далее министр рассказал о первоочередной задаче — обеспечить каждого чистой питьевой водой. В Египте сейчас это чрезвычайно острая проблема. Подавляющее большинство населения пользуется нильской водой из каналов — вода, которая дает жизнь всей долине, в то же время медленно убивает людей. В ней живет паразит, вызывающий опасную болезнь — бильгарциоз. По данным статистики, более половины населения Египта поражено этой болезнью, а в некоторых провинциях Нижнего Египта бильгарциозом страдают восемьдесят процентов крестьян.

— Еще в 1924 году, — сказал министр, — был разработан соответствующий проект водоснабжения страны, но он так и остался на бумаге. Всего лишь одна треть населения Египта пьет чистую воду. Сейчас повсеместно строятся водопроводы, и к концу 1958 года весь народ получит хорошую воду. Через три с половиной года еще в 21 городе будет построена канализация. Сейчас ее имеют только 14 городов.

— Не можете ли вы, ваше превосходительство, сообщить, о планах правительства в отношении переустройства быта в деревне?

— В деревне у нас люди живут в очень плохих жилищах, — ответил министр. — Мы намерены строить там хорошие в санитарном отношении дома. Правительство рассчитывает, что в течение 50 лет каждый крестьянин сможет получить новый дом. Разработан типовой проект. Мы не имеем средств, чтобы построить эти дома за счет государственного бюджета. Поэтому крестьянин будет строить новое жилище сам, вкладывая свой труд и свои средства. Правительство намерено обеспечить ему техническую консультацию и заем сроком на 20 лет.

Мы стремимся к дружбе с любым государством, которое не посягает на наш суверенитет, — сказал в заключение беседы Абдель Латиф Багдади. — Советский Союз и Египет сейчас являются друзьями и сотрудничают друг с другом. Я надеюсь, что в будущем это дружественное сотрудничество будет расти и развиваться во всех областях.

Листки из тетради

Виктор БОКОВ

Рисунки Е. АФАНАСЬЕВОЙ.

ДЯДЯ САША

Под вечер воздух стал острее, резче.

С полными ведрами воды остановился я на подъеме отдышаться, и как раз против меня выросла фигура инвалида дяди Саши Горохова с неразлучными костылями.

Он смотрел в небо.

Над колодцем висела половинная долька луны. Облака наезжали на нее толстым слоем и все чаще начинали рваться, оголяя голубой эфир. Против месяца, когда он был в облаках, теплилось светлое пятнышко, словно кто стлал в этом месте свежую солому.

Долго мы смотрели с инвалидом в небо, следя за переменами погоды с тепла и снегопада на мороз и вёдро. За все это время дядя Саша сказал только одно слово:

— Прореживается!

С той стороны, где заходило солнце, не было голубых проемов, там свинцовая толща облаков только светлела и все по-новому и по-новому выстилалась. Какая-то невидимая рука непрерывно меняла декорации небесной сцены. Под одним свинцовым занавесом обозначался другой, под другим — третий, и все, что ни свершалось в это время на небе, всеобъемлюще выражалось одним словом — прореживается.

СКАЗКА

За огородами, за сараями есть укромное место для сбора детей. Обычно они садятся на копешку сена и целые дни находят себе чем заняться. Поди попробуй вклиниться в их мир и жизнь! Не успеешь и на десять шагов приблизиться, как мгновенно исчезает с лица детей детское, свое, и перед нами не те дети, какие они есть для себя, а те дети, какие нравятся родителям.

Только раз за все лето мне посчастливилось застать детей врасплох за неприказанным занятием.

Дети с увлечением слушали рассказ одной девочки. Это была белая русалочка с голубыми глазами. Она рассказывала что-то, как заправская артистка. На моих глазах творилась сказка! Я не слышал начала, но и отрывка было достаточно, чтобы представить себе всю сказку:

— Царь заходит и спрашивает: «Ты что делаешь?» Царица говорит: «Помидоры высеваю!» «Эх, ты! Что ж ты землю-то какую взяла! Надо бы чернозему накопать да решетом просеять. Кто же от завалинки землю берет?! Тут и камешки и стеклышки, корни поранишь!»

Не хотелось нарушать детского увлечения слушать сказку, творимую самими детьми. Бесшумно, незамеченно проследовал я дальше, так и не узнав от голубоглазой сказочницы, пересеял ли царь помидоры и научилась ли царица премудростям огородников!

ТРИ СЕСТРЫ

У полевой дороги три березки, три сестры.

Пять лет хожу мимо и радуюсь, что никто не обломал их, не повредил. На таком людном месте только и жди беды, но какая-то добрая рука отводит от сестричек невзгоды и горести.

Бывало, когда были поменьше, наметет на них снегу — одни маковки торчат. Но и снег не охальничал с ними, ни одной веточки не сгубил.

Этим летом около березок посеяли рожь. Был у них сговор между собой: стоило только малейшему ветерку дунуть, и рожь заволнуется, и березки зашумят.

Перейти бы березкам поле, ручеек, мост, и встали бы они у крыльца крайнего деревенского дома.

Березкам и так хорошо слышно, как вечерами девушки-колхозницы поют под гармонь свои частушки. Сколько бы частушек за вечер ни спели, обязательно про березку вспомнят. Родичи!

Вот они, полюбуйтесь: прямы, ветвисты, белоствольны.

Все три разделись догола, а на младшей каким-то чудом на самой маковке один листок уцелел. Что уцелел! Желтеть не хочет!

Захватит этот несмышленыш первый снег!

ПЕРВЕНЕЦ

Пшеница в это лето так удалась, что, прежде чем запустить в нее комбайн, решили сжать пробный сноп и снести в кабинет председателя.

По-старинному, величаво, не торопясь, подрезала серпом Анисья Ширшикова стебли пшеницы и горсть за горстью клала на пояс.

Все смотрели, как она работает.

Старым людям мерещилось что-то свое: молодость, сохи, лукошки, сивки-бурки.

Молодым не верилось, что серп — это всерьез.

Когда сноп был сжат и туго перевязан, Анисья, попестовав, легонько кинула его на руки сорокалетней Романихи.

Та поймала, уложила сноп, как дитя, на руки и стала покачивать.

— Первенец! — сказала она.

От Романихи сноп перешел к Лизавете Пучковой. И та его взяла, как младенца.

— Хватит вам качать! — закричал Митя Журкин, всегдашний спутник колхозниц по полевым работам.

Он взял сноп, поставил его стойком, отошел и скомандовал:

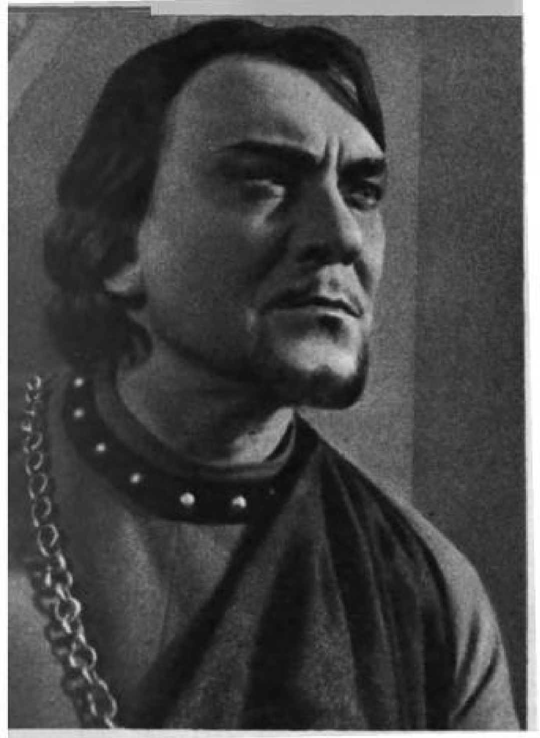
— Ша-г-о-о-м арш!

С другого конца в пшеницу врезался комбайн, и все пошли к нему.

Первенца вез в правление колхоза сам председатель. Он то и дело останавливал бричку и показывал:

— Вот какая она у нас, — как на плакате!

Макбет — народный артист СССР М. И. Царев.
— Почудился мне крик: не надо больше спать! Рукой Макбета зарезан сон!

ДРУЗЬЯ ШЕ

Е. ЛОГИНОВА

Фото Е. УМНОВА.

Разбирая достоинства вышедшего в издании Н. А. Некрасова русского перевода «Макбета», Белинский назвал эту поэму о «варварстве века» одним из самых колоссальных произведений, созданных гением Шекспира. Великий русский критик заключил тогда свои строки о художественном значении «Макбета» словами: «...время не губит гения, но гений торжествует над временем».

Писалась статья Белинским сто с лишним лет назад. Но как только наш, советский театр снова обращается к трагедиям Шекспира, справедливость этих слов не вызывает сомнений ни у работников сцены, переживающих как праздник свою работу над титаническими образами, ни тем более у зрителей, благодарных и взволнованных.

И вот в Малом театре поставлен «Макбет» Шекспира.

Постановку «Макбета» с большим художественным вкусом, исторически достоверно осуществили К. А. Зубов и Е. П. Велихов, оформлял спектакль художник Б. И. Волков. На сцене воссоздана мрачная атмосфера Шотландии XI века, ее замков из грубо отесанного камня, угрюмых и суровых, скудно убранных и освещенных. И весь тон спектакля, заданный режиссурой, и декорации, и своеобразная музыка, написанная А. И. Хачатуряном, хорошо передают колорит средневековья. Начиная со вступления и до финальной сцены музыка звучит нарастающей тревогой, а порой и зловеще, как бы говоря о жестокости эпохи. Композитор не вносит в свое повествование ни одной светлой ноты, если не считать мелькнувшей на миг мягкой шутки в характеристике неунывающего пьяницы-привратника. Вполне оправданно в спектакле преобладают ночные сцены или сумерки: под покровом тьмы зреют и претворяются в кровавую цепь убийств замыслы Макбета.

Театр явно выделяет главную тему постановки — нравственной гибели героя, уязвленного, по словам Белинского, страстью «самой сильной, самой свирепой» — властолюбием.

В раскрытии характеров, в их развитии режиссура и актеры постарались использовать и мысли самого Шекспира о его героях и мнения великого русского критика, проникавшего, казалось, в самые глубины их поступков. Изучен был и сценический опыт выдающихся русских актеров.

Данный спектакль — далеко не первая встреча Малого театра с шекспировскими образами. Это знакомство произошло еще во времена Мочалова и особенно расширилось в годы, когда на сцене театра блистали А. П. Ленский и М. Н. Ермолова и рядом с ними создавали цикл героико-романтических и трагических образов А. И. Южин, сыгравший здесь перед революцией 16 ролей в шекспировских спектаклях, и А. А. Остужев. И после октября 1917 года Малый театр оказался одним из первых театров эпохи революции, поставившим для нового зрителя Шекспира.

Сыновья Дункана (справа налево) — Дональбайн (Ю. О. Колычев) и Малькольм (Б. В. Телегин) узнают о смерти отца.
Макбет: Вы существуете, а ключ иссяк, источник вашей жизни, рода, крови.

Макдуф — Ю. И. Аверин.
— О боже, скорей сведи меня лицом к лицу с моим врагом...

КСПИРА

«Макбет» был последний раз показан на сцене Малого театра в 1913 году, но в театре живет память о великолепном исполнении ролей леди Макбет М. Н. Ермоловой, Макбета — А. И. Южиным. «Она захватывает своей силой и мощью»,— с волнением говорила М. Н. Ермолова в период своей работы над ролью леди Макбет. Критика отмечала с восторгом «мощный, величественный, трагический и в то же время верный жизненной правде женский образ» леди Макбет в исполнении Ермоловой. «Предел человеческого честолюбия» смягчен был в нем «поразительной женственностью». Южин, как можно судить по его словам, выделял в Макбете «необузданность и стремительность черных страстей и преступлений», которые сводят героя трагедии в бездну.

Но, говоря об этой незабываемой странице сценической жизни «Макбета», мы убеждены и в том, что каждая новая постановка Шекспира — это новое прочтение главной темы, а иной раз и открытие новых глубин психологии, мыслей, чувств. И каждый спектакль не есть повторение, пересказ уже найденного на русской сцене, а новые поиски и открытия. «Макбет» дает большой простор такой беспрестанной работе актеров над образами.

Естественно, что внимание зрителей приковано больше всего к исполнителям главных ролей, вокруг которых и волею которых развертывается все действие спектакля. В галерее образов Макбета, созданных на русской сцене, талантливая работа М. И. Царева, безусловно, займет свое место. Его Макбет несколько необычен. Поначалу даже задумываешься: обоснованно ли в нем прорывается в начале спектакля какая-то внутренняя мягкость и даже обаятельность? Они ведь мало вяжутся с традиционными представлениями о той эпохе, с обликом феодала того времени. Но текст пьесы — слова «чести образец», «достойнейший» и другие, какими отмечает Макбета-полководца благосклонное вначале к нему народное мнение,— заставляет согласиться с Царевым, с этой трактовкой артиста. Нет, конечно, Макбет — человек, в котором сперва властвовали хорошие начала, пока не заглушил их «ревущий голос честолюбия».

И вот устранен с дороги вслед за Дунканом предполагаемый соперник Банко. В последний раз испытал Макбет-Царев терзания проснувшейся совести, чтобы затем хладнокровно осудить на смерть семейство Макдуфа, не склонившегося перед деспотом. Были, вероятно, и другие жертвы на пути Макбета. Незаметно для него угасла рядом с ним любящая и некогда любимая жена, замученная раскаянием. Но и это не волнует уже одряхлевшего Макбета, который на закате жизни «ужасами сыт по горло». И вот тогда, в последней смертельной схватке с Макдуфом, просыпается в старом короле прежний благородный «торжествующий полководец», могучий, не знающий страха смерти. Эта сцена сыграна Царевым с такой мощью темперамента, которая обещает ему новые успехи в жанре трагедии.

Образ леди Макбет в исполнении Е. Н. Гоголевой отмечен стремлением артистки разрушить укоренившееся представление о «четвертой ведьме», о злой искусительнице своего мужа, толкавшей его на преступления. Леди Макбет-Гоголева до конца предана мужу. Она гордится его искусством полководца, она безоговорочно верит предсказанию ведьм о королевской короне и готова сделать все для того, чтобы ее супруг стал властителем.

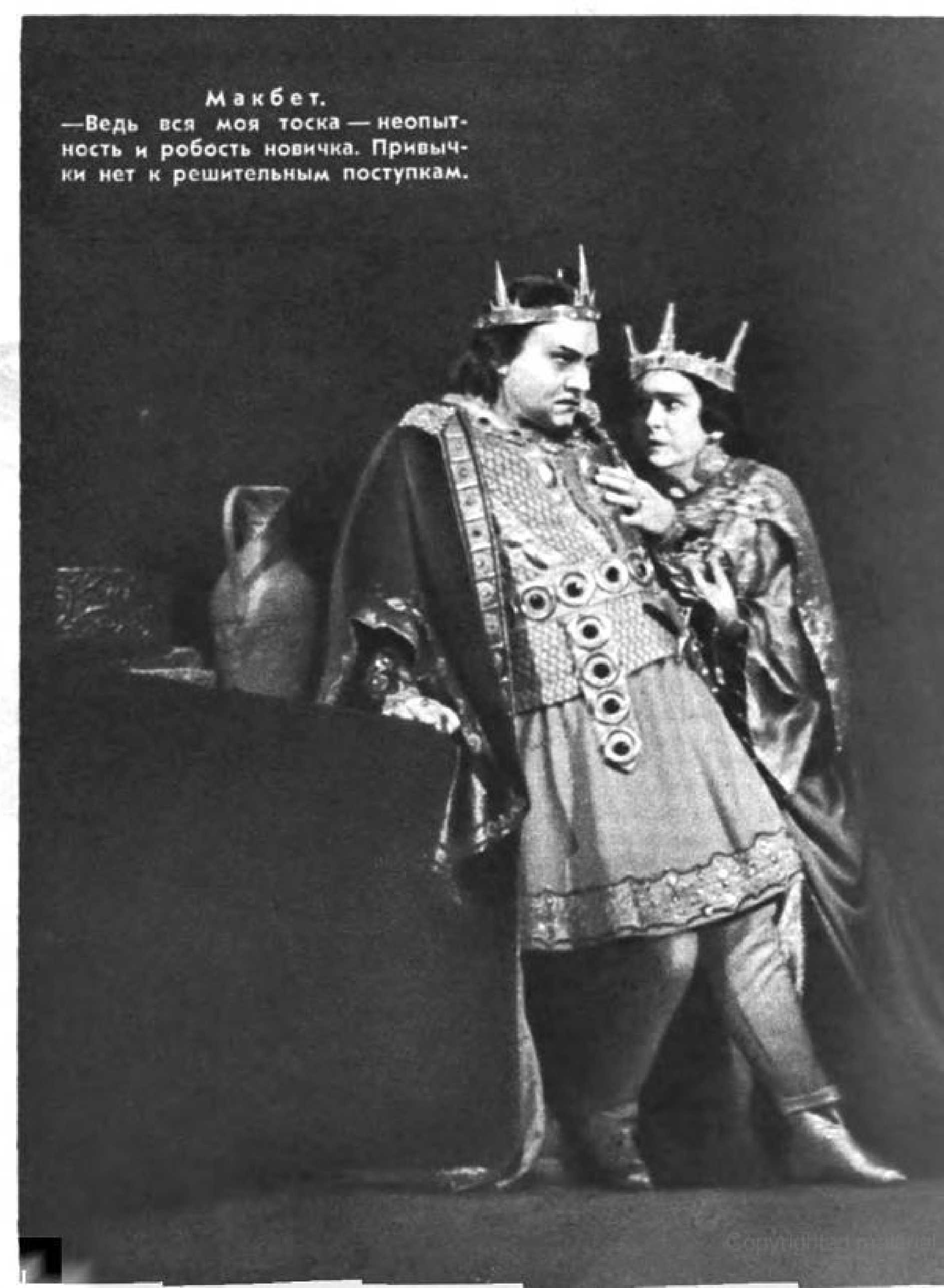
День за днем, шаг за шагом, долгие годы рядом с мужем-деспотом горячо любящая жена, занятая только им, его спокойствием, честью, славой. Но, почти полностью разрушив ставшее чуть ли не всеобщим представление о невиданной в мире «злодейке», артистка порою не в полной мере дает ощутить незаурядный ум, силу и мощь духа этой выдающейся для своего времени женщины. Ведь не случайно у Ермоловой ее леди Макбет казалась в иные минуты могучей воительницей, которая и на поле брани была бы достойной подругой полководцу. Некоторая однотонность речи снижает местами и лирическую сторону образа. Иногда даже создается впечатление не страстной любви леди Макбет к мужу, а лишь служения ему. Правда, спектакль только начал свою вторую жизнь на сцене Малого театра, все еще впереди. И мы надеемся, что от спектакля к спектаклю — и в этом особенность шекспировских постановок — будут еще расти и его образы, особенно такие сложные даже для трагедий, как леди Макбет.

Есть в спектакле и другие актерские удачи — полководец Банко в исполнении Д. С. Павлова, благородный Макдуф — артист Ю. И. Аверин, зрелый умом молодой Малькольм, которого играет Б. В. Телегин. Хорош в небольшой комической роли привратника В. И. Хохряков, этакий неунывающий жизнелюбец. Нелегкая задача выпала на долю артистов А. П. Грузинского, Т. П. Панковой, Г. К. Скоробогатовой в ролях трех ведьм.

Спектакль Малого театра — незаурядное явление в практике и режиссуры и актерской работы.

Не удивительно, что всегда полон и всегда живо заинтересован зрительный зал в дни, когда здесь идет «Макбет», и так часто завязываются в фойе споры о правомерности трактовки того или иного образа. И на сцене и в зрительном зале — страстные почитатели и искренние друзья Шекспира, великого гуманиста.

Леди Макбет — народная артистка СССР Е. Н. Гоголева.
—Но кто бы мог думать, что в старике окажется столько крови!

Макбет.
—Ведь вся моя тоска — неопытность и робость новичка. Привычки нет к решительным поступкам.

НЕПОГОДЬ

Рассказ

Николай ВОРОНОВ

Рисунки О. ГЕОРГИЕВА.

— Пей давай, Василий. Чай индийский. Уфа ездил, купил,— сказал мне старик-башкир Аллаяров и снял шаровидный чайник с конфорки.

— Спасибо, Минахмат Султанович. Пил бы, да уж некуда больше. — Я перевернул чашку вверх дном и поставил на блюдце.

— Как хочешь. Приневоливать не будем. — Аллаяров наклонился к самовару, открыл кран. Скрученная струя кипятка ударила в фарфоровую кружку, из которой он пил. В меди самовара, отразившись, вытянулось лицо старика, коричневое, с бело-синими глазами и длинными веками в узловатых складках.

Слева от Аллаярова лежал на цветной кошме и курил, пуская к потолку толстые кольца дыма, зубопротезный техник Казанков.

Когда старик наполнил кружку и плеснул туда ложку сливок, Казанков повернулся на бок, подпер голову рукой и спросил:

— Минахмат Султанович, а скажи, сколько у тебя до революции жен было?

Аллаяров налил в блюдце чаю, кинул в рот кусочек сахару и показал два пальца.

— Пара, — и добавил: — После революции нельзя стало... В двадцать пятом году первую жену отделил. Корову дал, пять овец, козу. Вторую жену оставил. Молодая, детей таскала. Первая — нет.

— Жалко было? — Казанков отбросил пятерней свесившиеся на лоб белые волосы и плутовато прищурился.

— Шибко жалко. Две жены — хорошо! Одной сказал — сарай убери, половик выбей, другой — кобылу дои, бишбармак вари. Сам друзей позвал. Сидим палисаднике, кумыс пьем, курай играем... Не слушает какая жена, мал-мал прибьешь. — Аллаяров показал кулак со взбухшими зелено-голубыми венами. — Опять шелковый она. Раньше лучше было. Теперь баба бойкая, закон знает. Обижает мужик — милицию пойдет.

Сын Аллаярова Зинур, работавший судебным исполнителем, сидел за столом и читал книгу. Едва отец заговорил, отвечая на вопрос Казанкова, он так резко перевернул страницу, что она издала стреляющий звук. Вероятно, он много раз слышал то, о чем начал рассказывать старик, и это сердило и возмущало его. И вообще настроение у Зинура было скверное. Вчера утром он проводил в гости к родителям жену-учительницу и двух детей (их повезла на лошади его мать), а вскоре начался дождь и лил уже второй день. Путь им предстоял долгий: сто десять километров. Поневоле станешь хмурым. Кроме того, Зинуру нужно было идти в соседнюю деревню, чтобы сделать опись имущества у бывшего продавца сельмага Бикчентаева, растратившего три тысячи рублей. А идти туда ему не хотелось.

В прихожей младшая дочь Аллаярова, Салиха, мыла посуду в расписной деревянной чашке. Она напевала веселые башкирские и русские песенки, но голос ее звучал как-то тускло и тревожно.

В семье Аллаяровых у всех смуглые, крупные лица с выпирающими скулами, и лишь у Салихи белое, чуточку румяное тонкое лицо.

Свои черные косы она носила на груди. Платья шила из сатина и непременно с пелеринкой, и когда шла своей летящей походкой, пелеринка легко вилась за спиной.

Она была по-детски любознательная, наивная и неожиданная в мыслях и поступках. Смотришь: стоит во дворе у стола и отжимает тяжелым гранитным кругом творог, которым набит мешок, сшитый из вафельных полотенец. Вдруг оставила свое занятие, быстро взбежала по лестнице на сарай, окинула взглядом горы, спрыгнула вниз, и вскоре ее фигурка уже мелькает между белоногих берез, взбирающихся вразброд к вершинам, поросшим голубоватой, с розовыми коготками заячьей капустой.

Всегда после таких отлучек из дому она возвращалась с цветами, травами, камнями. Разложит их на маленьких нарах в прихожей, вытащит из тумбочки гербарии, ящички и начинает все это сортировать. Если Зинур оказывался дома, то садился возле Салихи. Она любила спрашивать его, как называется это, как то, и почти всегда отвечала сама, сияя оттого, что знает больше, чем брат. Однажды заставила Зинура отвернуться, а тем временем выхватила из кучи камней один — плоский и прозрачный — и, заслонив им цветок махровой гвоздики, сказала таинственным голосом:

— Зинурка, отгадай, сколько цветков за камнем.

Он посмотрел и недоуменно ответил:

— Два.

— Сам ты два, — засмеялась она. — Один. Этот камень — исландский шпат. Он двоит и потому еще называется пьяным камнем, — и тут же спросила: — Зинурка, а почему Енисей течет на север, а Волга на юг?

Зинур подумал и тихо промолвил:

— Не знаю.

— Вот и я не знаю, — огорченно вздохнула она.

В деревне, где жили Аллаяровы, да и в соседних башкирских деревнях никаких овощей, кроме картофеля, никто не сажал. Исключение составляли Салиха и русский старик — кордонщик Митрий, живший на отшибе в избушке, как бы стиснутой кольцом дымноствольных елей. За сараями, вдоль горного ручья, Салиха вскапывала небольшой клочок земли, огороженный плетнем, и сажала там огурцы, помидоры, редьку, капусту и даже арбузы, которые каждое лето вырастали не больше детской головы, и были только тем и хороши, что цепко взбирались по плетню, красуясь резными листьями. Митрий, видимо, считал своей обязанностью наблюдать за огородом Салихи. Трижды в неделю перед закатом солнца он приходил сюда.

Был Митрий как из огромного соснового корня вырезанный: коричнево-бронзовый, жилистый, ноги ставил широко, локти топырил в стороны. Он никогда не заходил в дом Аллаярова, хотя и находился у него в подчинении, а когда Зинур приглашал, старик отворачивался и тер с досадой шею в клетчатых морщинках.

— Не, отец твой... Не. К лешему лучше... Не.

Приходил он прямо к огороду и кричал оттуда переливчатым тенорком:

— Светла-ан-ка-а!

Он тосковал по русским именам и называл своих знакомых на родной манер: Зинура — Зиновием, Салиху — Светланой...

Когда, услышав зов Митрия, прибегала Салиха, они молча ходили по огороду. По временам кордонщик присаживался на корточки, тыкал в землю пальцем либо щупал листья, взвешивал на ладонях плоды. Уходя, он говорил девушке:

— Слушай, Светланка, советы Митрия. Зря не сболтну. Капусту дустом присыпь, а то червяки слопают. Огурцы назьму требуют. Подкорми. Помидоры реже поливай. Вишь, прожелть. Пасынковать обождь, — и уходил по дороге, темный на фоне заката, растопыристый, медлительный.

Салиха-Светланка долго смотрела ему вслед, лицо ее исходило лаской и жалостью: должно быть, будил в ней этот человек-корень большую дочернюю нежность и вызывал боль тем, что остался одиноким: во время войны убили у него единственного сына, а несколько лет спустя умерла жена.

Салиха не оставалась в долгу перед Митрием. Украдкой от отца она носила кордонщику укутанную шалью кастрюльку с бишбармаком, стирала его немудреное белье.

Теперь, когда она — грустная, мучительно сосредоточенная — мыла посуду в расписной чашке, я глядел на нее и не находил чего-то прежнего, а чего, и сам не понимал: может быть, той бойкости и душевной ясности, которые сопровождали каждый ее шаг.

Незадолго до нашего приезда Салиха окончила районную среднюю школу и, по ее словам, собиралась поступить в Уфимский педагогический институт, но отец не хотел отпускать ее из дому.

В комнатах было душно. Метались мухи. Они то садились на книжные полки, то на шелкографические оттиски с картин Васильева и Репина, то бились в окна, влетали в стволы бескуркового ружья, и оттуда плыл нудный, зудящий гуд.

Все это мне осточертело, я накинул плащ и вышел через прихожую, где уже не было Салихи, в сени. Новая сосновая дверь покраснела и забухла от сырости. Я растворил ее ударом ладони. Сразу стал отчетливо слышен стук дождя. По временам капли врезались в жестяную вертушку флюгера, и она жалобно звенела. На плетне, носами вверх, висели забытые глубокие калоши. Под навесом, покрытым бурым, лежалым сеном, стояла «Победа» Казанкова. Навес слегка протекал. На кузове машины, как бы впитавшие ее цвет, подрагивали синие водяные шарики. От сырости, которой дышало все перед глазами: и сараи, и крона лиственницы, и небо, донельзя заляпанное тучами, — я озяб, но не ушел в дом, а только размял плечи и закутался в плащ.

Сладко и грустно смотреть на дождь, слушать, как он барабанит, чмокает, плюхает, шелестит. И тянутся думы длинные-длинные, словно эти стеклянные рубленые нити, что бороздят воздух. Непременно возникнет ощущение, что ты когда-то раньше видел этот ливень, запустивший волокнистые космы в дымку ущелья, будто пропитанного химическими чернилами, что ты когда-то наблюдал, как

скатываются ртутью по лопуху, извиваясь и шурша, тяжелые струи.

Долго я стоял на пороге сеней и уже собрался уходить, но в это время зашлепали чьи-то шаги со стороны калитки, и я задержался. Из-за угла, накрытая старой клеенкой, вынырнула Налия, старшая дочь Аллаярова. Широкая, низкая, со щеками, закапанными веснушками, она производила впечатление диковатой и забитой. В свой первый приезд сюда, осенью прошлого года, я обратил внимание, что Налия, завидев кого-нибудь из нас, парней-горожан, проходила мимо, отворачиваясь и закрываясь платком. Заметил я также, что, когда мы, возвращаясь с рыбалки, входили во двор, она убегала в дом, мелькая янтарными пятками, а вскоре уже появлялась в шерстяных вязаных чулках и резиновых калошах. Я узнал от Зинура, что обычай запрещает башкирке, будь то девочка или старуха, ходить при посторонних мужчинах без чулок и обуви.

Налия хотела прошмыгнуть в сени, но я преградил рукой вход.

— Постой, Налия, я хочу тебя кое о чем спросить.

Она остановилась, сомкнула клеенку над носом, на виду остались только потупленные глаза да лоб, к которому приклеилась мокрая прядь.

— Почему ты и Салиха не садитесь есть вместе с нами, отказываетесь? Садятся ведь отец и брат, а вы лишь пищу подносите...— В черемуховых глазах Налии мелькнула усмешка.— Минахмат Султанович запрещает?

Она еле заметно кивнула головой.

— Куда ты ходила? К подруге?

— На дорогу.

— Мать встречать?

— Мужа. Он в Салаватове живет.

— Мужа?

Покраснела.

— Когда же ты вышла замуж?

— Зимой.

— А сейчас гостишь у отца?

— Нет. Муж там, я здесь.

— А чего не переходишь к нему?

— Нельзя...— Она не договорила — в прихожей заскрипели половицы — и бросилась к сараю, где блеяли овцы.

Вышел Аллаяров, одетый в брезентовую пожарную куртку.

— Ай-яй, плохо дело! Лошадь устанет, старуха промокнет.— Увидев калоши, висевшие на плетне, метнул крепко посоленное слово, не по-стариковски прямой зашагал через двор.

Я возвратился в горницу. Казанков попрежнему лежал на нарах и курил. Сквозь дым смутно проступали вздыбившиеся в углу чуть не до потолка одеяла, подушки, кошмы — яркопестрые, чистые, тщательно свернутые.

— Хватит чадить, Сергей,— сказал я.

Он затушил папиросу, вскочил и сел на корточках перед окном.

— Вот чертовщина! Поливает и поливает. Скорей бы развалило тучи. Хотя бы на час. Так хочется чтобы было солнце. Сбегали бы к речке, поудили. Ну и разнепогодилось! Знал бы — дома сидел. Этак проваляешься пятидневку, а у меня заказов хоть отбавляй.

Казанков занимался частной практикой. Неподалеку от базара стоял его каменный дом, обнесенный зеленым забором. Под номером и на дверях калитки были привинчены стеклянные таблички: «Зубопротезный техник С. С. Казанков. Принимает по вторникам, четвергам, субботам с 10 до 18 часов». Я вспомнил все это и решил поддеть Казанкова.

— Доходы пропадают, а налог плати. Разоришься!

Казанков презрительно щелкнул языком.

— Я разорюсь? Держи карман шире! В ежовых рукавицах не возьмешь! — Он довольно засмеялся.

Смеялся он странно: сжимал губы, надувал щеки, звуки рокотали у него во рту, а затем выхлопывались из хрящеватого носа.

Зинур отложил книгу и запустил пальцы в свои длинные волосы, что распадались надвое и свисали иссиня-черными крыльями. Брови его косо спускались к вискам. Широко раздвинутые ноздри и перепонка между ними, как бы вмятая внутрь, делали физиономию Зинура плоской и добродушной.

— Сиди не сиди, а идти нужно,— сказал он.— И что я буду делать с Бикчентаевым?.. Жалко жену его. Замучилась она с ним. А женщина хорошая. Детишек жалко...

— Твое дело маленькое,— сердито заметил Казанков.— Суд решил — исполняй. За каждого переживать, этак быстро окочуришься.

Зинур вздохнул и покосился на Казанкова. Мне надоело томиться от безделья и слушать рассуждения зубопротезного техника и старика Аллаярова. Я пошел вместе с Зинуром. Ноги часто разъезжались на красной глине дороги. Лужи лежали рябые от вмятин, выдалбливаемых каплями. В низинке, возле заслоненной тальником реки, чавкали топоры, фыркал движок, блестела горбатая пила автокрана. Там строили пионерский лагерь. Неподалеку от городьбы будущего лагеря мы свернули в рощу. Зелеными пластами простирались над затравевшим проселком ветки вязов. Чуть просвечивало медно-черное небо. Всосавшиеся в землю сизыми корнями, громоздились темные, в шершавых буграх стволы. Угрюмо, полутемно. Шлепнется лягушкой увесистая капля — и снова тихо, и только наверху, в кронах, задумчиво топчется дождь.

У обгорелого коренастого вяза, толстая и кривая вершина которого напоминала голову лося, нам встретился парень в брезентовом дождевике. Рослый, малиновые губы слегка выворочены, грустно смотрят из-под капюшона зеленые глаза.

— Здравствуй, Рафат,— приветствовал его Зинур.

— Здравствуй.

Они встряхнули друг другу руки и заговорили по-башкирски. Зинур о чем-то спрашивал Рафата, тот глухо и коротко отвечал, а мимика и жесты его выражали отчаяние и беспомощность.

— Ничего, ничего,— сказал под конец Зинур и ободряюще похлопал Рафата по плечу.

Рафат пошел дальше, хлопая широкими, большими ступнями. Он так сильно сгорбился, что казалось, будто несет какую-то вещь на спине под дождевиком.

— Кто это?

— Муж Налии.

— Горе у него, что ли? Убитый какой...

— Да, горе. Хочет забрать Налию к себе, а родители не разрешают. Мои тоже против. Сватал Налию, старики договорились: через год она переедет к Рафату. Обычай такой. Глупый обычай, вредный обычай. Раньше он смысл имел... Муж после свадьбы калым готовил, чтобы выкупить жену, а сейчас калым не надо, а обычай тот же.

— Значит, они не жили вместе после свадьбы?

— Почти. Три дня жил Рафат в нашем доме, потом уехал. И вот приходит раз в неделю. Ночует.

— А ты тоже соблюдал этот обычай?

— Немного. Полтора месяца. Нашел в деревне комнату и забрал туда жену. Отец долго сердился, потом позвал к себе.

— Пусть и Рафат сделает так.

— Не хочет. Один сын он. Стыдно бросать стариков. Сам секретарь райкома партии товарищ Ниязгулов беседовал с его отцом. Тот отказался нарушить обычай. Сильно верующий. До революции в Мекку ходил, гроб Магомета видел.— Зинур вдруг поднял над головой кулаки.

Проселок выбежал к реке. Она гремела на перекатах, булькала под обрывами. В омуте, перегороженном рухнувшим осокорем, желто-белой подушкой качалась пена и громко хлопала, когда врезались в нее дождины.

На миг прорубился сквозь тучи латунный луч; над рожью, там, где он упал, вскипел радужный столб и тут же осел. Одновременно было брызнул песней жаворонок, но затих, должно быть, нырнул в траву и снова ждал, когда проглянет солнце. А верхние тучи все плыли на север, нижние — все на юг.

Единственная улица селения гнулась дугой возле озера. Дома были разные: каменные, саманные, деревянные, крыши то железные, то камышовые, то черепичные; попадались трухлявые срубы, к которым прикипел древний мрачнозеленый мох.

Зинур открыл ворота, сбитые из кривых жердин. Два карапуза гоняли по двору утыканную репьями собаку. На головах мальчуганов углами натянуты мешки. Заляпанные грязью ноги звонко щелкали по осклизлой земле. Когда им удавалось схватить собаку за хвост, они весело взвизгивали и подпрыгивали.

— Детишки Бикчентаева,— хмуро сказал Зинур.

Дом и сарай, прилегающий к нему, были ровно побелены, местами дождь размыл известь, и теперь стены неприятно зияли глиняными ранами. Узкие сени без потолка разделяли дом на две половины. Мы вошли в правую. Тщательно выскобленные нары с одеялами, кошмами и подушками по бокам, воронка репродуктора над окном, лавка, окованный жестью сундук, обложка журнала «Смена», наклеенная на стену,— вот и все, что составляло убранство комнаты.

Тоненькая женщина засыпала в казан лапшу. Лицо ее не старое, но морщинистое, усталое. Не от малых забот и трудов сделалось оно таким раньше времени: дети на плечах, хозяйство да камнем висит на душе непутевый муж. На полу, сложив ноги калачиком, играли белой галькой три девочки, немного старше тех карапузов, что бегали по двору за собакой. Сам Бикчентаев лежал на нарах и, кажется, дремал. Он услышал стук наших сапог и мгновенно вскочил.

— Здравствуй,— кивнул ему Зинур.

Бикчентаев не ответил на приветствие и встал в оборонительную позу. Я обратил внимание, что у него круглые и лицо, и глаза, и рот, и кулаки, которые он злобно стиснул.

— Пришел?! — прохрипел Бикчентаев, и на нас пахнуло водочным смрадом.

— А ты опять пьян,— спокойно сказал Зинур.

— Пьян! Пил водку, пить буду.

Бикчентаева захлопнула деревянной крышкой казан и так стремительно подскочила к мужу, что ее платок, завязанный под подбородком, вспорхнул над спиной.

— Молчи! Стыдно! Тысячи пропил. Смеются люди — на улицу не выходи. Виноват. Молчи!

В облике этой тоненькой, как талинка, женщины было столько достоинства и независимости, что я невольно восхищался ею.

Бикчентаев окинул ее злым взглядом и лег на нары лицом к стене.

Зинур вынул из кирзовой сумки листы, проложенные копировкой, и приготовил карандаш.

...Все с той же осанкой, в которой были гордость и достоинство, жена Бикчентаева прикрыла за нами сбитые из жердин ворота.

Над оставшейся за спиной деревней, над горами, над рекой — тучи, пучки солнечного света, дождь, темный, сонный, холодный. И не знаешь, когда он кончится, и не веришь, что развернется и туго раздуется в вышине желанная, ласковая, бодрая синь неба.

Чем дальше мы уходили от Салаватова, тем сильнее тянуло ветром. Тяжелый, он скользил смоляными полосами поперек реки, как ножом состругивал с ее поверхности выпучины, гребешки струй, поднимаемую течением рябь.

Зинур тревожно сказал:

— Черный ветер идет.

Видно, вверху, в небе, ветер дул еще пуще: бугрило тучи, заламывало и распушало их края. И так часто вспыхивали то зеленые, то голубые, то красные молнии, что порой они переплетались и провисали над округой разноцветными пауками. Лениво похрустывал гром.

Еще до того, как мы вошли в рощу, начал стегать землю непроглядный ливень. Почудилось, будто лопнули разом все тучи и вот теперь свирепо падают на округу.

Перед самым входом в рощу проселок был загорожен упавшим стволом древнего вяза. Должно быть, не выстоял под ветром и рухнул. Угрюмо торчали крючковатые корни, но не все их выворотило. Остались и такие, которыми он хватко держался за почву, словно надеялся, что они еще долго будут гнать соки в его могучее тело.

Мокрые, продрогшие, мы ввалились в сени и еще не успели сбросить плащи, как распахнулась дверь и на пороге вырос Казанков. На лице его плутала многозначительная ухмылка.

— А у нас тут история... — сказал он.

В прихожей сидела на подоконнике Налия. В черемуховых ее глазах вздрагивали слезы. Пасмурный Рафат гладил ее по голове.

— Что случилось? — спросил Зинур.

— Салиха убежала,— ответил Рафат.

— Шутишь?!

Из горницы вышагнул прямой Аллаяров. Он отдернул занавеску, которая закрывала лаз на лежанку, и показал туда пальцем:

— Не веришь, посмотри. Там лежал чемодан. Нет его. Салихи тоже нет.

Зинур и я стали на скамью, взглянули на лежанку. На ней четко выделялся белый квадрат, запорошенный вокруг пылью.

Когда Зинур спрыгнул со скамьи, Аллаяров насупил загнутые книзу брови.

— Ты, Зинурка, виноват. Я запрещал Салихе в Уфу ехать, ты заступался.

— Заступался. Да. И сейчас заступлюсь. Хорошо сделала. Хочет учиться в институте — пусть учится.

Аллаяров так прищурил веки, что видны были лишь негодованием блещущие зрачки да желтые полоски белков. Глаза отца и сына встретились. Оба стояли ко мне боком. На щеке старика выплыло алое пятно и, ширясь, стекло по скуле на шею. Возле уха, похожего на сушеный гриб, забился под кожей живчик.

Золотистого отлива щека Зинура сделалась чуточку матовой, слегка вздернулась ноздря и напрягся желвак.

Нависла цепенящая тишина. Дребезжала под ударами капель жестяная вертушка флюгера. Где-то за деревней, буксуя, ныл грузовик. Свет молнии упал на дорогу. Мелькнули в колеях пузырящиеся потоки. Гром звонко распорол воздух рядом с домом. Дом тряхнуло. С гвоздика сорвался пузырь лампы и разбился. В сарае заблеяли овцы. Аллаяров отвел взгляд от зинуровых немигающих глаз и, озлясь на то, что первым отступил перед сыном в этом поединке, крикнул:

— Заступаешься! Деньги дал? А? Беги, Салиха!

— Дал деньги. Пятьсот рублей.

— А хозяйство? Отец работать будет? Отец — старик. Мать работать будет? Мать — старуха. Налия работать будет? Недолго будет. Срок выйдет — Рафату уйдет.

— Я веду хозяйство, жена помогает. Чего тебе надо? Хорошо живем, — грустно промолвил Зинур.

Аллаяров опять прижмурил веки, бросил сыну:

— Дурак ты!

— А ты умный? Ты сказал Сергею: пара жен у тебя была... Плохо. Так о лошадях говорят, о скотине. Салиха тебе тоже лошадь, тоже скотина... Налия всего четыре класса окончила... Ты оторвал. Хозяйство. Замуж выдал ее, год срок назначил... Хозяйство! Пусть гнет спину. Налия тоже лошадь, тоже скотина. Меня... — Зинур вдруг отчаянно махнул рукой: мол, говори не говори, а толку не будет, — и сел на табуретку. От волос его, распадавшихся двумя иссиня-черными крыльями, легли на лоб тени.

Аллаяров суетливо повернулся к Сергею:

— Ты умный человек. Скажи: так можно?.. Отец: «Не поедешь, Салиха»; сын дал денег: «Беги, Салиха». Правильно?

Казанков, соображая, как ответить, подвигал бровями.

— Видишь ли, Минахмат Султаныч, дело это такое... Как, скажем, я точно коронку кому-то на зуб сделаю, если не сниму мерку? Не сделаю. Так и тут.

— Зуб? Коронка? Не понял, — сказал Аллаяров.

— Видишь ли, тут надо знать все обстоятельства, перипетии и всякие такие штуки, — ответил Казанков и изобразил ладонью нечто, напоминающее то, как плавают вьюны.

— Ясна, ясна, — закивал старик, так и не поняв того, что сказал Казанков.

«Да, — подумал я о зубопротезисте, — тебя действительно ежовыми рукавицами не возьмешь. Умеешь увиливать еще похлеще вьюна».

— А ты, Василий? — донесся до моего слуха голос Аллаярова. — Ты как думаешь?

— Зинур прав.

Старик плюнул, притопнул плевок каблуком и ушел в горницу, а вскоре вернулся в резиновом плаще с деревянными пуговицами; на ногах кожаные охотничьи сапоги.

— Отец, куда ты? Гроза! Убьет! — схватила его за рукав Налия.

— Кто сорок лет лесообъездчик? Я. Меня не убьет, — хвастливо сказал Аллаяров. — Вот где будет у меня Салиха, — сжал он лиловый кулак, на котором висела плеть. — Поймаю.

— Двадцать километров до станции. Уйдет поезд. Опоздаешь. Зря едешь, — просящим полушепотом упрашивала его Налия.

Зинур отдернул ее за руку:

— Пусть едет.

Аллаяров хлопнул дверью. Минут через пять прохлюпали за палисадником копыта лошади.

Мы разостлали кошмы, легли, накрывшись стегаными одеялами. Не разговаривали.

На рассвете я пробудился с ощущением, будто чего-то не хватает. Удивился этому, но глубокая тишина помогла разрешить загадку: да ведь дождь-то не стучит.

Сиреневый свет мягко проникал в окна. Уткнувшись носом в грудь Налии, спал Рафат, разбросав руки, сопел Казанков, ровно дышал Зинур.

Я сунул ноги в сапоги и пошел взглянуть на небо. В сенях услышал доносившиеся со стороны сараев всхрапы и звуки, которые напоминали удары сыромятного ремня. Я посмотрел в щелку: Аллаяров, топчась по резиновому плащу, хлестал плетью коня. Я загремел ломиком-засовом и открыл дверь. Аллаяров бросил плеть и повел коня под навес.

Когда я вышел за ворота, мимо проезжал на кучерявой башкирской лошади, запряженной в ходок, кордонщик Митрий. Увидев меня, он отмахнул с головы колпак дождевика, приподнял фуражку с медными дубовыми листочками на околышке и чему-то радостно улыбнулся.

В горах между деревьев зыбился туман. Небо еще не совсем очистилось от туч. Но на востоке предвестником ведреной погоды стояло нежнозеленое, как просвеченная солнцем морская вода, облако.

Ткани ручного производства. Новые работы художников Ганса Вагнера (г. Эрфурт-Гохгейм) и Грете Шмитц (г. Любц).

Кофейный сервиз. Дрезден. Современное производство завода Мейссен.

ИСКУССТВО НЕМЕЦКОГО НАРОДА

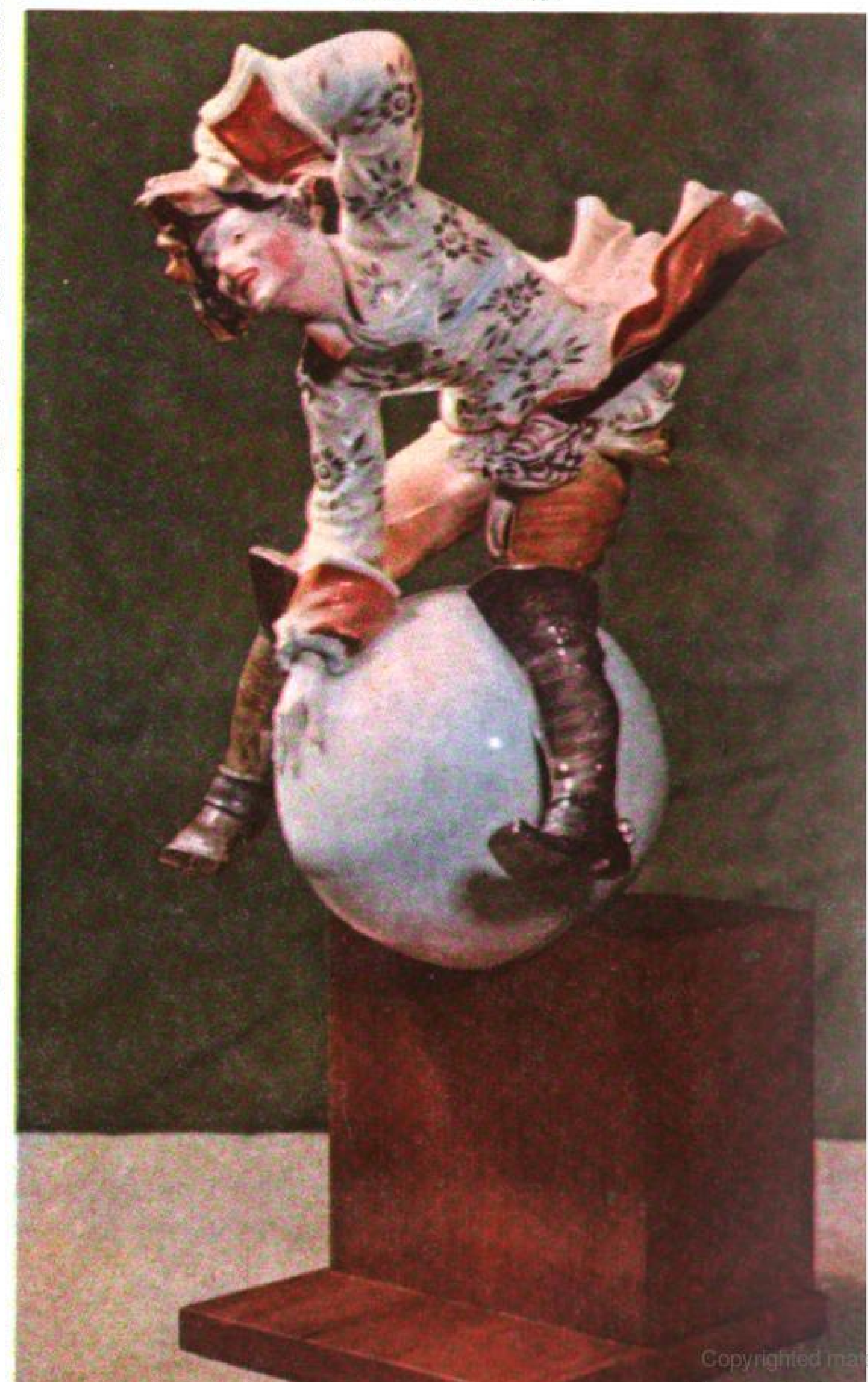
В Москве на организованной недавно Министерством культуры Германской Демократической Республики выставке немецкого прикладного искусства были богато представлены изделия художественной промышленности и народных ремесел.

Немецкая художественная промышленность и народные ремесла имеют богатую историю. Уже в XVI веке в Германии отмечалось развитие производства художественной керамики, а с XVII века — художественных изделий из стекла и металла.

Самая замечательная отрасль художественной промышленности Германии — фарфор. Это производство, пользовавшееся мировой славой, было организовано впервые в 1710 году в городе Мейссене Иоганном Фридрихом Беттгером, известным изобретателем фарфора в Европе. Полного развития оно достигло в 30—40-х годах XVIII века, особенно с появлением на заводе выдающегося немецкого скульптора И. Кендлера. Талантливый художник создал целый мир маленьких фарфоровых фигурок, правдиво отразив в них общество того времени: пышных вельмож, жеманных дам, охотников, ремесленников, солдат, рудокопов, крестьян, детей. По моделям Кендлера было выполнено большое количество статуэток птиц и животных.

Огромный успех начиная с XVIII века имели сервизы Мейссенского завода. Блестящий молочнобелый фарфор, тонкая и нежная ручная роспись, слегка тронутая золотом, яркие краски — все это создало мейссенскому

Мюнхгаузен. Фарфор с цветной росписью по модели Штрукка (завод Мейссен. 1949 год).

Кухонная огнеупорная посуда. Керамические изделия Альфреда Дитце (г. Кенигсбрюк).

Кувшин с эмалевой росписью. Елизавета Циллих (Саксония).

Болонка. По модели Иоганна Кендлера (завод Мейссен. Середина XVIII века).

Бокал с эмалевой росписью (1718 год) и кубок с цветной эмалевой росписью (1709 год).

Игрушки из цветного и прозрачного стекла (Тюрингия).

Фигурки курильщиков (дерево с росписью). По эскизу Эберле. Институт прикладного искусства. Берлин.

фарфору славу. Из современных изделий заслуживает внимания оригинальная по композиции, забавная фигурка Мюнхгаузена, сделанная по модели Штрукка.

Широко развито ныне в Германской Демократической Республике керамическое производство. Интересны огнеупорные изделия Альфреда Дитце из города Кенигсбрюка: различная кухонная посуда, очень приятная по цвету глазури—темнокоричневая, синяя, светложелтая, белая. Керамические изделия выпускают также кооперативные артели и объединения. На вкладке представлена работа Елизаветы Циллих из города Элстра (Саксония) — декоративные кувшины с рельефной синей росписью на белом фоне. Смелая, свободная роспись делает их нарядными, декоративными.

Привлекают внимание изделия из прозрачного и цветного стекла и хрусталя. Крупнейшим центром такого производства начиная с XVII века стала Тюрингия. Бокалы и кубки из прозрачного стекла, расписанные яркими эмалевыми красками, были особенно распространены в городах, где процветали ремесла. Из таких бокалов ремесленники пили пиво и вино на торжественных собраниях и пирушках. Характерные образцы таких изделий — высокий, цилиндрической формы бокал с изображением курильщика и кубок, поднесенный к «золотой свадьбе» ремесленника Андреана Штерера.

Заслуженной известностью пользуется производство немецких игрушек, сосредоточенное преимущественно в городах Зоннеберге и Зейффене. Интересны миниатюрные игрушки из дерева, особенно фигуры немецких крестьян, щедро расписанные красками.

Широко представлены были на выставке текстильные изделия, декоративные ткани ручной работы, гармоничные по расцветке, красивые по фактуре и отделке.

Выставка немецкого прикладного искусства была тепло встречена в Москве.

Б. АЛЕКСЕЕВ

Фото Е. УМНОВА.

В бору за Орланью

Дмитрий ОСИН

Рисунок В. Высоцкого.

В глуши, в снегу мороз горяч,
А волчий вой тосклив и долог;
Там из лесных дремучих дач
По свежим вырубкам,
Меж елок
Проложен тракторами вóлок.

И конь бывалый, строевой
Храпит, мотая головой,
Зачуяв зверя у дороги,
И то попятится в тревоге,
То вдруг рванется
Сам не свой.

Светает долго в декабре;
И открывается не сразу
Неприглядевшемуся глазу
Лесная чаща
Вся в алмазах,
Вся в инее, как в серебре.

А солнце брызнет,
Сгонит сон,
И над обрывами речными
Бор, словно в праздник, озарен
Свечами сосен золотыми.
Впервые кажется суров
Его ковров
Покров
Несмятый,
А запах дыма от костров
Приправлен смолкой
горьковатой.

Не вдруг
Дохнет теплом вокруг;
Но чуть прислушайся —
Сдается,
Как будто сонный майский жук
Летит,
Гудит
И в чаще бьется.
Зиме в укор
Бубнит мотор
С настывшей за ночь
передвижки;
Трубит шофер,
Звенит топор,
И вековой орланский бор
С вершин гранатами в костер
Еловые швыряет шишки.

Чудит
Мороз,
Студит
Всерьез.
А лесоруб
На слово скуп;
Он, как обычно, спозаранку
Работать вышел на делянку.
Осмотрит дерево молчком;
И над лесною
Тишиною
Оно, как скрипка под смычком,
Застонет раненой струною.
Потом во всей своей красе,
Метелью убранное нежно,
Еще такое же, как все,
Вдруг покачнется
чуть небрежно,

Уронит иней неживой,
Как бы на миг от сна очнется,
Тряхнет кудрявой головой,
И затрещит,
И вниз рванется...

За рядом ряд,
За строем строй
Под электрической пилой
Отборные валя́тся сосны.
Они на вырубке лежат
В снегу, в глуши,
В тиши
Морозной.

Теперь еще денек, другой —
То с ясным солнцем,
То с пургой, —
И в многоверстное кочевье,
В свой путь большой
Одной
Семьей
Отсюда тронутся деревья.

— Прости-прощай,
Родимый край!

Пройдет холодная зима,
Метелей стихнет кутерьма;
Дохнет теплом
Апрельский гром,
В весенний трепетный наряд
Опять оденутся березки;
И птичьи трели зазвенят
В бору
на каждом перекрестке.

А им
Идти путем своим,
А им
В назначенные сроки
С гульливой вешнею водой
Бежать ватагой золотой
По вольным рекам
В край далекий.
Бежать,
На отмелях лежать
Иль в сонных
Заводях бездонных
Искать друг дружку —
И опять
О милых зарослях зеленых
И отчем боре вспоминать...

Дымит корьё,
Летит зола,
Огонь сырую лижет хвою.
Над прошлогоднею листвою
Перегорает жар дотла.

А молодой
Подсад густой
Стоит за вырубкой сосновой,
Литой,
Смолисто-золотой,
Как новой жизни
Отпрыск новый.

Седой таксатор-лесовод
Его сажал,
Не первый год
О той поре мечтая дальней,
Когда густой,
Ветвистый свод
Опять шатром своим качнет
Над старой вырубкой печальной.

Кто лес сажал,
Тот, верно, знал
Такое же сердцебиенье,
Такое ж светлое волненье,
Как будто жизнь передавал
Из поколенья в поколенье.
И не завидовал ли сам
Он временам,
Во след идущим,
Как этим будущим лесам,
Своим наследникам грядущим?..

К труду вернувшись,
Как о чуде,
Мечтали мы о светлых днях,
Когда из горестных времянок,
Военных кóпанок-землянок
В освобожденных городах
В дома переселятся люди.
И вот пришли,
Сбылись они,
Той
Золотой
Надежды дни:
Опять обстроился мой край,
Пропах смолой, сосной и елью
И кличет — только поспевай! —
Из дома в дом
На новоселье!

А на делянке лесоруб
Спешит,
Валит
Кряжи другие.
За делом он на речи скуп,
Слова не тратит дорогие.
И, словно в сказочном дыму,
Отсюда видится ему,
Как на проснувшейся земле
Шумит повсюду жизнь живая,
Горят огни в морозной мгле,
Поют гудки,
Звенят трамваи,
Как на лесах в любом дому
Хлопочет каменщик иль
плотник —
Такой же труженик-работник,
До дела мирного охотник,
Во всем, как есть, под стать ему.

Там кирпичи в карниз кладут,
Выводят стены по отвесу,
Строгают балки,
Камень бьют,
Кроя́т упрямое железо.
Зарницы сварки
Не гроза,
Но слезы жарко
Слепя́т глаза.

Восходит солнце над землею;
Его лучи
Не горячи
И словно рдеют под золою.

Оно — на лето!
А зима,
Похоже, выжив из ума,
На стужу повернула круто.
Идут морозы —
Не сочтешь:
Мороз-тискун,
Мороз-щипун,
Мороз-кряхтун,
Мороз-горюн.
И только стань:
То в жар, то в дрожь
Тебя вдруг бросит почему-то.

Не жди:
До слез
Они проймут;
В мороз
Работа греет тут!

Дневник ОГОНЬКА

СОВЕТСКИЕ МОРЯКИ В САУТГЕМПТОНЕ

Саутгемптон—один из главных морских портов Великобритании. Для его обитателей, с детства связанных с морем, приход новых кораблей — обычное явление. Но когда к причалу саутгемптонского порта пришвартовалось советское судно «Экватор», жители города и местные власти проявили немало заботы о его команде и курсантах советских торгово-мореходных училищ, проходящих на этом судне практику.

Представители городских властей во главе с мэром Саутгемптона госпожой Охиггинс посетили «Экватор», а потом большая группа курсантов отправилась на прием в городскую ратушу, над которой в это время в знак уважения к гостям развевался государственный флаг СССР. На память о пребывании в Саутгемптоне капитан А. Ворожбиев подарил госпоже Охиггинс шкатулку палехской работы, а жителям города — отлитую из чугуна фигуру медведя.

— Почему именно медведя? — спросили репортеры.— Ведь это хищное животное, и у нас нередко изображают Россию в виде разъяренного медведя на задних лапах.

— Видите ли,— ответил офицер Всеволод Лысенко,— медведь — очень мирное животное. Он никогда не нападает первым...

На следующий день это интервью было напечатано в газетах.

Курсанты осмотрели портовое хозяйство Саутгемптона, побывали на пассажирском лайнере «Кунн Мэри», а также в Портсмуте, где познакомились с ветераном английского военного парусного флота фрегатом «Виктория», на котором погиб адмирал Нельсон во время Трафальгарской битвы. Курсанты посетили также навигационный колледж Саутгемптонского университета — одно из лучших мореходных училищ Англии.

...Уже опустились сумерки над городом, а у ворот порта все еще стояла большая очередь желавших попасть на «Экватор», поговорить с советскими людьми, пожать им руку. За день на корабле побывало более 1 500 человек, хотя желающих было много больше.

К. БЕЛЯЕВ

Лондон, март 1956 года.

На палубе «Экватора».

Мэр города Саутгемптона госпожа Охиггинс принимает подарок от капитана Ворожбиева.

Последний коммунар

Адриен Лежен.

В Новосибирске, недалеко от центра города, в сквере находится могила Адриена Лежена — французского коммунара. Он похоронен здесь зимой 1942 года. Как попал в Новосибирск парижский коммунар?

Адриен Лежен родился в предместье Парижа. Сын рабочего, он по ночам занимался самообразованием, зарабатывая себе на жизнь самыми различными ремеслами. Когда в 1870 году началась Франко-Прусская война, Адриен Лежен, хотя он и был освобожден от военной службы по слабости здоровья, добровольно вступил в национальную гвардию.

Лежен сражался на баррикадах Парижской Коммуны в 1871 году. Тогда ему было 24 года. Взятый в плен версальцами, он случайно избежал расстрела. После каторги и ссылки Адриен Лежен вернулся в 1880 году в Париж и принимал активное участие в общественно-политической жизни. В 1922 году он вступил в Коммунистическую партию Франции, а через шесть лет переехал в Советский Союз.

Лежен с гордостью говорил всем, что в Советском Союзе он нашел свое второе отечество, великую страну, где осуществлены самые передовые идеалы человечества, за которые отдали жизнь многие революционеры.

Во время войны Лежен переехал из Москвы в Новосибирск.

За несколько дней до смерти 95-летний коммунар обратился с письмом к раненым бойцам, находившимся в госпитале. Он писал:

«Я — последний, который боролся на баррикадах Парижской Коммуны во имя свободы человечества 71 год тому назад и был тогда так же молод и смел, как и вы, и с ненавистью смотрел на тиранию...

Вы боретесь не только за свободу и счастье молодого поколения Советской страны, но и за свободу и счастье молодого поколения всего мира.

Я уже очень стар, мои дорогие, чтобы лично посетить вас. Но я хочу, чтобы это письмо попало в ваши руки к Новому году, хочу еще раз пожелать вам скорейшего выздоровления.

Да здравствует славная Красная Армия!

Да здравствует Парижская Коммуна!»

Ю. МЕДНИКОВ

Надгробный камень на могиле А. Лежена.

Фото Ф. Гичкуна.

ПРОШЛО ДВА ДЕСЯТИЛЕТИЯ...

1936 год. Участники лыжного перехода в Тюмени. В первом ряду (слева направо): К. Пышкова, Т. Долголева, Т. Харитонова. Второй ряд: В. Константинова, Г. Просин, Г. Спиридонов, А. Семенова, Е. Захаренкова. Третий ряд: З. Пономарева, З. Новичкова, М. Хорошутина, А. Каширина. Лыжницы одеты в полушубки, подаренные тюменцами.

В № 3 «Огонька» за нынешний год была напечатана корреспонденция «Поход пятерых комсомольцев» — о мужском лыжно-пешем переходе Москва — Комсомольск-на-Амуре, вызвавшая оживленные отклики читателей. Один из них, Д. А. Андреев из Беломорска, напомнил о другом лыжном переходе 1936 года — женском, и попросил рассказать на страницах журнала об этом походе и его участницах.

* * *

Прежде всего напомним, как возникла идея этого похода. В 1935 году пять женщин —жены командиров Советской Армии — совершили лыжный переход из Тюмени в Москву. Работницы Электрозавода решили нанести ответный визит и посвятить свой поход X съезду ВЛКСМ. Начались упорные тренировки, продолжавшиеся девять месяцев.

И вот 1 января 1936 года «дружная десятка», как писали тогда, отправилась в путь. В ее составе были техник-лаборант Анастасия Семенова, раздатчица центральной лаборатории Клава Пышкова, насосница цеха приборов Таня Харитонова, браковщица Мария Хорошутина, револьверщица Катя Захаренкова, браковщица Зоя Пономарева, корреспондент «Рабочей Москвы» Тамара Долголева, техник Зоя Новичкова, приемщица Тоня Каширина, работница лаборатории Валя Константинова. Возглавили поход командор Георгий Спиридонов и политрук Герман Просин.

Путь протяженностью в 2 400 километров от Москвы до Тобольска был успешно пройден за 35 ходовых дней.

Недавно участники похода снова собрались вместе. И хотя с того времени прошло двадцать лет, в памяти сохранилось все, до мельчайших деталей. Вспомнили о том, как под Казанью три дня подряд бушевала снежная пурга: ветер был настолько сильным, что на одном участке 8 километров шли два с половиной часа. И так как забыли взять с собою специальные защитные маски, то девушкам пришлось обвязываться полотенцами, майками.

Тяжелым оказался переход через Уральский хребет: на протяжении десятков километров надо было непрерывно подниматься в гору, иногда при сорокаградусных морозах. Кое-где продвигались так медленно, что каждый новый телеграфный столб встречали криком «ура». Зато в других местах за день преодолевали расстояния в 60—70 километров, а один раз даже 84.

На столе, за которым сидели давние друзья, появились бережно сохраненные дневники похода.

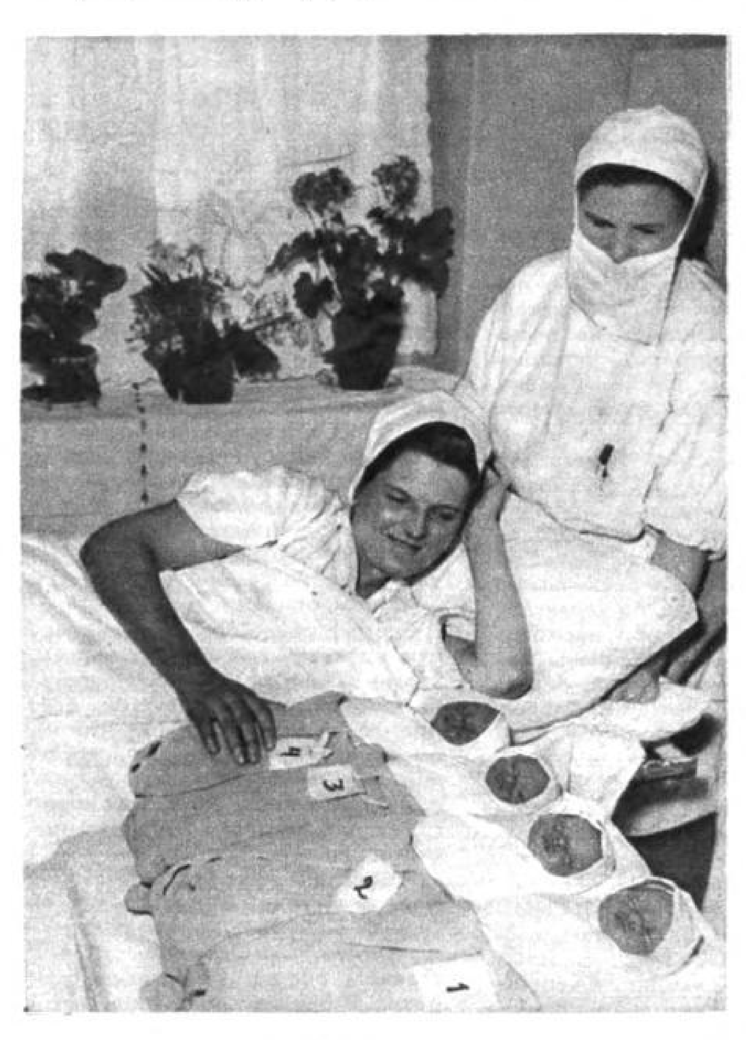
«Шли рано утром и поздно вечером, когда в темноте, от сильного напряжения зрения, кружилась голова». (Харитонова вспоминает: ведущий привязывал к ноге фонарь, чтоб лыжня была видна.)

«Около станции Подъем замечаем, что над нами вьется самолет. Летчик, похожий снизу на муравья, высунулся из кабины. Вдруг что-то отделилось от самолета, и через секунду в воздухе развернулся вымпел и упал в лес. Это было письмо: «Привет московским лыжницам от трудящихся женщин Тюмени».

«В пути до Мурома два перевала шли за нами лыжники Орехово-Зуева, направляющиеся в Комсомольск-на-Амуре. Закипело веселое соревнование, в котором самое живое участие принимают кондуктора поездов.

— Жмите, девчата! — кричат они на ходу поезда, махая шапками с тормозных

Вера, Надежда, Любовь и Роза

В. З. Босова с близнецами.
Фото Я. Рюмкина.

Вера Захаровна Босова, продавщица ГУМа, родила четырех девочек-близнецов. Она и ее муж шофер Иван Николаевич Босов давно мечтали иметь ребенка. И вот теперь у них большая семья.

Как-то сразу нашлись имена для трех девочек: Вера, Надежда, Любовь. Имя четвертой предложила мать:

— Назовем ее Розой! Вот как раз мне принесли розы.

Врачи, медицинские сестры родильного дома № 8 окружили мать и близнецов сердечным вниманием. Вера Захаровна помещена в отдельную палату, ей обеспечен тщательный уход. Коллектив ГУМа проявил теплую заботу о семье Босовых. Местком выделил деньги на приобретение всего необходимого для четырех маленьких советских гражданок. Семье будет предоставлена новая, просторная квартира.

В. ГОРЯЕВ

Он спас капитана

Комсомолец Александр Беломеснов проявил находчивость и мужество во время промысла в Северной Атлантике. Штормовой волной смыло за борт капитана траулера «Секстан» А. Х. Батаева. Выкинутые за борт спасательные круги и тросы отнесло в сторону. Тогда Беломеснов обвязался канатом и бросился в ледяную воду. Он подплыл к Батаеву, помог ему ухватиться за канат и тем самым спас жизнь капитана.

За смелый поступок штурман рыболовного траулера «Секстан» А. Н. Беломеснов награжден орденом «Знак Почета».

Н а с н и м к е: капитан траулера «Секстан» А. Х. Батаев и штурман А. Н. Беломеснов (справа).

Фото Б. Вирина.

Маслины на улицах Баку

Все шире разрастаются вокруг нефтяного Баку чудесные оливковые рощи. На благодатной апшеронской земле это ценнейшее растение прекрасно прижилось. Пышные, раскидистые деревья с вечнозеленой листвой серебристого оттенка заняли немалое место и в зеленом убранстве города.

Минувшей осенью масличные деревья, растущие в бакинских парках и скверах, дали первый урожай. С них было собрано до 1,5 тонны плодов.

И. ГОНЧАРЮК

площадок.— Ореховские недалеко за вами!»

Каждая строчка вызывает рой воспоминаний. Кто-то говорит, что Татьяне Харитоновой в пути исполнилось восемнадцать лет.

В городах, селах, на станциях — всюду были горячие встречи, забота и внимание, которые удваивали силы. На маленьком полустанке Смагино, состоявшем всего из одного домика, «дружная десятка» забеспокоилась: удастся ли здесь переночевать, хватит ли всем места? Начальник станции, встретив лыжниц, тут же запряг свою лошадь и отправился в соседнюю деревню за едой, потом сам, никому не доверяя, приготовил постели, «мобилизовав» все свои простыни и одеяла.

На всем пути — телеграммы от друзей, знакомых и незнакомых.

После финиша в Тюмени принято решение: продолжить маршрут до Тобольска, чтоб установить новый мировой рекорд. Последний этап перед Тобольском — 60 километров — шли в сплошной вьюге, не встречая ни единого населенного пункта, сбивались с пути, долго кружили, пока добрались до цели.

А когда возвратились в Москву, девушек-лыжниц принял Никита Сергеевич Хрущев, внимательно расспросил о походе, выразил пожелание, чтобы московские физкультурники совершенствовались во всех видах спорта и добивались новых всесоюзных и мировых рекордов. Затем в газетах появилось постановление ЦИК СССР за подписью М. И. Калинина: все участники перехода были награждены орденами «Знак Почета».

С тех пор прошло два десятилетия, но «дружная десятка» не порвала связей друг с другом. Вот и в этот раз восемь участников похода собрались в Кривоколенном переулке, на квартире у Анастасии Михайловны Семеновой — комсорга перехода. Пришли командор Георгий Михайлович Спиридонов — ныне старший преподаватель кафедры физкультуры Московского энергетического института имени В. М. Молотова, политрук Герман Валентинович Просин—инженер-электрик, Клавдия Васильевна Пышкова — мастер Электролампового завода, Мария Герасимовна Хорошутина-Соколова — стеклодув того же завода, Екатерина Михайловна Захаренкова — револьверщица СВАРЗа, Татьяна Акимовна Харитонова — тренер по лыжам педагогического института имени Потемкина и Зоя Васильевна Пономарева-Голованова, хозяйничающая в настоящее время, как и Семенова, дома. Почти все они и по сей день занимаются спортом, иные ходят на лыжах за город или посещают каток вместе со своими детьми.

Увлеченная воспоминаниями, Анастасия Михайловна Семенова воскликнула:

— Знаете что, давайте в новый поход двинемся!

Когда умолк взрыв смеха, Просин сказал, поддержанный всеми:

— Я тоже за поход, только не в Тобольск, а... на Электроламповый завод. Расскажем молодежи о переходе 1936 года — пусть продолжит нашу эстафету!

В. РУДИМ

1956 год. Участники похода на квартире Семеновой. Слева направо: Е. Захаренкова, Т. Харитонова, З. Голованова, Г. Спиридонов, М. Соколова. Г. Просин, А. Семенова, К. Пышкова.

Фото Е. Тиханова.

Юбилей артистки

Это было в 1920 году на занятиях по актерскому мастерству в театральной студии, которой руководил Вахтангов. Евгений Багратионович предложил новичкам — Нине Павловне Русиновой и Борису Васильевичу Щукину — выполнить актерский этюд: здесь, в небольшом зале, представить, что на их пути вдруг возникло водное пространство, и соответственно этому поступить.

Девушка решила задачу очень просто: она приподняла юбку и мнимый ручеек «перешла вброд». Юноша поступил иначе. Он «натаскал»

Заслуженная артистка РСФСР Нина Павловна Русинова.

мнимых камней, «накидал» их в ручей и по ним, посвистывая, перепрыгивая с ноги на ногу, балансируя и скользя, стал переправляться.

Этот случай Нина Павловна Русинова, артистка Государственного театра имени Евг. Вахтангова, запомнила на всю жизнь. Она поняла, что в искусстве нет односложных ответов. Маленькая роль или большая — всегда надо стремиться сделать ее как можно более содержательной, не перегружая, конечно, лишними деталями.

Театральный зритель Москвы вскоре узнал и полюбил Русинову. Он аплодировал артистке не только тогда, когда она играла большие роли, как Анисья, а потом Вириния в пьесе Л. Сейфуллиной, Татьяна в «Разломе» Б. Лавренева или Глаша в «Далеком» А. Афиногенова, но и даже тогда, когда роли были бессловесны, вроде тетушки в «Свадьбе» Чехова, или рабыни в «Принцессе Турандот», или гостьи в «Чуде святого Антония». В последней роли Русинова была особо отмечена и во французской прессе, когда в 1928 году театр был на Международном фестивале в Париже.

Русинова переиграла на сцене много ролей, и больших и маленьких, героинь, старых и молодых, красивых и некрасивых. Последние наиболее значительные ее работы: Паула-Клотильда — «Перед заходом солнца» Гауптмана и игуменья Мелания в «Егоре Булычове» Горького.

В каком смятении отступает разъяренная Мелания от Булычова, «камаринская» которого, ухарская, задорная, удальская, в бешенство приводит ханжу в монашеской рясе! Горький после генеральной репетиции «Егора Булычова» в 1932 году говорил: «...этой пляской Вы украсили пьесу... Мелания — молодец»...

Это слово Горького «молодец» в адрес актрисы часто повторяют и ее товарищи по сцене, когда смотрят, как неутомима, несмотря на свои 60 лет, замечательная актриса.

Н. ВЕРШИНИНА

НАРОДНЫЙ ПИСАТЕЛЬ

Творческий путь писателя неразрывно связан с его биографией. Жизнь — лучший учитель. Опыт, накопленный в течение долгих лет труда и борьбы, обогащает писателя, наполняет его творчество живительными соками, делает его глаз острым, ум проницательным, перо точным и правдивым.

Вилис Лацис — большой советский писатель — прошел суровую школу. Кем он только не был! Сегодня он грузчик, завтра — кочегар на корабле, потом — лесоруб, после этого — рыбак, библиотекарь, профсоюзный работник, писатель... Нелегко давалась жизнь, надо было завоевывать ее упорным трудом, тяжелыми страданиями... Но именно это позволило Лацису познать действительность во всех ее проявлениях и измерениях, полюбить всей душой людей труда, узнать истоки правды и неправды, сквозь сумрак и тучи прозреть будущее, и повести за собой тех, кому он адресовал свои произведения,— простых людей народа.

Есть у В. Лациса рассказ «Старый кочегар», написанный еще в 1933 году. Он очень характерен для творчества писателя. Кочегар Карклис постарел, уже не может работать так, как в молодости. Давление в котлах парохода «Дзинтар» падает. Кто на вахте? Карклис.

— Я давно уже говорил...,что стариков незачем брать в море. Судно не богадельня,— ворчит капитан...

Карклиса увольняют. Куда деваться старику? «Бродя по набережной гавани, в толпе беспечных молодых парней, он с горькой иронией думал:

«А что ожидает их? Отработают свои годы на судах, постареют, и в один прекрасный день им скажут: «Вы слишком стары... Можете идти!». Как старый, прогнивший зуб их вырвут из челюсти и выбросят в помойную яму. Такова судьба...»

Да, такова была судьба рабочего человека и не только в буржуазной Латвии, маленькой стране, лежавшей на рубеже двух миров, но и всюду, где царил капитал. «Волки загрызают своих состарившихся, больных товарищей. Сытые же люди предоставляют другим людям право — погибать самим. Это называется у них гуманностью», — заканчивает рассказ В. Лацис.

Тема — сытые и голодные, эксплуататоры и эксплуатируемые — проходит через все творчество В. Лациса. В первом крупном литературном произведении Лациса — романе-трилогии «Бескрылые птицы»— Волдис Витол и Карл Лиепзар после того, как они натрудились и наломали свои кости, пришли к выводу, что счастье трудовому человеку не добыть без борьбы, что пролетарий осужден на гибель, если он будет действовать в одиночку, что везде, под всеми широтами тяжка участь рабочего. Бескрылые птицы станут крылатыми и взовьются ввысь, как только они обретут свою силу в единстве и солидарности. Сам В. Лацис впоследствии признавал, что роман им написан «вполголоса» — иначе он не увидел бы света в условиях буржуазной Латвии,— но, тем не менее, и в том виде, в каком был опубликован, с многочисленными купюрами и исправлениями, он произвел сильное впечатление. Не мудрено, что хозяева тогдашней Латвии, как только появились первые главы романа «Пятиэтажный город» (первая часть трилогии), поспешили возбудить против автора судебное дело. Истинную славу и глубокие симпатии читателей завоевало следующее произведение В. Лациса — «Сын рыбака», законченное в 1934 году. Новый, ранее не описанный мир предстал перед латышским читателем — мир честных, прямодушных рыбаков, овеянных яростными осенними ветрами Балтики, людей, умеющих самоотверженно трудиться, мужественно поддерживать друг друга и отстаивать свои права. Образ Оскара Клявы — главного героя романа — полюбился латышскому читателю как символ энергии и бодрости. Оскар Клява, в конце концов, при поддержке своих товарищей-рыбаков осилил спекулянта Гарозу, ниспровергнул его власть. Оскар Клява, борец за дело обездоленных и голодных, стал в латышской литературе поэтическим образом борца за народное дело. Характерно, что после опубликования романа в каждом рыбацком поселке находились люди, которые считали, что Клява списан с них, что они послужили прототипом этого полюбившегося им героя. Отыскался даже один, видимо, не очень умный рыботорговец, который подал в суд на автора романа, ибо в лице Гарозы узрел самого себя.

Еще в буржуазной Латвии вышло много романов, рассказов, пьес Лациса. Романы «Путешествие в горный город», «Идол толпы», «Каменистый путь», «Старое гнездо моряков» различны по своему содержанию, по характеру действующих лиц, но, несмотря на это, все они объединены той благородной тенденцией, какая свойственна творчеству В. Лациса: показать борьбу голодных против сытых, возбудить гнев читателей против «рыцарей» наживы, их тлетворной, растлевающей человеческую душу морали, показать пути к новой жизни.

Когда в Латвии волею победившего народа утвердилась Советская власть, В. Лацис, пользующийся широкой популярностью среди народа, входит в состав правительства Советской Латвии, возглавляет его и отдает все силы борьбе за становление нового общественного строя...

Статьи, рассказы, повести Лациса, написанные во время Великой Отечественной войны, вселяли бодрость и надежду, чувство горячей любви к Родине, веру в конечную победу. На примере юноши Хария Элгута из повести «Кузнецы будущего», написанной в 1942 году, В. Лацис показал, каким должен быть рабочий, защищающий свое социалистическое Отечество.

Слово Лациса через огонь фронта доходило до читателя, до сердца латышского народа, и никакие ухищрения фашистских наемников не могли заглушить слово правды, идущее из уст писателя.

Еще в годы Великой Отечественной войны В. Лацисом был задуман эпический роман «Буря». Для осуществления этого замысла понадобилось несколько лет. Сложнейшие события в Латвии, происходившие в период борьбы за новый социальный строй, Отечественная война, годы первой послевоенной пятилетки, когда, несмотря на великие трудности, народ с энтузиазмом и решимостью восстанавливал и строил свою республику, жестоко пострадавшую в период фашистского нашествия,— все это вошло в живую ткань романа-эпопеи, написанного рукой мастера.

— Весь наш народ работает во всю мощь, отдавая свои силы строительству новой жизни,— говорил В. Лацис.— Мы, писатели, не имеем права работать меньше, чем наш народ.

В этих словах — весь Лацис. Его творчество, талант, жар сердца без остатка отданы народу.

Один из коммунистов героев романа «Буря», Карл Жубур, в проникновенной беседе с Эвальдом Капейка говорит: «Все мы нетерпеливо мечтаем о настоящем, могучем, прекрасном человеке, о человеке коммунистического общества. Но ведь не надо забывать, что он уже есть, существует и делает свое исполинское дело. Он — хозяин жизни!.. Что нам показала война? Это ведь не просто одно государство воевало с другим, это была война прошлого, отжившего, с будущим. А кто победил — ты и сам знаешь. Посмотри вокруг, как самоотверженно работают люди на стройках и на полях, в городе и в деревне. У них уже понятие «мое» вытесняется понятием «наше».

Слова Жубура определяют главную идею романа. Новый человек, хозяин жизни родился в буре! Буря смела негодное, ветхое, старое, она разметала то, что не имело права на жизнь, она породила новое, светлое, прекрасное и, самое главное, взрастила нового человека, дала ему могучие силы.

Роман «К новому берегу», во многом сходный по характеру своему с «Бурей», интересен прежде всего тем, что в нем описана главным образом латышская деревня. В буржуазной Латвии центральной политической фигурой был кулак — «серый барон». Не хуже настоящих баронов кулаки сосали кровь бедняков и батраков. Символом страшного, старого фигурирует в романе Змеиное болото — топь, захватывающая все новые и новые плодородные участки крестьянской земли. Осушить бы это болото! Но нельзя. Владелец мельницы Тауринь не разрешает: ему это невыгодно. Змеиным болотом была для трудового крестьянина кулацкая власть. Власть эта была сломлена народом после утверждения советского строя. Змеиное болото было покорено, когда за дело взялись крестьяне, ставшие на путь колхозной жизни.

Вилис Лацис является одним из крупнейших писателей современной латышской литературы. Имя его может быть поставлено в один ряд с такими художниками, как Ян Райнис, Андрей Упит, Леон Паэгле, Ян Судрабкалн... Произведения писателя пользуются широкой известностью далеко за пределами Латвии, голос его звучит на многих языках.

Лацис дорог всем советским людям как певец труда и борьбы, как художник, девизом которого является правдивость, честность, искренность и преданность делу коммунизма. В его творчестве мы видим черты, присущие лучшим мастерам прозы — советской и зарубежной. Но при этом прежде всего мы видим самого Лациса, не похожего на других, имеющего свой собственный писательский почерк.

В шеститомник В. Лациса вошли основные произведения писателя. Издание это является подарком для всех, кто любит советскую литературу, одним из замечательных мастеров которой является Вилис Лацис.

Ник. КРУЖКОВ

Вилис Лацис. Собрание сочинений в шести томах. Издание осуществлено под редакцией А. Рябининой. Гослитиздат. Москва 1954—1955.

Молодые голоса

Кулунда

Е. ПОЛЯНСКИЙ

Подхватил меня ветер странствий
И за тысячи верст занес.
Мчится «ЗИС» мимо сел и станций
В кулундинский степной совхоз.

Вот и домики на пригорке,
Лишь отстроенные вчера.
Трактористы, готовясь к уборке,
Все выстукивают трактора.

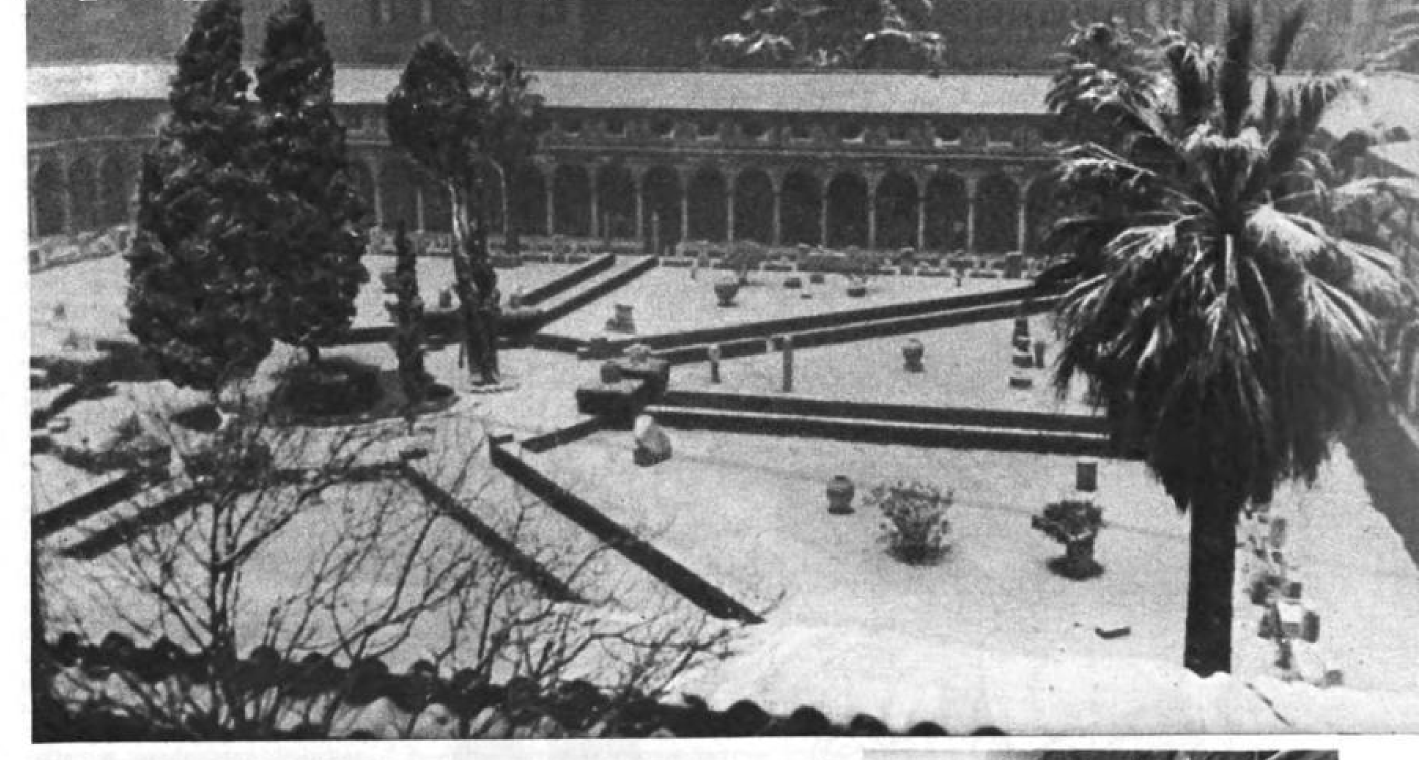
Чиркни спичкой — и вспыхнет
воздух,
Прокаленный, сухой, степной.
Хоть глоточек воды
Иль просто
В речку с берега головой!
Тяжесть зноя лежит на спинах.
Плачет птица в пшенице: «Пить!»
А навстречу идет дивчина:
— Шо вы, хлопцы!
Айда робыть!

Степь да степь —
Ни конца, ни краю,
И земля, как нагретая жесть...
Я не видел,
Где сталь закаляют,
Но ручаюсь:
Характеры — здесь!

Начало

Николай АГЕЕВ

Училища ремесленного
здание...
Здесь где-то детство
спряталось мое...
Сюда оно пришло
на зорьке ранней,
в разгар войны,
и началось житье...
Забавное мальчишество,
смешное
и даже неудобное
потом...
Здесь наше детство
началось другое,
с эмблемой —
накрест
молоток с ключом.
Я начал жить
вот в этом красном доме
с высокими дверями на закат.
И сколько сразу
стало вдруг знакомых
здесь у меня
девчонок и ребят!..
Я помню день,
когда мы у каптерки
построились
и мастер
не спеша
фуражку
номер пятьдесят четвертый
(она была уж больно хороша!)
на каждого
примеривал отдельно
и наконец
ее оставил мне...
И в новой форме
утром
в понедельник
я показался
матери-стране.

Пальмы в снегу

Снег пришел на улицы Рима. Он валил крупными хлопьями, садился на волосы прохожих, залеплял ресницы, застилал белым покрывалом тротуары и мостовые. Верные своей традиции ходить без шляп, римляне спасались под разноцветными зонтами, делали себе газетные колпаки наподобие тех, которые надевают маляры. Снег лег на верхушки пальм, облепил кактусы и каштаны. Необычно тихо продвигались по горбатым римским улочкам автомобили.

Разыгрываются снежные баталии. В них принимают участие не только дети, но и взрослые. Вот семья римлян спешит сфотографироваться на непривычном фоне—пальм в снегу.

На базарах жгли бумагу, обломки ящиков, чтобы согреться. Продавец безуспешно сметал метелочкой снег с гроздей бананов, висевших вдоль ларька. Снег кидали в канализационные люки домашними вениками, детскими совочками.

Так выглядел Рим в феврале. Непривычно суровая зима принесла тяжелые испытания не только неимущим жителям столицы, она стала для Италии настоящим народным бедствием.

А. НОВИКОВ

Фото автора.

Трагедия с драмой

Ц. СОЛОДАРЬ

Рисунки Е. ВЕДЕРНИКОВА.

— ...И я понял, всем сердцем понял, что всегда, да, всегда мы должны быть вместе... Занавес.

Драматург Забродин изящным жестом бросил рукопись на столик и провел платком по влажному лбу.

Последовали аплодисменты — не совсем бурные, но достаточно дружные, если учесть, что среди актеров не очень-то принято рукоплескать авторам.

— Пятнадцать минут перекура,— хорошо поставленным голосом провозгласил главный режиссер Тамарин и потащил взволнованного драматурга к себе в кабинет.

За ними поспешила заведующая литературной частью театра Маргарита Марковна — девица с хронически страдальческим выражением глаз. Но сейчас в них блуждало подобие улыбки. У Маргариты Марковны были все основания гордиться: именно она, а не кто-нибудь иной, «нашла» и принесла в театр новую драму Забродина «Его отец», которую автор только что с очевидным успехом прочитал труппе.

Потчуя драматурга теплым боржомом, главреж торжествующе сказал:

— Ну-с, батенька, теперь вы верите нюху старого театрального волка? Я предсказывал, что пьеска дойдет? И дошла!

— Еще как дошла! — подхватила Маргарита Марковна.— Даже Горский уж на что скептически относится к современной драматургии, и тот был захвачен. Как сердито он шикнул, когда рядом под кем-то заскрипел стул! Слушал, не шелохнувшись.

— А я это предвидел,— сказал Тамарин.— Горский чувствует, что ему привалила роль. Ваш агроном, поверьте моему нюху, Борис Романович, ложится на Горского, как по заказу. Это ролька!

— Да, такие роли на улице не валяются! — подхватила Маргарита Марковна.

Борис Романович Забродин скромно улыбался. Настроение у него было отличное: он чувствовал, что пьеса «забрала» актеров, что слушают они не из вежливости, а с неподдельным интересом. Воспользовавшись паузой, драматург спросил главного режиссера:

— А на роль Галины у вас найдется актриса?

В ту же секунду он устыдился своего вопроса, так укоризненно взглянул на него Тамарин.

— Да вы что, батенька, смеетесь надо мной, что ли? — В голосе главрежа звучали такие выразительные модуляции, что Забродин подумал, не произносит ли он монолог из сыгранной роли.— Да наши дамы, батенька, передерутся из-за этой роли! Самоигральная же! Битая карта!

— Роль пионервожатой Нины тоже с большим зерном,— подхватила Маргарита Марковна.

Жаркие дебаты по поводу пьесы происходили тем временем в фойе, где актеры курили, а актрисы перед зеркалами наскоро поправляли прически. Особенно горячились два друга — молодые актеры Володя Лукин и Сережа Рычагов, только недавно пришедшие в театр из студии.

— Не правда ли, здорово?

С этим возгласом они обращались то к одному, то к другому. Затем Володя сокрушенно добавлял:

— Жаль только, что в пьесе мало ролей для молодежи.

Но Сережа назидательно останавливал друга:

— Не будь эгоистом, Лукин. Такая драма украсит наш театр. Мы вставим перо всем театрам!

Алексей Алексеевич Горский, массивный мужчина, числящийся по штатному расписанию артистом высшей категории, и его жена Софья Петровна, подобно всем комедийным актрисам мечтавшая о трагедийных ролях, ели у окна мандарины, когда к ним подошли Володя и Сережа.

— С вас, Алексей Алексеич, магарыч,— весело, но достаточно почтительно обратился к Горскому Володя Лукин.

— Лукин имеет в виду роль агронома,— пояснил Рычагов.— Как будто специально для вас написана!

— Почему как будто? — обидчиво тряхнула локонами Софья Петровна.— Драматург не враг своей пьесе: он писал эту роль специально для Алеши.

— Тем более поздравляем вас!— в унисон ответили молодые друзья и подошли к другой группе.

— Ты, Соня, все-таки думала бы прежде, чем так вот ляпать: специально, специально! — сердито буркнул Горский.

Софья Петровна оскорбленно поджала губы, готовясь дать достойную отповедь супругу, но, заметив, что на них смотрят, быстро изобразила милую улыбку.

— Алеша, я отказываюсь тебя понимать,— драматическим шепотом произнесла она.— Кому же играть эту роль, как не тебе? И характер и фактура — все, все твое!

— А то, что я из-за этой фактуры потеряю кинофильм, тебя не интересует? Если пьесу Забродина возьмут, на роль агронома, конечно, назначат меня. И, как дважды два — четыре, Тамарин уже не отпустит меня сниматься в фильме. Об этом ты подумала? — И Горский недвусмысленно постучал пальцем по лбу.

— Но пьеса ведь отличная,— не сдавалась Софья Петровна.— И мне кажется, я вправе претендовать на роль пионервожатой Нины.

— Можешь претендовать, — обиженно ответил Горский. — Я-то наивно предполагал, что ты хочешь поехать со мной в Крым, и изо всех сил наседаю на киностудию, чтобы для тебя вписали в сценарий хотя бы один эпизод!

— А если я уеду в Крым, роль пионервожатой отдадут Азиатцевой! Благодарю покорно! Она и так возомнила себя звездой труппы. Хватит!

В дальнем углу фойе под огромным макетом декораций «Бабьих сплетен» Гольдони оживленно беседовали актрисы Рукавицына и Ларина.

— «Его отец» будет иметь успех, — уверенно сказала Рукавицына.— Увидишь!

— Не сомневаюсь! — поддержала подругу Ларина. — Нам с тобой, наверно, дадут в очередь роль Галины.

— Сомневаюсь, — вздохнула упитанная Рукавицына. — Главреж считает, что мы с тобой постарели для таких ролей.

— Ах, вот как! — Ларина так разволновалась, что под пудрой на щеках явственно проступили багровые пятна. — Значит, молодых героинь у нас может играть только одна Тихомирова!

— Она и получит роль Галины!

— Третью хорошую роль в сезоне?! Нет, этому не бывать!

Ларина оглянулась. Ей хотелось найти у кого-нибудь сочувствие. Заметив сосредоточенно шагавшего режиссера Сеньковского, она окликнула его:

— Платон Платоныч! Что же получается?

Сеньковский, вынув изо рта трубку с изображением львиной головы, вежливо ответил:

— Тысяча извинений, милая! Я сейчас занят обдумыванием мизансцены.

Сеньковский действительно был занят мучительным обдумыванием, но не мизансцены, а сложной проблемы, неожиданно поставленной перед ним «Его отцом» Забродина: «Драма, безусловно, хороша, но остра, ох, остра! Главреж, конечно, спихнет ее мне. А сам легко и спокойно поставит «Льва Гурыча Синичкина». Если я провалюсь, он скажет: «Не справился с современной пьесой». Если вытяну, будет кричать на всех собраниях: «Вот как я выращиваю режиссеров!..» Как бы не промахнуться! Не посоветоваться ли с Игнатием Назаровичем?»

Но, осмотревшись вокруг, Сеньковский увидел, что заведующий труппой Игнатий Назарович в данный момент крайне увлечен беседой с помощником режиссера Инсаровым, жизнерадостным розовощеким толстяком.

— Хватать надо пьесу на корню, — убеждал Игнатий Назарович помрежа.

— Хватать обеими руками, пока другие театры не перехватили!

— Вы правы, вы совершенно правы, — кивал головой Инсаров. — Но... в каждом деле бывает, милый мой, свое «но»! В «Его отце» семнадцать действующих лиц, плюс две массовки, плюс толпа за сценой. А что же мы сможем ставить в параллель? «Льва Гурыча»? Нельзя, пьеса многолюдная. «Годы странствий» тоже не разойдутся с Забродиным. В параллель нужна пьеса вроде «Чужого ребенка». Словом, при «Чужом ребенке» я за «Его отца». Без «Чужого ребенка» я, к сожалению, против!

— Как я это упустил? — удивился заведующий труппой. — «Его отец», конечно, силен, но платить актерам за переработку? Извините, пожалуйста, не буду!

Через несколько минут все расселись по местам, и Тамарин объявил:

— Приступаем к обсуждению.

— А что тут обсуждать? — в унисон отозвались Володя Лукин и Сережа Рычагов. — Все говорят, чудесная пьеса!

В другое время главреж не преминул бы оборвать молодых друзей, но сейчас их непосредственность пришлась ему по душе. Едва

заметно подмигнув драматургу, он привычно сострил:

— Кто просит слова вторым? Будем считать, что первый уже высказался.

— А я готов и первым, — неожиданно заявил старейший артист труппы Иван Семенович Корнеев.

Все удивились: Иван Семенович на обсуждениях слыл молчальником.

— Я до конца слушал пьесу с интересом, — продолжал он. — Хорошо, что в пьесе показаны наши современники, простые советские люди. За исход любви героев очень волнуешься. Вот только третий акт, мне кажется, затянут. Язык пионервожатой надо бы освежить... Я, друзья мои, голосую за пьесу. И сразу же делаю заявку на роль пчеловода. Роль, правда, совсем крохотная, но орешек этот раскусить нелегко. — И, обратившись к покрасневшему от счастливого волнения автору, закончил: — Спасибо от старого артиста!

Следующим слово взял Горский:

— Будь я эгоистом, я бы сказал: я за! Ибо в пьесе высокочтимого Бориса Романовича, как многие утверждают, имеется выигрышная роль моего амплуа. Но мой долг — думать о всей труппе, о театре. Вот почему я со всей откровенностью скажу: одна роль пьесы не делает!

— Почему только одна? — подал реплику Иван Семенович.

— Ну две, ну три, — уступил Горский. — Но общий, так сказать, аромат? А пружинит ли сюжет? А где должное педалирование? Где спектр? Где фокус? Наполнение? Теплота? Изюминка? Ваше произведение, милейший Борис Романович, отмечено печатью замечательнейшего таланта, но должную форму оно примет минимум через три месяца. — И, вспомнив, что съемки в Крыму закончатся 12 июня, добавил: — Я даже точнее скажу: не раньше второй половины июня!

Драматург и Маргарита Марковна одновременно взглянули на Тамарина с выражением растерянности, но главный режиссер, не теряя выдержки, с улыбкой шепнул режиссеру:

— Маленькая осечка. Чепуха! Его сейчас разделают под орех. Верьте моему нюху!

Обсуждение продолжалось.

Актриса Ларина, глядя в упор на молодую героиню Тихомирову, заявила, что, к ее крайнему сожалению, центральная женская роль Галины насквозь схематична и начисто лишена внутреннего темперамента.

Заведующий труппой Игнатий Назарович, воздав должное творческой смелости драматурга, усомнился, однако, не слишком ли мрачна драма Забродина и не следует ли нейтрализовать ее веселым водевилем.

Жена Горского Софья Петровна, мило улыбаясь актрисе Азиатцевой, решительно заявила, что большая роль пионервожатой Нины не может согреть сердце чуткой артистки:

— Иногда маленький эпизод, вроде такого, какой мне настойчиво предлагают в кино, стоит огромной роли!

Азиатцева тут же попыталась возразить, но супруги Горские сбили ее коллективной репликой:

— Вы метите на эту роль! Надо быть выше узколичных интересов!

Побледневший драматург молчал. Маргарита Марковна вся както съежилась. Главный режиссер нервно зажигал папиросу, но тут же гасил ее. Одни только неугомонные Лукин и Рычагов продолжали подавать возмущенные реплики ораторам, которые воздавали должное неуемному таланту драматурга и с грустью констатировали недостатки его пьесы.

Попытки других актеров отстоять пьесу были решительно пресечены режиссером Сеньковским, который выступал последним. Размахивая зажженной трубкой, он в общем и целом присоединился к тем, кто критиковал пьесу. Глубоко вздохнув и запивши вздох водой, Сеньковский сказал:

— Я, безусловно, уверен, что у Бориса Романовича найдется достаточно мужества и энергии, чтобы не спеша и вдумчиво воплотить в новом варианте пьесы ту принципиальную и доброжелательную критику, какой неизменно отличалась наша труппа. Порукой этому — великолепный талант драматурга!

Эти слова были покрыты аплодисментами, на сей раз более продолжительными и бурными.

...Через неделю стало известно, что пьесу «Его отец» уже репетируют в другом театре. Попыхивая трубкой, Сеньковский сказал Горскому:

— Я всегда говорил, что наше руководство не умеет работать с драматургами.

Горский, спешивший в киностудию, куда его вызвали подписать договор на съемки, на ходу закивал головой:

— Да, не везет нам на современную драму. Трагически не везет...

Кирилл Борисович и Нина Борисовна Жирковичи.

Фото Б. Кузьмина.

СЧАСТЛИВЫЙ СВЕТ ИСКУССТВА

Более тридцати лет назад возникло Всероссийское общество слепых. Оно стало заботиться о том, чтобы люди, потерявшие зрение, смогли получить образование, профессию и плодотворно трудиться.

Для слепых музыкантов и певцов были учреждены в Москве и Ленинграде специальные музыкальные объединения. За три десятилетия отсюда вышло немало одаренных артистов. Многие москвичи знают талантливого пианиста Московской консерватории Леонида Зюзина. Слушая сложнейшие произведения Бетховена, Скрябина, Рахманинова в мастерском исполнении Зюзина, трудно поверить, что он не видит ни зала, в котором выступает, ни даже собственных пальцев, виртуозно скользящих по клавишам рояля... Талантливы и слепые музыканты брат и сестра Жирковичи, окончившие Московскую консерваторию. Успешное выступление молодых артистов в Московском доме литераторов заинтересовало писательскую общественность. Вот что пишет о них Константин Федин в статье «Высокое искусство»:

«Жирковичи — законченные артисты-концертанты... исполнители творческого плана, люди, ищущие своих путей. Они создают своего рода новый жанр популяризации классической музыки среди широчайших масс. Их музыкально-литературные композиции производят прекрасное впечатление».

Методические приемы Зюзина и Жирковичей во многом тождественны: музыканты не знакомы с брайлевской (выпуклой) нотной системой, поэтому разучивание ими новых произведений основано главным образом на музыкальной памяти. Им последовательно, небольшими отрывками, играют нужные места, и музыканты с профессиональной быстротой запоминают проигранное. Большую помощь в этом деле оказывает им теперь магнитофон.

Иные методические приемы использует окончивший Московскую консерваторию скрипач И. Г. Яковлев. Будучи слепорожденным, он легко усвоил брайлевскую нотную систему. Ему помогает разучивать репертуар не только музыкальная память, но и непосредственное чтение выпуклых нот. Здесь, конечно, много технических трудностей, но есть и преимущества перед нотной «неграмотностью» музыкантов, рассчитывающих исключительно на свой слух.

Среди слепых есть и член Союза советских композиторов И. М. Попков, автор струнного квартета, а также нескольких романсов на текст брюсовских стихотворений. Сейчас композитор работает над детской оперой «Колобок».

Интересна судьба К. А. Сергеевой, ставшей впоследствии мастером художественного слова. Она ослепла в раннюю пору своей жизни. Ксения Александровна преодолела растерянность первых дней горя и решила испытать себя на эстраде. Ей удалось успешно приобрести необходимые навыки эстрадных выступлений: участвуя с опытными мастерами в трудных драматизированных композициях, она не только не нарушает общего ансамбля, но часто выделяется мягкой непосредственностью своего исполнения.

Хочется рассказать и о слепом скульпторе. «Слепой скульптор» — это звучит почти фантастично, многие не верят, что слепая могла стать профессиональным скульптором, но факт остается фактом: у Лины По не было ни одного процента зрения. И, тем не менее, ее скульптурные работы, выставленные в Третьяковской галерее, поражают своим глубоким внутренним смыслом, тончайшей филигранной отделкой. Среди ее работ выделяются «Партизанка», «Прыжок», «Балет», «Девушка с голубями». Трудно забыть ее необычного Пушкина: измученного, затравленного гения, тоскливо предчувствующего свою неизбежную гибель... Друзья Лины По так рассказывают о создании этой интересной скульптуры:

«Лина долго, с большим нервным напряжением вынашивала образ великого поэта. В конце концов он настолько окреп в ее сознании, что стал для нее почти реальным, живым. Это был своего рода сон наяву. Оставалось только воспроизвести его в скульптуре».

Таковы наши слепые скульпторы, музыканты, композиторы, мастера художественного слова... Невесело начали они свою жизнь, но свет подлинного искусства оказался сильнее большого человеческого несчастья.

Н. ДМИТРИЕВ

Финский юмор

Чтобы не утомлять аудиторию, я остальные 25 страниц моего доклада раздам вам для домашнего ознакомления.

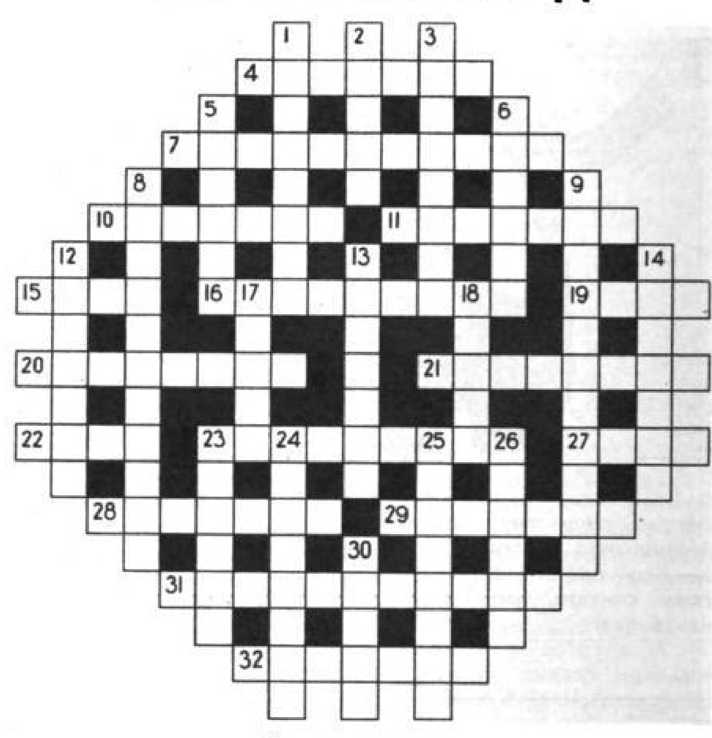
— Это платье делает госпожу необычайно стройной.

— Нау, мяу, курняу!..
— Ну, ну!.. Так ведь все говорят.

Когда слова лишние...

(Из журнала «Тэнээн», Хельсинки).

КРОССВОРД

По горизонтали:

4. Соглашение. 7. Вспомогательная историческая дисциплина. 10. Механизм для подъема тяжестей. 11. Русский физик и электротехник. 15. Часть шахтной печи. 16. План развития народного хозяйства. 19. Город на реке Урал. 20. Балка крыла самолета. 21. Строитель. 22. Вечнозеленый кустарник. 23. Звездная система. 27. Часть света. 28. Полуостров в Северной Америке. 29. Химический элемент. 31. Удобрение. 32. Ягода.

По вертикали:

1. Лицо, готовящееся к научной деятельности. 2. Дипломатический представитель. 3. Единица мощности. 5. Центр автономной области. 6. Одно из измерений. 8. Число, участвующее в одном из арифметических действий. 9. Вид полевых работ. 12. Гриб. 13. Лечебное учреждение. 14. Правосудие. 17. Плод кустарников и трав. 18. Торговая палатка. 23. Метательный снаряд. 24. Растение семейства бобовых. 25. Раствор для побелки, штукатурки. 26. Благоухание. 30. Столица европейского государства.

Ответы на кроссворд, помещенный в № 12

По горизонтали:

4. Воззрение. 7. Графит. 8. Нептун. 10. Бульдозер. 12. Буран. 13. Страз. 15. Бруно. 18. Молекула. 19. Зеравшан. 20. Ботаника. 22. Репортаж. 23. Токио. 24. Верша. 27. Шведы. 28. Гармонист. 29. Уссури. 30. Войнич. 31. Гониометр.

По вертикали:

1. Косинус. 2. Президиум. 3. Пиренеи. 5. «Прозаседавшиеся». 6. Культивирование. 9. Суворовец. 11. Караганда. 14. Бунин. 15. Батат. 16. Озеро. 17. Крепь. 21. Аккордеон. 25. Патриот. 26. «Ясность».

Морской гость

Рефрижераторное судно «РР-1261» под командованием капитана Овсянникова находилось на сельдяном промысле в водах Северной Атлантики, за Полярным кругом.

Возле судна затеялась очередная жестокая драка среди глупышей. (Глупыши — неутомимые птицы открытого моря, отличные пловцы, кормятся рыбой, отдыхают и даже спят на воде. Где глупыши, там, знает рыбак, должно быть и много сельди.) Один из глупышей, атакованный драчливыми сородичами, спасаясь, сел на корабль. Однако, легко поднимаясь с воды после небольшого разбега, глупыш с палубы взлететь не мог. Так остался он на судне и был «поставлен на довольствие».

В длительной разлуке с родным берегом рыбаки обрадовались и этому гостю, наперебой кормили его свежепойманной селедкой и белым хлебом. Глупыш быстро приручился и важно расхаживал по палубе, строго качая головой. Два месяца прожил он на ботдэке, у выхлопного патрубка, и стал от сажи черным, как галка. Бывало, матросы подкинут летуна высоко в воздух, только и видели его! Но через час — другой смотрят: возвращается «черныш»! Из десятка кораблей он обязательно разыщет свой, хотя траулеры, как братья, похожи друг на друга.

— У нашего приятеля — отличная память! — говорили матросы.— Где пообедает, туда и ужинать придет.

Лишь с наступлением октябрьских холодов, когда в небе стали часто появляться цветные россыпи полярного сияния, глупыш не вернулся после очередного полета.

Макс ЗИНГЕР

Фото Н. Сердюкова.

Из почты «Огонька»

Необычайное путешествие

Произошло это в одном из городов Подмосковья. Детишки моего товарища, жившие вместе с отцом в общежитии, принесли из леса молодого ежа.

Еж скоро привык к перемене местожительства и чувствовал себя неплохо. Все привыкли к маленькому жильцу, но вдруг он исчез.

Прошло месяца два. В одной из комнат общежития вечером собралась группа жильцов: они пришли навестить вернувшегося из командировки товарища — его звали Андрей. Было холодно, и Андрей решил надеть валенки. Раскрыл чемодан, достал их, всунул ногу в валенок и... закричал.

Приятель Андрея быстро стащил с его ноги валенок и начал трясти. К общему удивлению, из валенка вывалился еж.

Что же оказалось? Еж в поисках места для зимнего сна нашел валенок Андрея, залез в него и заснул.

Андрей, уезжая в Свердловск, взял валенки с собой, но надевать их ему не пришлось. Таким образом, еж проделал путешествие в Свердловск и обратно в родные места.

Мы устроили ежа в ящике, где он проспал зиму, а весной ребятишки отнесли его в лес.

В. ЛОБОДА

В этом номере на вкладках: 8 страниц цветных фотографий.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ. Редакционная коллегия: В. Ф. БАРЫКИН, А. С. ВАРШАВСКИЙ, И. П. ГОРЕЛОВ, В. С. КЛИМАШИН (зам. главного редактора), Л. А. КУДРЕВАТЫХ (зам. главного редактора), Е. Н. ЛОГИНОВА, Т. З. СЕМУШКИН, Н. С. ЩЕРБИНОВСКИЙ.

Адрес редакции: Москва, Д-47, ул. «Правды», 24. Тел. Д 3-38-61.

Оформление Л. Шумана.

А 03803. Подп. к печ. 21/III 1956 г. Форм. бум. 70×108⅛ 2,5 бум. л.— 6,85 печ. л. Тираж 1 000 000. Изд. № 263. Заказ № 609. Рукописи не возвращаются.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, Д-47, ул. «Правды», 24.

Меглиби Манапов, старший чабан Шелковского овцесовхоза № 6 Грозненской области,— участник Всесоюзной сельскохозяйственной выставки. За отличные производственные показатели в развитии тонкорунного высокопродуктивного овцеводства он награжден орденом Трудового Красного Знамени и удостоен звания «Мастер овцеводства». Его имя занесено в Книгу почета совхоза.

Фото С. Еленина.

Цена номера 3 руб.